ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ГОЛОВНОЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ
МИНИСТЕРСТВА ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ИЗ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

Статьи и очерки

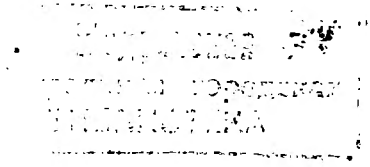
к 70-летию со дня рождения
проф. В. В. МАВРОДИНА

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В статьях сборника исследуются важнейшие проблемы истории России IX—XIX вв. — социально-экономические вопросы русского феодализма, становление древнерусского города, эволюция аграрных отношений (положение крестьянства, формы землевладения и землепользования), социально-политическое развитие феодальной России.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей истории, всех интересующихся историей нашей страны.

Редколлегия: канд. ист. наук *А. Я. Дегтярев*, проф. *В. Л. Ежов* (отв. ред.), *В. А. Петрова*, д-р ист. наук *И. Я. Фроянов* (отв. ред.), проф. *А. Л. Шапиро*



И $\frac{10604-026}{076(02)-78}$ 40—78

© Издательство Ленинградского университета, 1978 г.

В. А. Ежов, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро

ИСТОРИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ В ТРУДАХ В. В. МАВРОДИНА

В марте 1978 г. исполняется 70 лет заслуженному деятелю науки РСФСР, профессору Ленинградского университета Владимиру Васильевичу Мавродину. Имя В. В. Мавродина стоит в ряду имен лучших представителей советской исторической науки. «В жизни ученого и писателя, — говорил когда-то В. О. Ключевский, — главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли». Какие же факты и события составили творчество В. В. Мавродина, обеспечившее ему столь почетное место в историографии?

В. В. Мавродин приобщался к науке в ту пору, когда марксистско-ленинское направление завоевывало в советской историографии господствующие высоты, когда марксизм-ленинизм становился в нашей стране методологической основой исследований, относящихся к древней и новой, к отечественной и зарубежной истории. Методологическая перестройка протекала отнюдь не гладко. Она сопровождалась ожесточенной борьбой против старых буржуазных концепций, а также бурной полемикой среди самих историков-марксистов.

Интерес к истории феодальной России пробудился у В. В. Мавродина с первых лет пребывания в Ленинградском университете. Активное участие в деятельности студенческого семинара и обучение в аспирантуре под руководством выдающегося советского историка Б. Д. Грекова во многом определили научные интересы В. В. Мавродина. Под влиянием Б. Д. Грекова молодой ученый обращается к истории Киевской Руси. Но это не было простым подражанием ученика своему маститому учителю. То был самостоятельный научный поиск.

Надо вспомнить ситуацию, которую переживала в 30-е годы советская историография Киевской Руси. В это время рождалась современная концепция социально-экономического строя Древней Руси. Она формировалась в атмосфере жарких споров

и острых дискуссий. В. В. Мавродин — непременный участник дискуссий, проходивших в стенах Государственной академии истории материальной культуры, которая стала одним из главнейших центров, где разрабатывались вопросы становления и развития докапиталистических формаций. Слово В. В. Мавродина звучит интересно и убедительно.[1] Без имени В. В. Мавродина нельзя представить развитие в 30-е годы советской историографии русского раннего средневековья не только потому, что им тогда было создано немало работ по истории Киевской Руси, но и потому (и это очень важно), что в своих трудах он рассматривал малоисследованные проблемы, изучение которых стояло в повестке дня исторической науки. Таковой, например, являлась проблема классовой борьбы на Руси XI—XII вв. И в 1934 г. появляется в печати статья В. В. Мавродина «К вопросу о восстаниях смердов».[2] В ней нарисована яркая картина волнений древнерусских смердов, раскрыт прогрессивный и революционный характер народных восстаний. Перу В. В. Мавродина принадлежит еще одна появившаяся несколько позднее статья о народных движениях в Галицко-Волынской Руси XII—XIII вв.[3] Здесь автор обосновывал мысль о влиянии классовой борьбы на создание специфических форм государственного устройства Галицко-Волынской земли. Ценным качеством исследований В. В. Мавродина о классовой борьбе в Киевской Руси, написанных в 30-е годы, было стремление показать ее воздействие на экономическую (рост производительных сил) и политическую (складывание государственности) сферы жизни. Их значение заключается еще и в том, что они создавались на переднем крае исторической науки, т. е. были одними из первых среди трудов советских историков, созданных в 30-е годы.

Известно, что в докладах, статьях и монографиях Б. Д. Грекова по древнерусской истории, с которыми он выступал в 30-е годы, проводилась идея о переходе восточных славян непосредственно к феодализму в результате разложения первобытнообщинного строя. Это была весьма плодотворная идея. Однако у Б. Д. Грекова она не получила детального обоснования, что вполне естественно, так как ученый главное внимание сосредоточил на изучении социальных явлений X—XII вв. Предшествующий же период, когда происходил интенсивный распад первобытнообщинных отношений у восточного славянства, Б. Д. Греков не успел осветить с той основательностью, с какой он осветил последующий период сложившегося, как он полагал, феодализма. Эпоха падения первобытного общества оставалась не-

---

[1] ИГАИМК, 1934, вып. 86; 1934, вып. 103.

[2] Мавродин В. В. К вопросу о восстаниях смердов. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 6.

[3] Мавродин В. В. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве в XII—XIII вв. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1939, т. 48. Сер. ист. наук, вып. 5.

достаточно изученной и другими историками. В. В. Мавродин восполнил данный пробел, написав исследование «Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории Древней Руси».[4] На основе широкого круга источников он воспроизвел процесс разложения первичной формации и возникновения классового общества в России.

Важной вехой в творческой биографии В. В. Мавродина является изданная в 1940 г. монография «Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.)» — капитальный труд, с блеском защищенный автором в качестве докторской диссертации. В. В. Мавродину тогда было всего 32 года. В «Очерках» он подвел итог своим наблюдениям по социально-экономической и социально-политической истории восточных славян и средневековой Руси в рамках почти целого тысячелетия. «Очерки» были заметным событием в советской историографии, о чем единодушно говорили виднейшие специалисты (Б. Д. Греков, В. И. Равдоникас и др.).

В. В. Мавродин не ограничивал своих исследований древнерусской историей. Он успешно изучал Московскую Русь, опубликовав в 1939 г. книгу «Образование русского национального государства». Определяя ее значение, Л. В. Черепнин позднее назовет ее первой советской работой, специально посвященной образованию Русского централизованного государства.[5] Действительно, книга В. В. Мавродина явилась первым марксистским обобщающим исследованием на данную тему и в этом ее историографическая ценность.

Однако и Московская Русь не оказалась предельной областью исследований В. В. Мавродина. Уже в начале 30-х годов его внимание привлекает история крестьянских войн. В конце 1933 г. В. В. Мавродин выступил на совещании ученых Москвы, Ленинграда и других городов, где обсуждались основные проблемы крестьянских войн в России. Он подчеркивал, что борьба крестьян против феодалов является стержнем развития феодального общества.[6] Это убеждение обусловило его интерес к классовой борьбе крестьян, который он проносит через всю свою научную жизнь.

Исследование классовой борьбы русского крестьянства сочеталось у В. В. Мавродина с изучением конкретного положения крестьян в России XVII в. Об этом свидетельствовал выход в свет его рецензии на первый том публикации «Хозяйство крупного феодала XVII в.», куда вошли документы из вотчинного архива боярина Морозова.[7] В своей рецензии В. В. Мавродин

[4] Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, 1939, т. XIX, каф. истории СССР.

[5] Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 115.

[6] Исторический сборник, т. 1. Л., 1934.

[7] Мавродин В. В. [Рец. на кн.:] Хозяйство крупного феодала XVII в. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 3.

высказал ряд принципиальных мыслей. Он подчеркнул, что хозяйственная деятельность крепостного крестьянства и взаимоотношения крестьян с землевладельцем в рамках вотчины и поместья оставались слабо освещенными в дореволюционной историографии. Придавая первостепенное значение крепостнической эксплуатации Морозовым крестьян, В. В. Мавродин разошелся во мнениях с историками, изображавшими боярина как героя первоначального накопления. В то же время ученый отмечал наличие в морозовских вотчинах XVII в. дифференциации крестьянства. Надо сказать, что вопрос о дифференциации крестьян России XVII в. в литературе 30-х годов был только поставлен. В последующие десятилетия он стал предметом широкой дискуссии. То обстоятельство, что В. В. Мавродина этот важный вопрос рано заинтересовал, не является случайным. Его внимание в первую очередь привлекали такие сюжеты из истории русского феодализма, исследование которых представляло существенное значение для материалистического объяснения истории нашей страны.

Это относится и к проблеме русской мануфактуры XVII в. В 1934 г. вышла из печати коллективная монография Н. Б. Бакланова, В. В. Мавродина и И. И. Смирнова «Тульские и Каширские заводы в XVII в.». Здесь В. В. Мавродин с полным основанием отверг распространенное в буржуазной науке мнение о том, будто Тульские и Каширские заводы работали в XVII в. исключительно на казну и производили оружие лишь для армии. Он полагал, что данные заводы «в основном своем производстве ориентировались на рынок». В. В. Мавродин говорил о Тульских и Каширских заводах как о капиталистической мануфактуре, «но имеющей определенный крепостнический отпечаток в силу того, что она возникла и развивалась в толще феодальных отношений и в конце концов трансформировалась в крепостническую».[8]

После выхода в свет названного труда вопрос о социальной природе Тульских и Каширских заводов, а также других мануфактур XVII в. неоднократно дискутировался и изучался. Сейчас мы знаем о них гораздо больше, чем в 30-е годы. И тут необходимо подчеркнуть, что отказ В. В. Мавродина от однозначного решения (только капиталистическая или только крепостная мануфактура) и его стремление изучать историю заводов XVII в. в связи с общими социальными процессами оказались весьма плодотворными. Этими принципами наиболее вдумчивые исследователи руководствуются и сейчас.

Разрабатывая и отстаивая марксистско-ленинское понимание отечественной истории периода феодализма, В. В. Мавродин, как и другие историки 30-х годов, уделял много внимания

---

[8] Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и Каширские заводы в XVII в. М.—Л., 1934, с. 125, 139.

критике немарксистских взглядов. Главный его аргумент — позитивная разработка поднимаемых проблем, основанная на максимальном количестве источников, чуждая жонглированию цитатами, навешиванию ярлыков, созданию скороспелых концепций, не опирающихся на глубокий анализ материала.

Говоря о творчестве В. В. Мавродина в 30-е годы, нельзя не упомянуть университетского курса по истории СССР, подготовленного им и выпущенного в свет издательством ЛГУ в 1938 г.[9] В Курсе нашли удачное преломление научные изыскания автора. Это был один из первых лекционных курсов, появившихся в нашей стране после открытия исторических факультетов в университетах.

Исследовательскую и преподавательскую работу В. В. Мавродин всегда совмещал с деятельностью пропагандиста и популяризатора русской истории. Еще в довоенные годы он неоднократно выступал в партийной печати со статьями о традиционной дружбе народов СССР, об их борьбе с иноземными захватчиками. Так, в 1937—1938 гг. в органе Ленинградского обкома и горкома КПСС «Пропаганда и агитация» им были напечатаны статьи о борьбе русского народа против немецких рыцарей, о борьбе украинского народа против владычества польских панов и о воссоединении Украины с Россией. Но в полной мере талант Мавродина-пропагандиста раскрылся во время Великой Отечественной войны. В осажденном Ленинграде, а затем в Саратове с неутомимой энергией он пишет статьи и брошюры о героическом прошлом русского народа, обращенные к массовому читателю и прежде всего к воинам Красной Армии.

В военные годы В. В. Мавродин стал заниматься историей Ленинградского университета, которая привлекает его внимание по сей день.[10]

Война не прервала научных изысканий В. В. Мавродина. В 1944 г. в Саратове он завершил работу над фундаментальной монографией «Образование Древнерусского государства». Свою, казалось бы, далекую по содержанию от современности, книгу В. В. Мавродин писал с мыслью о суровых испытаниях, выпавших на долю Отечества, с мыслью о неизбежной победе над врагом. Характерно в этой связи посвящение: «Воинам доблестной Красной Армии, богатырям земли Русской, сражавшимся за освобождение нашего древнего Киева в грозовую и победоносную осень 1943 года, посвящает автор эту книгу».

«Образование Древнерусского государства» — одно из самых заметных явлений в советской историографии, изучающей

---

[9] История СССР, ч. I—II. Л., 1938.

[10] Мавродин В. В. Ленинградский университет. 1917—1944. — В кн.: Ленинградский университет (1819—1944). М., 1945; Мавродин В. В., Гладкевич П. Г., Шилов Л. А. Ленинградский университет. Л., 1957; Гуков В. А., Мавродин В. В. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л., 1975.

древнерусский период отечественной истории. Обращает внимание широта проблематики исследования: происхождение славян, анты и начальный этап истории русского народа и русской государственности, восточнославянские племена накануне образования Киевского государства, разложение первобытнообщинного строя и генезис феодализма у восточных славян, первые государственные образования у восточных славян и возникновение Киевского государства, Русь во времена Владимира и Ярослава, значение Киевского периода в истории славянских народов Восточной Европы. Эта книга В. В. Мавродина по праву вошла в золотой фонд нашей исторической науки.[11]

Несколько позднее появилось исследование В. В. Мавродина о классовой борьбе в Древней Руси, в котором рассматривались народные восстания XI—XII вв. в рамках всей страны: Руси Южной (Киевской), Северо-Восточной, Северо-Западной, Юго-Западной.[12] Это было первое и единственное в нашей науке (до издания известной книги М. Н. Тихомирова) обобщающее исследование по истории классовой борьбы на Руси XI—XII вв.

В. В. Мавродину принадлежит приоритет и в создании обобщающего труда по начальной истории мореходства в России.[13] Морская тема вообще в творчестве ученого занимает видное место. Без трудов В. В. Мавродина сейчас невозможно представить историю морского дела в феодальной России.[14]

Есть еще одна важная проблема отечественной истории, начало специальному изучению которой положил В. В. Мавродин. Это — проблема древнерусской народности. Первая постановка проблемы о древнерусской народности содержится уже в монографии «Образование Древнерусского государства». Здесь автор рассматривает вопрос о древнерусской народности прежде всего в теоретическом плане. Однако вскоре появились работы, где В. В. Мавродин проследил на конкретном материале формирование и развитие древнерусской народности.[15] Будучи исто-

[11] Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

[12] Мавродин В. В. Классовая борьба в Древней Руси. — В кн.: Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949.

[13] Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949.

[14] Мавродин В. В. 1) Первые морские походы русских на Каспийском море. — «Морской сборник», 1939, № 9; 2) Первые русские суда. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1948, № 10; 3) О мореходстве на Руси до образования Киевского государства. — «Морской сборник», 1948, № 9; 4) Русское мореходство в период феодальной раздробленности (середина XI — середина XIII вв.). — Вестн. Ленингр. ун-та, 1949, № 2; 5) Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на Севере Европы с древнейших времен до XVI века. — «Вопросы истории», 1954, № 8; 6) Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском) с древнейших времен до XVI в. включительно. Симферополь, 1955; 7) Русское мореходство на Балтийском море в XIII—XVI вв. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1956, т. 205. Сер. ист. наук, вып. 24 и др.

[15] Мавродин В. В. 1) Основные этапы развития русского народа. —

риком широкого творческого диапазона, В. В. Мавродин, естественно, стремился выйти за пределы Киевской Руси, чтобы показать следующий этап этнического развития русского народа, связанный с образованием великорусской народности. В монографии «Образование единого Русского государства», переизданной после тщательной переработки, имеется особый раздел, где автор исследует процесс складывания древнерусской народности киевских времен и великорусской народности в эпоху становления Русского централизованного государства.[16] Что касается последнего, то надо сказать, что В. В. Мавродин по прежнему основательно занимался его историей. Об этом свидетельствует новое (1951 г.) издание упомянутой книги в значительно расширенном варианте, а также плодотворное участие автора в дискуссии о причинах образования Русского централизованного государства, развернувшейся в 1946 г. на страницах журнала «Вопросы истории» вслед за публикацией известной статьи П. П. Смирнова.[17]

На протяжении последних 20 лет В. В. Мавродин неоднократно возвращался к сюжетам из древнерусской истории, которые исследовал в предшествующий период. Назовем главнейшие из них: разложение первобытнообщинных отношений и возникновение классового общества на Руси, образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, классовая борьба в Киевской Руси.[18] Нельзя не упомянуть еще один аспект исследований ученого, а именно работ, посвященных охоте в Древней Руси. Эти работы имеют очень важное научное значение. Дело в том, что в советской историографии конца 40-х — начала 50-х годов укоренилась мысль, согласно которой охота на Руси IX—XIII вв. изменила свой характер, превратясь из «мясной» преимущественно в «пушную».[19] На основе обильного материала, добытого советскими археологами и в последнее время, В. В. Мавродин убедительно показал важную роль охоты как источника мясной пищи населения Киевской Руси, внеся, следовательно, уточнение в установив-

---

«Вопросы истории», 1950, № 4; 2) Историческая общность русского и украинского народов. «Славяне», 1954, № 3; 3) Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, с. 258—263.

[16] Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л., 1971, с. 205—231.

[17] Мавродин В. В. Несколько замечаний по поводу статьи П. П. Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.». «Вопросы истории», 1946, № 4.

[18] Мавродин В. В. 1) К вопросу о развитии производительных сил и земледелии восточных славян и о связи этого процесса с разложением первобытнообщинных отношений. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969; 2) Народные восстания в древней Руси. М., 1961; 3) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

[19] История культуры Древней Руси, т. 1. М.—Л., 1948, с. 72.

шиеся взгляды о соотношении различных отраслей народного хозяйства X—XII вв.[20]

Много внимания В. В. Мавродин уделяет историографическим проблемам Древней Руси. Им опубликованы обстоятельные очерки советской историографии социально-экономического строя Киевской Руси, образования Древнерусского государства.[21] В. В. Мавродин возглавил коллектив авторов, подготовивших капитальную книгу по советской историографии Киевской Руси, которая должна скоро выйти из печати. Это будет первое в нашей исторической науке историографическое исследование о древнерусском периоде отечественной истории.

С середины 50-х годов В. В. Мавродин все чаще и чаще обращается к истории Крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева. Эта тема становится центральной в творчестве ученого последних двух десятилетий. Итогом изучения Крестьянской войны 1773—1775 гг. явился трехтомный труд представляющий собой самую солидную и самую обстоятельную историю восстания Пугачева в прошлой и современной исторической науке. Можно с уверенностью сказать, что это его качество сохранится надолго. Первый том названного труда целиком написан В. В. Мавродиным, а два остальных — в соавторстве с учениками и коллегами.[22]

В. В. Мавродин снабдил исследование подробным обзором литературы о Пугачеве, в котором речь идет не только о специальной исторической литературе, но и об отражении восстания в общественно-политической мысли, художественной литературе, устном народном творчестве, зарубежной литературе и даже в кино. Заметим попутно, что столь всесторонняя историография не составлена по другим крестьянским войнам в России.

Большой раздел первого тома «Крестьянской войны 1773—1775 гг.» посвящен классовой борьбе в России в 50-х — начале 70-х годов XVIII в. Здесь В. В. Мавродин выделяет различные ее формы: уклонения от выполнения повинностей в пользу феодала, побеги и «разбои», «мятежи», «гили», восстания и др. Таким образом, Крестьянская война, потрясшая устои крепостной России, рассматривается в тесной связи с многочисленными проявлениями повседневных или часто повторяющихся форм классовой борьбы.

---

[20] Мавродин В. В. 1) Охота в Киевской Руси. — «Охотничьи просторы», т. 18. М., 1962; 2) Во времена Киевской Руси. — «Охота и охотничье хозяйство», 1970, № 12; 3) О роли охоты и рыбной ловли в хозяйстве восточных славян. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории вып. 3. Л., 1976.

[21] Мавродин В. В. 1) Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси. — «История СССР», 1962, № 1; 2) Советская историография Древнерусского государства. — «Вопросы истории», 1967 № 12.

[22] Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. I. Л., 1961; т. II. Л., 1966; т. III. Л., 1970.

Во втором и третьем томах исследуется ход Крестьянской войны во всех районах, на которые она распространилась, и все теоретические вопросы, с ней связанные: движущие силы, характер восстания, стихийность и сознательность, общественное сознание восставших, причины поражения, историческая роль войны.

Трехтомное «Восстание Е. Пугачева» относится к разряду исследований, которые не только решают важные проблемы, но и вызывают споры, стимулируя плодотворные научные обсуждения.

В. В. Мавродин высказал суждения по всем дискуссионным вопросам истории восстания Е. Пугачева и по важнейшим проблемам истории крестьянских войн в России вообще. Полемизируя с Б. Ф. Поршневым, он указывает на необходимость проводить грань между крестьянскими войнами и другими формами классовой борьбы крестьянства. В. В. Мавродин предложил и определение крестьянских войн, принимая во внимание как их общие (присущие России, Западной Европе и Востоку) признаки, так и специфичные черты, свойственные крепостной России.

Он решительно выступил против исследователей, которые полагают, что крестьянские войны были ориентированы только в плане установления более приемлемой для крестьян разновидности феодализма, противопоставив им тезис о направленности восстания Е. Пугачева на ликвидацию всей крепостнической системы. Крестьяне, по убеждению В. В. Мавродина, боролись не за «смягченный», «более благоприятный» для них вариант отношений, а против крепостничества в целом и за установление такого строя, где вольный человек сидел бы на вольной земле. В настоящее время эта точка зрения поддерживается большинством советских авторов, пишущих о восстаниях Разина и Пугачева. Но наиболее полно и обстоятельно этот взгляд аргументирован в трудах В. В. Мавродина.

Некоторые историки считают, что в период крестьянских войн приходится говорить не об идеологии, а лишь о социальной психологии крестьянства, поскольку идеология вырабатывается только теоретиками и формулируется в таких программных документах, каких не было у восставших крестьян XVII—XVIII вв. В. В. Мавродин подчеркивает, что следует различать идеологию в узком смысле слова, когда имеется в виду научно разработанная система взглядов, и идеологию в широком смысле слова, под которой понимается весь комплекс идей и чаяний, характерных для каждого класса. В этом последнем смысле идеология была присуща и восставшим русским крестьянам XVII и XVIII вв.

В. В. Мавродин особо отмечает, что нельзя преувеличивать локальность крестьянских войн в России. Он придает значение не столько обширности территории, охваченной восстаниями, сколько стремлению предводителей повстанцев овладеть «всем

Российским царством» и во всем «Российском царстве» известн бояр, дворян и всех «кровопивцев».

Важную роль отводит В. В. Мавродин участию в Крестьянской войне 1773—1775 гг. нерусских народов Поволжья, Заволжья и Западной Сибири.

Классовую борьбу русских крестьян ученый изучает в связи с историей общественно-политической мысли. Проблемам классовой борьбы и общественно-политической мысли в России XVIII в. посвящены два его курса лекций, опубликованные в 1964 и 1975 гг.[23]

В. В. Мавродин известен еще и как автор превосходных обзоров советской исторической литературы о крестьянских войнах в России.[24]

Мы рассмотрели основные направления исследовательской деятельности В. В. Мавродина. Для его научного творчества прежде всего характерно глубокое знание и понимание марксистско-ленинского учения, умение применять это учение при объяснении конкретных явлений и процессов истории СССР. Труды В. В. Мавродина построены на весьма прочной и значительной фактической основе. Круг источников, используемых в них, широк и многообразен. Кроме обилия письменных и устных памятников В. В. Мавродин постоянно привлекает археологические и этнографические сведения, филологический материал, данные исторической климатологии и других наук, сопредельных с историей и способных ее обогатить.

Научно-популярные работы и учебная литература, принадлежащие перу В. В. Мавродина, отличаются ясностью изложения, умением донести до читателя богатый и соответствующий новейшим достижениям науки материал. В научно-популярных и учебных сочинениях В. В. Мавродину удалось избежать двух дефектов, которые, к сожалению, нередко приходится наблюдать: это либо конспективность и разорванность изложения, превращающие книгу или статью в набор плохо связанных и потому трудно запоминающихся фактов, либо слабая идейная и фактическая насыщенность, а также обилие общих мест, давно известных читателю и не способных его заинтересовать. Некоторые научно-популярные книги В. В. Мавродина написаны столь увлекательно, что на протяжении десятков лет неизменно привлекают широкую читательскую аудиторию (например, «Петр Первый» в серии «Жизнь замечательных людей»).

---

[23] Мавродин В. В. 1) Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725—1773 гг.). Л., 1964; 2) Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1773—1790 гг.). Л., 1975.

[24] Мавродин В. В. 1) Советская историческая наука о крестьянских войнах в России. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966; 2) Советская историография крестьянских войн в России. — В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России, ч. 1. Л., 1967.

Тысячи выпускников исторического факультета Ленинградского университета, учившиеся у В. В. Мавродина, сейчас сами обучают истории в школах и пропагандируют исторические знания. Многие из его учеников, защитив кандидатские и докторские диссертации, преподают историю СССР в университетах и педагогических институтах или работают в научных учреждениях. Проблематика диссертационных исследований учеников В. В. Мавродина так же широка, как и проблематика его собственных изысканий. Тут и сложные проблемы Киевской Руси, и классовая борьба в России и на Украине, национально-освободительная борьба украинского народа в XVII в., история колонизации пристепной полосы Московского государства, мореходство (в том числе полярное) и судостроение в XVII в., история огнестрельного оружия, вопросы истории Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева, история общественной мысли и многие другие существенные проблемы.

В. В. Мавродин крупный организатор науки. Долгие годы он бессменно руководит кафедрой истории СССР исторического факультета Ленинградского университета. Кафедра ныне является одной из ведущих в нашей стране. И в этом большая заслуга В. В. Мавродина. Более двадцати лет В. В. Мавродин возглавлял исторический факультет, будучи его деканом. И во всем, чем славится и славен исторический факультет, есть немалая заслуга В. В. Мавродина.

Даже в самом кратком очерке невозможно не коснуться личных качеств В. В. Мавродина, которые притягивают к нему человеческие души. Владимир Васильевич всегда доброжелателен, отзывчив и прост в общении с людьми. Он обладает редким в ученом мире свойством терпимости к мнению других, уважительного отношения к идеям и наблюдениям своих коллег, если они расходятся или, более того, противоречат его собственным взглядам. «Тот ученый, который считает свою точку зрения единственно правильной, перестает быть ученым», — часто говорит В. В. Мавродин. Он богат доброй мудростью, согревающей всех, кто с ним соприкасается.

Заканчивая посвященную 60-летию В. В. Мавродина статью, С. Б. Окунь писал, что он ее не завершает, а прерывает в глубокой уверенности в том, что в последующий очерк о жизни и творчестве талантливого советского ученого можно будет внести много нового. Достаточно взглянуть на включенный в настоящую книгу список трудов В. В. Мавродина, изданных за истекшее десятилетие, чтобы убедиться в глубокой справедливости слов С. Б. Окуня.

И сегодня, выпуская сборник, который смог вместить лишь небольшую часть статей, посвященных В. В. Мавродину его многочисленными друзьями и учениками, мы желаем Владимиру Васильевичу Мавродину новых больших творческих успехов.

В. А. Булкин, И. В. Дубов

ТИМЕРЕВО И ГНЕЗДОВО

Новая страница истории восточнославянского мира начинается с образования города. Веяния наступившей эпохи наиболее рельефно запечатлелись в древних памятниках Новгорода, Киева, Чернигова, Ладоги, Полоцка и др. Однако прогрессивные тенденции развития некоторых таких центров, как выясняется, не всегда достигали предполагаемого результата. Анализ подобных явлений еще более оттеняет существенные причины, лежащие в основе раннегородского развития, наполняет его динамическим содержанием, обнаруживает присущие эпохе противоречия и закономерности. Именно эту ситуацию отражают памятники Тимерева и Гнездова, условия существования и судьбы которых ставят их в особый ряд по сравнению с другими синхронными центрами Древней Руси. Несмотря на то, что и тот и другой известны науке свыше ста лет, только в последнее время стала определяться их топографическая и функциональная структура.[1] Сейчас имеется некоторый материал для сравнительной характеристики обоих центров. Это, как мы полагаем, дает основание для суждений или, по крайней мере, для постановки вопроса о своеобразии развития этих поселений раннегородского облика.

[1] Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963; Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным).— Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 2, с. 65—70; Дубов И. В. 1) Работы Ярославского отряда. — В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973; 2) Ярославское Поволжье в IX столетии. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1976, № 14, с. 60—66; 3) Новые раскопки Тимеревского могильника. — КСИА АН СССР, 1976, № 146, с. 82—86; Ляпушкин И. И. Гнездово и Смоленск.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 35—37; Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 11—17; Шмидт Е. А. К вопросу о древних поселениях в Гнездове. — Материалы и исследования по Смоленской обл., вып. VIII. Смоленск, 1974, с. 150—164.

Тимеревский и Гнездовский комплексы памятников расположены на центральных водных путях, соединявших в IX—X вв. Восточную Европу с арабским Востоком, Византией, странами Западной и Северной Европы: первый — на Волжском пути, второй — на пути «из варяг в греки». Оба находятся в местах, с которых начинается новый по своим условиям участок пути: Тимерево — на ответвлении дорог, идущих с Волги в глубины Ростовской земли, Гнездово — на стыке днепро-двинского волока и Днепра. По своим масштабам и составу памятники Тимерева и Гнездова резко выделяются среди синхронных памятников округи. Тимеревский могильник насчитывает около 500 курганов,[2] размер поселения свыше 9 га; центральный комплекс Гнездова — более 3200 курганов и поселение площадью 15—16 га. В округе размер рядовых поселений в X в. составлял в среднем 1—2 га, курганные могильники насчитывали по несколько десятков насыпей.[3] В обоих центрах зафиксированы неоднократные находки монетных и денежно-вещевых кладов: в Тимереве — 2 клада, в Гнездове — не менее 7—8. Раскопки на поселениях Тимерева и Гнездова обнаружили, помимо прочего, остатки ремесленных мастерских, а вместе с ними орудия труда (тигли, льячки, формочки, кузнечный, ювелирный и столярный инструментарий), многочисленные заготовки, готовые изделия, брак, отходы производства. Сходными оказались и сами остатки производственных сооружений — наземных или слегка углубленных, в плане — вытянутых овальных или подпрямоугольных очертаний, ограниченных рядами столбовых ям, со следами очагов или горнов внутри. В Гнездове ремесленные мастерские сосредоточены в одном месте на берегу р. Свинки и образуют своеобразный производственный комплекс.

Господствующий обряд погребения в курганах Тимеревского и Гнездовского могильников — кремация умерших, либо на самой подкурганной площадке, либо в стороне от нее. На рубеже X и XI вв. в обоих центрах утверждается новый обряд—ингумация. В Тимереве на долю трупоположений приходится около 30%, в Гнездове—2% от всех исследованных курганов. В обоих случаях отчетливо прослеживается последовательное уменьшение размеров курганной насыпи от ранних к поздним в рамках X в. В Гнездове в XI в. курганная насыпь как таковая исчезает, заменяясь холмиком над грунтовой могилой. Указанные черты погребального обряда Тимерева и Гнездова распространены широко в пределах Восточной Европы и сами по себе вряд ли означают нечто большее, чем некоторые общие проявления

---

[2] По другим сведениям, правда, не поддающимся проверке, в Тимереве насчитывалось до 1500 насыпей.

[3] Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения древней Руси. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Труды ГИМ, вып. 32. М., 1956, 11—17; Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). — МИА СССР, 1960, № 92, с. 22, 23.

Шадринская
центральная городская
БИБЛИОТЕКА

языческих верований. Во всяком случае, эти черты при сум марном подходе еще не дают оснований для вывода о родствен ности в целом населения, оставившего эти курганы. Тот факт что Тимерево находилось в области, заселенной в дославянско время финскими племенами, а Гнездово — балтийскими, сви детельствует скорее об обратном.

Для Гнездовского могильника погребения с урнами, установ ленными в нормальном положении на подкурганной площадке представляют ту же норму обряда (85%), что для Тимеревского могильника безурновые (86%). В нынешней коллекции гнездов ской керамики преобладают гончарные сосуды, высота которы либо равна, либо превышает диаметр устья, тогда как для Ти мерева характерны преимущественно лепные сосуды приземи стых форм, иногда с округлым дном. В этой связи наше вни мание привлекли на первый взгляд малозначительные факты В Тимереве среди отклонений от нормы обряда имеются урно вые погребения с сосудами, представляющими также аномалии и в керамическом наборе этого памятника, и в то же время по своим пропорциям и профилировке напоминающими гнездовски формы.[4] Наоборот, в Гнездове известны лепные сосуды с широ кой придонной частью, скругленным дном, высоким прямым или слегка отогнутым наружу венчиком: один такой сосуд найден в кургане с сожжением,[5] другой — на поселении. Столь же не обычной для Гнездова является еще одна находка. В погребе нии № 14 раскопок М. Ф. Кусцинского среди пережженных кос тей (погребение безурновое!) вместе с восточным светильником найдены шумящие подвески, единственные пока на весь могиль ник.[6] В. И. Сизов, Е. Н. Горюнова и Е. А. Шмидт предполагали финское (мерянское) происхождение погребенной здесь жен щины.[7]

К общим чертам погребального обряда обоих могильников относится сооружение каменных конструкций в основании на сыпи. При относительно небольшом числе таких курганов в мо гильниках типы этих конструкций во многом сходны. На родст во многих категорий вещей, происходящих из ярославских

---

[4] Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Яро славского Поволжья в IX—X ст. — МИА СССР, 1941, № 6, с. 70; Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников. — В ки. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1969, с. 48, рис. 27.

[5] Ляуданскі А. Н. Археолёгічныя досьледы у вадазборах рр. Сажа Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні. Працы археолёгічнай камісіі, т. II Менск, 1930, с. 307, табл. X.

[6] Кусцинскнй М. Ф. Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 г. — «Древности», 1881, т. IX, вып. 1, с. 5.

[7] Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. — МАР, 28. СПб., 1902 с. 79—81; Горюнова Е. Н. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. — КСИИМК АН СССР, 1956, № 65, с. 24; Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнездова. — «Советская археология», 1970, № 3, с. 108.

гнездовских курганов, обратил внимание еще А. А. Спицын.[8] Добавим, что это сходство не ограничивается простым наличием одних и тех же вещей, в особенности скандинавского происхождения, но усугубляется их синхронным однотипным изменением.

Что же стоит за этими сходными явлениями Тимерева и Гнездова? Сейчас, по нашему мнению, еще преждевременно настаивать на непосредственных контактах между жителями этих поселений. Все же мы вправе предположить взаимное проникновение отдельных групп в среду чуждого населения и соблюдение ими по крайней мере на первых порах своих обычаев.

Весьма существенны различия обоих центров. Так в Гнездове имеются, а в Тимереве отсутствуют укрепленное поселение (городище) и «большие» курганы.[9] Различен состав кладов (в Тимереве — монетные, в Гнездове — по большей части денежно-вещевые) и время их зарытия (в Тимереве — вторая половина IX в., Гнездове — вторая половина X в.).

В результате исследований Центрального гнездовского городища установлено, что его укрепления относятся к середине X в. Ко второй половине X в. относятся две весьма выразительные находки — небольшой клад из 36 дирхемов, найденный в валу городища, и костяк женщины в мысовой части с набором богатых и уникальных для Гнездова украшений. Необычность ситуации последней находки не позволяет безоговорочно связывать ее ни с остатками погребения, как это делали авторы раскопок, ни, как можно было бы предполагать, с последствиями катастрофы, постигшей жителей поселения.[10] Большие гнездовские курганы центрального комплекса по особенностям расположения и погребального обряда (сожжение в ладье), выделяющих эти насыпи среди других в могильнике второй половины X в., принадлежат лицам, связанным, возможно, семейными узами и занимающими, безусловно, самое высокое положение в социальной иерархии древнего Гнездова.[11] Кладбище с большими курганами возникло во второй половине X в. К тому же времени, как отмечалось, относится зарытие кладов в Гнездове.

Таким образом, вторая половина X в. — время, когда серьезные социальные сдвиги внутри гнездовского коллектива нашли соответствующее выражение в облике поселения и могильника. В Тимереве того же времени ничего подобного не наблюдается.

---

[8] Спицын А. А. 1) Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.—ИАК, вып. 15. СПб., 1905, с. 18; 2) Древности Иваново-Вознесенской губ. Иваново-Вознесенск, 1924.

[9] В 1975 г. в Тимереве выявлены остатки сооружений, возможно, оборонительного назначения, ограждавших древнейшую часть поселения.

[10] Милонов Н. П. Дневник раскопок Гнездовского городища Смоленской области в 1940 году. — Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1940, д. 32.

[11] Булкин В. А. Большие курганы Гнездовского могильника. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. 20. Таллин, 1975, с. 134—145.

Сравнение этапов существования Тимерева и Гнездова дает следующее: возникнув в IX в. (в Тимереве имеются твердо датированные комплексы первой половины этого столетия, в Гнездове — по крайней мере второй половины)[12] и до середины X в., облик памятников во многом сходен — поселение на берегу реки и примыкающее к нему кладбище. Удобное географическое положение определило важное военно-торговое значение этих центров, а отсутствие каких-либо следов сельскохозяйственной деятельности (единичные находки в Тимереве приходятся на позднюю часть поселения) при наличии выразительных комплексов дружинного, купеческого и ремесленного облика очерчивают круг занятий населения. Во второй половине X в. прогрессивное развитие фиксируется только в Гнездове. Здесь выделяется «аристократическая» верхушка, обособившаяся, как можно предполагать, в городище, а впоследствии в пределах кладбища и особым обрядом погребения. Вторая половина X в. — время расцвета Гнездова и связанных с ним бурных и, быть может, трагических событий, заставлявших население порой прятать наиболее ценную часть своего имущества, которая нередко так и оставалась в тайниках. К началу XI в. гнездовское поселение приходит в упадок.

Таким образом, указанные различия Тимерева и Гнездова связаны с фазами активности центров. Эти фазы, вероятно, обусловлены изменением ориентации главных путей сообщения, проходящих через Восточную Европу. Ведущим в X в. и особенно во второй его половине становится Днепровский путь — путь «из варяг в греки», в то же время значение Волжского пути несколько падает. Судьбу последнего разделяет и Тимерево. Положение Гнездова в верховьях Днепра выгодно для днепровского варианта пути, но могло быть использовано и в более ранний период, о чем свидетельствуют находки кладов IX в. в окрестностях Гнездова и в междуречье Днепра и Западной Двины. Расположение на скрещении путей гарантировало стабильное существование центра в течение всего X в., и, таким образом, социальный процесс здесь получил большую завершенность, чем в Тимереве. Это в конечном итоге определило разницу в структуре того и другого памятника.

Каково же место Тимерева и Гнездова в истории образования древнерусского города? Изложенное выше, как мы считаем, позволяет рассматривать их как единый этап на пути к завершению этого процесса. Неумолимые обстоятельства остановили это движение сначала в Тимереве, а позже в Гнездове. На смену им в XI в. приходят городские поселения с более устойчивой экономической и политической основой — Ярославль под Тимеревом и Смоленск под Гнездовом.

[12] Дубов И. В. Новые раскопки... — КСИА АН СССР, 1976, № 146, с. 82—86; Булкин В. А., Назаренко В. А. О нижней дате Гнездовского могильника. — КСИА АН СССР, 1971, № 125, с. 13—16.

Г. С. Лебедев

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ АРАБСКИХ АВТОРОВ О СЛАВЯНАХ И РУСАХ

Сложный комплекс сведений средневековых арабских авторов о славянах и русах требует внимательного анализа. Наряду с источниковедческой критикой текста, выделением исходных редакций необходимо расчленить эти известия по роду сведений: географических, политических, этнографических и т. п. Каждая группа данных должна быть подвергнута самостоятельному исследованию. Их происхождение, а следовательно, степень достоверности могут быть резко различными.

Этнографические сведения, т. е. описания внешнего вида, образа жизни, жилищ, погребений, обрядов и бытовых привычек народа, подразумевают их непосредственное наблюдение. Детальная фиксация и высокая степень достоверности этих данных обусловлены самим характером мусульманской культуры. Ислам как, пожалуй, ни одна другая из «мировых религий» отличается строжайшей регламентацией именно бытовой стороны поведения: от режима дня (связанного со строго определенными часами молитвы) до способа омовения. По сути дела каждый шаг, каждый жест средневекового араба равнозначен ритуалу. Строгое соблюдение ритуализированных норм поведения было критерием «правоверности» мусульманина.

Наблюдая соответствующие стороны жизни немусульман, «язычников» (в том числе, славян и русов), арабские путешественники IX—XI вв. подходили к ним с чрезвычайным вниманием. Отличия от исламских норм подчеркивались, так как сравнение собственного поведения с «языческой мерзостью» было для наблюдателей средством самоутверждения в правоверии. Столь же внимательно рассматривались сходные с арабскими черты в культуре: они позволяли оценить потенциальную возможность обращения иноверцев в ислам. В обоих случаях этнографические наблюдения были непосредственно связаны с высшими духовными ценностями арабских писателей. К ним относились почти с религиозным пиететом, что серьезно снижало возможность искажения и путаницы первоначальных известий.

Кроме того, этнографические сведения связаны с реалиями, доступными археологическому изучению. Арабские авторы собрали о славянах и русах материал, который позволяет дать связные и сопоставимые этнографические характеристики.[1]

Славяне одеваются в длинные, «до лодыжек» (Худуд ал-Алам) полотняные рубахи и высокие сапоги, вооружены копьями, дротиками, щитами (у Гардизи также «короткий меч»). Образ жизни ведут оседлый, возделывают пашни, сеют просо, разводят свиней, держат пчел (Ибн-Русте, Гардизи). Зиму проводят в небольших крепостях («собираются несколько человек и строят крепости»), лето — в лесу (Гардизи). У Ибн-Русте описаны жилища славян, полуземлянки с печами-каменками.

Мертвых славяне сжигают и хоронят в урне на кургане, справляя тризну; жертвоприношение женщин — необязательная черта ритуала («если у покойника было три жены» — Ибн Русте). Из бытовых черт славян отмечены употребление хмельного напитка из меда (Ибн-Русте), обилие музыкальных инструментов (Гардизи, Марвази, Бакри, Ибн-Русте; ср. со славянами-гуслярами у Феофилакта Симокатты).[2] Бакри со слов Ибн-Якуба подробно описал славянскую баню: проконопаченная мохом постройка с очагом и резервуарами для воды, где парятся вениками («и в руке у каждого из них связка сухих ветвей, которой они приводят в движение воздух и притягивают его к себе. И тогда открываются их поры...»).

Описания арабских авторов подтверждаются комплексом археологических источников: «крепости» славян отождествляются с хорошо изученными городищами, жилища-полуземлянки типичны для лесостепи Восточной Европы, а погребальным обычаям славян, описанным Ибн-Русте, вполне соответствуют «достоверно славянские» курганы VIII—IX вв.[3]

Иначе, чем славяне, воспринимались восточными путешественниками X в. русы: они одеты в короткие куртки, кафтаны с золотыми пуговицами, шапки, плащи, широкие шаровары до колен, гетры (Ибн-Русте, Гардизи, Ибн-Фадлан). Русы бреют или красят бороду (Ибн-Хаукал); носят золотые браслеты, не расстаются с мечами, вооружены также секирами и ножами. Мечи у них франкские (Ибн-Фадлан). Женщины русов, по Ибн-Фадлану, носят монисто и кольца, к которым прикреплены нагрудные «коробочки» (скорее всего, «скорлупообразные фибу-

---

[1] Ибн-Фадлан. [Цит. по кн.:] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и комм. под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939. Остальные арабские авторы цит. по кн.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. М., 1967, с. 77—128.

[2] Беляев В. М. Музыка. — В кн.: История культуры Древней Руси. Домонгольский период, т. II. М.—Л., 1951, с. 498.

[3] Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА СССР, 1968, № 152, с. 125—133, 111—112; Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — САИ, Е1—32. Л., 1975, с. 27—45.

ны известные в Северной и Восточной Европе IX—XI вв.[4]).

Русы не имеют недвижимого имущества, ни полей, ни пашен. На кораблях они нападают на славян («постоянно по сотне и по двести они ходят на славян» — Гардизи). Кроме набегов они занимаются торговлей мехами (Ибн-Хордадбех, Ибн-Русте). Русы вероломны, отважны в нападениях («но смелости этой на коне не обнаруживают» — Ибн-Русте).

У русов нет деревень, хотя «городов у них большое число» (Ибн-Русте). Ибн-Фадлан видел жилища русов на берегу Волги, большие дома, где помещается 10—20 человек со своими наложницами («и у каждого скамья, на которой он сидит, и с ним девушка, восторг для купцов...»).

Мертвых русы хоронят либо в просторных могильных камерах, в сопровождении женщин, с набором посуды (Ибн-Русте), либо сжигают в ладье (Ибн-Фадлан). «Знахари» русов приносят в жертву богу людей и животных, вешая их на дереве (Ибн-Русте). Ибн-Фадлан отмечает неопрятность русов («они грязнейшие из тварей Аллаха... И у них обязательно каждый день умывать свои лица и свои головы посредством самой грязной воды...»). Способ омовения, когда несколько человек пользуются одной лоханью, чужд славянской бытовой культуре, и несомненно германского происхождения.[5]

Некоторые из приведенных характеристик не поддаются археологической проверке, хотя могут быть сопоставлены с другими данными: так же как и русы Ибн-Русте, не любили конного боя норманны (в сагах верхоконные воины спешиваются перед боем).[6] Параллели сюжету о жертвах «знахарей» русов есть в Эдде (Один — «бог повешенных») и на поминальных камнях Готланда.[7] На тех же камнях изображены воины в широких, подвязанных под коленом штанах, напоминающих «шаровары русов».[8] К сожалению, у нас нет равноценной иконографии из Восточной Европы. Обычай брить бороду (отмеченный у русов, кроме арабских авторов, Львом Диаконом)[9] иконографически также засвидетельствован только скандинавскими изображениями (резьба в Озеберге).[10]

«Большие дома», напоминающие виденные Ибн-Фадланом,

---

[4] Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа. — Труды ГИМ, вып. 43. М., 1967, с. 191—206.

[5] Наблюдение И. И. Ляпушкина, высказанное при раскопках в Гнездове в полевом сезоне 1967 г.

[6] Исландские саги. Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956, с. 287.

[7] Lindqvist S. Gotlands Bildsteine. Stockholm, 1941, Bd. I, fig. 81; Bd. II, S. 86.

[8] Lindqvist S. Op. cit., Bd. I, fig. 86, 97, 105, 106, 112.

[9] История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб., 1820, с. 97.

[10] Brøndsted J. Vikingové. Praha, 1967. Foto M. Mejstrik.

типичны для Северной Европы. Они открыты и в торговых городах VIII—X вв. — Хедебю (Дания), Ладоге.[11]

Точные археологические соответствия имеются описаниям погребальных обычаев русов. Камерные могилы с парными захоронениями, большим количеством парадной посуды, оружием исследованы в Бирке (Швеция), а также Старой Ладоге, Чернигове, Киеве.[12] Этот обряд по происхождению скандинавский, так же как и обычай сожжения в ладье.[13] На Руси эти обряды представлены только в так называемых «дружинных могильниках», где выступают и другие варяжские элементы культуры, равно как и оружие (франкские мечи), широко распространенное и среди викингов, и у русских дружинников.[14]

Скорлупообразные фибулы, открытые в ряде погребальных комплексов на территории Восточной Европы, рассматриваются как индикатор женских скандинавских погребений.[15] Эмиграция женщин из Скандинавии эпохи викингов маловероятна в силу демографических причин.[16] Однако бесспорно, что фибулы являются устойчивым элементом скандинавской культуры эпохи викингов, и появление их в Восточной Европе непосредственно связано с присутствием норманнов (по Ибн-Фадлану, украшения «женщинам русов» дарят мужчины).

Арабские географы ясно представляли и четко различали славян и русов в этнографическом плане. Поэтому суммарное использование тех и других сведений, а тем более подмена данных о «русах» известиями о «славянах», и наоборот (что еще встречается в работах историков), недопустимы. Речь идет о связанных, но несовпадающих, а по некоторым признакам противостоящих друг другу группах. Все доступные проверке характеристики славян подтверждаются археологическими материалами Восточной Европы. Реалии русов известны в Восточной Европе (исключительно в «дружинных могильниках») и в Скандинавии; но при этом, описывая «русов», арабы не имели в виду население Скандинавского полуострова, где, как и у славян, были земледельцы и пастухи, оставшиеся вне поля зрения арабских авторов.

[11] Jankuhn H. Haithabu, ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1963, S. 118—123; Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). — «Советская археология», 1949, XI, с. 5—54.

[12] Arbman H. Birka. Bd. I. Die Gräber. Text. Stockholm, 1943, S. 222 ff; Кольчатов В. А. Камеры Шестовицкого могильника. — Тез. докл. V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М., 1970, с. 18—20.

[13] Лебедев Г. С. Шведские погребения в ладье VII—XI вв. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XIX. Таллин, 1974, с. 155—185.

[14] Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — САИ, Е1—36, вып. 1. М.—Л., 1966, с. 19—22.

[15] Пушкина Т. А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси. — Вестн. Моск. ун-та, 1972, № 1. Сер. 9. История, с. 93.

[16] Hachmann R. Goten und Skandinavien. Berlin, 1970, S. 328—388.

А. В. Гадло

КНЯЗЬ ИНАЛ АДЫГО-КАБАРДИНСКИХ РОДОСЛОВНЫХ

В кавказоведческой литературе XIX в., посвященной адыгским племенам, неоднократно приводилось предание о происхождении адыгских, в основном кабардинских, князей и аристократических фамилий. Это предание было зафиксировано П.-С. Палласом, Я. Потоцким, Г.-Ю. Клапротом, С. Броневским, И. Ф. Бларамбергом, П. Бутковым, К. Сталем и многими другими авторами.[1] Отзвуки этого предания встречаются в документах, отражающих русско-кабардинские отношения XVI—XVIII вв.[2] Поскольку собственно адыгской (кабардинской) письменности не существовало, предание о происхождении князей сохранялось и развивалось у адыгов в рамках устной фольклорной традиции, что, естественно, приводило к возникновению многочисленных и часто неадекватных вариаций и версий.

Наиболее развитая версия родословной кабардинских князей изложена в «Истории адыгейского народа», написанной в начале 40-х годов XIX в. Шорой Ногмовым.[3] Эта версия близка к версиям Я. Потоцкого и Г.-Ю. Клапрота, услышанным ими на рубеже XVIII—XIX вв.[4] Содержание версии Ш. Ногмова, как и содержание близких к ней по составу преданий, может быть довольно четко расчленено на три части.

---

[1] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974, с. 215—218, 227—232, 258—260, 406—409; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе..., ч. II. М., 1823, с. 42, 45, 74; Сталь К. Этнографический очерк черкесского народа. — В кн.: Кавказский сборник, т. XXI. Тифлис. 1900, с. 67—77.

[2] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I—II. М., 1957.

[3] Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа (составленная по преданиям кабардинцев). Нальчик, 1958, с. 109—112.

[4] Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 227—232, 258—260.

Первая часть содержит повествование о пребывании предков адыгских племен (или предков их эпонимов) на далекой прародине вне пределов Северного Кавказа и их странствиях в Аравии, Сирии, Египте, Византии, Крыму. В ней говорится о происхождении адыгских аристократов от пророка Ноэ, его сына Сема (библейские Ной и Сим) и их мифических потомков — древних властителей Аравии и Египта. Эта часть предания неоднократно подвергалась критике, ее искусственное книжное происхождение и явный классово-религиозный подтекст не вызывают никакого сомнения.[5] В версии Ш. Ногмова эта часть представляет собственно предысторию адыгских племен.

Во второй части предания изложена начальная история адыгов. Она открывается повествованием о Кесе (варианты Пшир-Кесшь, Кесс), называет двух его приемников и затем содержит развернутый рассказ о его правнуке (по другим версиям — внуке или сыне), носившем имя Инал.

Третья часть предания повествует о потомках Инала, среди которых упоминаются (в разных вариациях) и эпонимы основных исторических адыгских племен, и реальные исторические предки основных аристократических (княжеских) фамилий Адыгеи и Кабарды.

В насыщенной бурными междоусобными столкновениями политической жизни Северного Кавказа XV—XVIII вв. адыго кабардинское генеалогическое предание выполняло функцию действенного социально-политического и идеологического фактора. Происхождение от Инала ставило высший слой адыгской аристократии над племенем и над законом. Личность кабардинского князя — потомка Инала — по существу была табуирована. Князь неограниченно распоряжался имуществом своих и часто не своих вассалов. Убийство князя человеком другого социального ранга расценивалось как величайшее преступление. Адаты не предусматривали даже такого прецедента. Кровь князя не имела цены.[6]

Особое положение княжеских династий, ведших свое происхождение от Инала, вызывало особый интерес к этой фигуре генеалогических преданий адыгов. Устная традиция не сомневалась в исторической реальности Инала. Инал рисуется идеальным правителем, долго и мудро управлявшим адыгскими племенами. Он был удачлив в войнах и подчинил себе многие народы Кавказа, среди которых были опсы (осы-осетины или абазины?) и абхазы. Он объединил адыгские племена и ре

---

[5] Сталь К. Этнографический очерк... — В кн.: Кавказский сборник т. XXI, с. 76—77.

[6] Ногмов Ш. Постановления о сословиях в Кабарде. — В кн.: История адыгейского народа..., с. 179 сл.; Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в). М., 1967 с. 156—180, 230—234.

формировал внутреннее управление адыгской конфедерации, введя институт 40 судей. Сыновья Инала, однако, не смогли сохранить единство адыгских племен и подобно отцу успешно вести внешнюю политику. Против них было поднято восстание, которое стало причиной разделения адыгов. Предание называет место резиденции Инала, район к югу от Кизилташского лимана на Тамани, и место его погребения — Инал-кубе на р. Дзибе (Бзыби). У некоторых родов, по-видимому, до XIX в. хранились какие-то реликвии, связанные с Иналом. Ч. Потоцкий упоминает его золотой крест. Святилище (аныа) Инал-куба на р. Псху в верховьях Бзыби до недавнего времени (по данным Ш. Д. Инал-ипа) почиталось абхазами.

Адыгская устная историография, переплетенная с преданиями арабо-турецкой письменной традиции, делала попытки определить время правления Инала. Ш. Ногмов, передавая предание о восстании против сыновей Инала, говорит, что его «установления» держались до 1427 г., т. е. датирует правление Инала концом XIV — началом XV в. Ссылаясь на Ш. Ногмова, позднейшие авторы принимали в общих чертах его хронологическую ориентацию, полностью доверяя ему как лучшему знатоку адыгской истории. В пользу определения Ш. Ногмова имелись два важных довода. Во-первых, согласно родословным князей Черкасских XVII в., тесть Ивана Грозного Темрюк Идарович (Айдарович), известный с 1558 г. как «бо́льшой» князь Кабарды, приходился праправнуком (по другим версиям — правнуком) Иналу, т. е. отстоял от него на четыре-пять поколений, что вполне может составлять от ста до ста пятидесяти лет.[7] Во-вторых, имя Инал носил мамлюкский султан Египта, происходивший из черкесских рабов, правивший с 1453 по 1461 г., т. е. в период, близкий периоду, определенному Ш. Ногмовым. Именно этого Инала арабо-турецкая промусульманская часть предания вероятнее всего и считает предком адыгских аристократов, приписывая ему или его отцу и деду длительные странствия, в результате которых он оказывается на Северном Кавказе в районе Таманского полуострова.[8]

В адыгской устной традиции существовало и другое представление о времени Инала. В жалобе кабардинских князей, направленной в 1825 г. И. И. Дибичу, говорилось, что смерть Инала и разделение его потомков, в результате которого кабардинцы переселились на Терек и Куму, имели место «спустя 150 лет после Магомета» (т. е. в 782 г.) и «1093 года тому назад» (т. е. в 732 г.). Несмотря на ошибку, ясно, что смерть Ина-

[7] Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889, с. 1—8; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII века). М., 1963, с. 109, 232 сл.

[8] Новейшую версию см.: Кафоев А. Ж. Адыгские памятники. Нальчик, 1963, с. 110.

ла авторы «жалобы» датировали VIII в.[9] С подобной хронологией, по-видимому, столкнулся в начале XIX в. И. Ф. Бларамберг, изучавший по заданию Генерального штаба народы Северного Кавказа, который знал предание о Кесе, предке Инала выходце из Аравии, и считал возможным сопоставить это предание с подлинным историческим событием — арабо-хазарскими войнами, происходившими на Кавказе в VIII в.[10]

Правильно определив классово-идеологическую сущность генеалогии кабардинских князей, советские исследователи увидели в ней типичную этногенетическую легенду, сохранившую в некоторых ее версиях в более или менее редуцированной форме воспоминание о дуальной организации адыгских этнических групп периода родовой структуры общества, и, выделив этот элемент в предании, к его более детальному разбору не обращались.[11] В лучшем случае пересказывалась версия Ш. Ногмова, которой, таким образом, придавалось значение и достоверного источника и вполне обоснованного результата научной критики.[12] Такое отношение к адыгской этногенетической легенде в условиях чрезвычайной бедности письменных источников, отражающих средневековую историю адыгов, вряд ли можно считать справедливым. Не предлагая в настоящей работе полного разбора предания, попытаемся ниже показать возможный путь его исторической интерпретации. Обратимся при этом к той части предания, которая проходит во всех его варианта. и версиях и, видимо, несет в себе элементы древнейшего исторического сказания. Это тема Инала, документально зафиксированная упомянутыми выше родословными князей Черкасски. уже в начале 40-х годов XVII столетия.

Родословные XVII в. представляют развитые генеалогии черкесских (кабардинских) князей и мурз, составленные при несомненном участии приезжавших в Москву кабардинцев. Они включены в общие русские родословные книги в виде 28 главы.[1] От более поздних кабардино-адыгских генеалогических преданий XVIII—XIX вв. московские родословные XVII в. отличаются в аспекте интересующей нас темы следующим: во-первых они не знают родословной самого Инала, и, во-вторых, Инал них выступает не только под своим обычным именем «Инал мурза», но и под другим именем, которое нигде позднее не встре

---

[9] Бушуев С. И. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956, с. 23—24.

[10] Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 408—409.

[11] Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 27 Гарданов В. К. Общественный строй..., с. 271—276.

[12] Лавров Л. И. Абазины. Историко-этнографический очерк. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1955, т. XXVI. Новая сер., с. 34; История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1. Нальчик, 1965, с. 75.

[13] Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом..., с. 1, 3; Кабардино-русские отношения..., т. 1, с. 383—387, см. также с. 42 прим. 415.

ается — «Акабгу». То, что Инал-мурза и Акабгу одно и то же лицо, совершенно очевидно, поскольку в системе родословного древа они занимают одно и то же место. Общим у московских родословных XVII в. с поздними кабардино-адыгскими преданиями является то, что и те и другие довольно смутно представляют ближайших потомков Инала. Сыновьям и внукам Инала-Акабгу они дают различные имена, путают их количество и плохо помнят их генеалогические взаимоотношения. Любопытно, что поздние генеалогии не помнят даже сына и, по московской версии, главного или даже единственного наследника Инала Тобулду (вариант: Табула). И в московских, и в более поздних собственно кабардинских версиях связь Инала с историческими княжескими фамилиями XVI—XVII вв. и адыгскими племенами, возводившими себя к нему через своих эпонимов, при их сравнительном рассмотрении выглядит недостаточно достоверной, а в некоторых вариантах и просто дефектной. Вряд ли можно сомневаться в том, что именно отсутствие четких представлений о связях реальных адыго-кабардинских семейных и родо-племенных групп с Иналом открыло в период усиленной исламизации адыгов удобную лазейку для крымско-турецких проповедников новой религии, через которую была протащена арабо-египетская легенда о происхождении Инала и его потомков.

Из сравнения московских версий кабардино-черкесских родословных с более поздними собственно кабардино-адыгскими преданиями напрашивается вывод о том, что тесно связавшие свою судьбу с Московским государством и даже с династией московских Рюриковичей кабардинские владельческие фамилии XVI—XVII вв. еще не имели оснований для указания на свое арабо-египетское происхождение. Инал-Акабгу являлся для них легендарной фигурой далекого прошлого, а отнюдь не политическим деятелем только что минувшего XV столетия. Инал был реальностью, но реальностью фольклорно-эпической, однако и ярко выступавшей благодаря историческим преданиям из стертого временем прошлого собственной адыго-кабардинской истории.

К какому же времени можно отнести возникновение историко-эпического сказания об Инале? И есть ли вообще возможность определить время возникновения этого сказания? Нам представляется, что есть.

Верхней хронологической границей этого времени, по-видимому, следует считать факт расчленения адыгского этнического единства, которое до X—XI вв., т. е. до начала продвижения кабардинцев на восток, представляло компактный массив, заселявший низовья Кубани к западу от ее притока Лабы.[14] Элементы сказания об Инале отмечены не только у ка-

[14] Лавров Л. И. 1) Происхождение кабардинцев и заселение ими

бардинцев, покинувших свою древнюю территорию, но и у бес ленеевцев, темиргоевцев, натухайцев, хатукаевцев, шапсуго бжедугов, жанеевцев и других этнических групп закубански адыгов, аристократия которых в той или иной степени связь вала себя с Иналом. При этом у некоторых племен, это важ но отметить, элементы предания об Инале сосуществовали другими, более архаическими по содержанию генетическим легендами.

Определенным хронологическим признаком сказания об Ина ле является и его собственная легендарная родословная, со держащаяся в преданиях XVIII—XIX вв., согласно которой о связан с неким Кесом или сам называется Инал-Кес. В имен Кес или Кесс нетрудно увидеть персонификацию этнонима кес-кеш, известного в наиболее распространенной форме с ира нским (алано-осетинским) окончанием -аг(ег), -ог. Этот этно ним появляется в VIII в. у монаха-путешественника Епифани в форме косог-диане. В X в. он встречается у Константин Багрянородного (страна Касахия), у ал-Масуди (народ каша или кешак), у автора «Худуд-ал-алам'а» (город Касек). В XI XII вв. в форме косоги-касаги он известен русским источника («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве»).[15] По именем «Каса» страна касогов упоминаются в пространно редакции «Письма» царя Иосифа.[16] Сваны до настоящего вре мени называют адыгов кашаг, а осетины — кесег-кесгон (ми ч.).[17] Мегрелы в XIX в. называли адыгских князей «каша» мепхе», что значит «царь касогов» (по свидетельств И. Ф. Бларамберга).[18] Таким образом, генеалогическое преда ние адыго-кабардинцев оказывается связывает Инала с наи менованием того этнополитического образования, которое вы рисовывается на Северо-Западном Кавказе благодаря отры вочным свидетельствам источников VIII—XII вв. и которое н фиксируется источниками более позднего временн (XIII—XV вв.).[19]

Как мы отметили выше, говоря о наиболее раннем упоми нании Инала в московских версиях кабардинских родословны Инал упоминается там с татарским титулом «мурза», т. принц, царевич, или под именем Акабгу. В последнем явн

нынешней территории. — «Советская этнография», 1956, № 1, с. 19—2 2) Адыги в раннем средневековье. — В кн.: Сб. статей по истории Кабарды вып. 4. Нальчик, 1955, с. 19—64.

[15] Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье... — В кн.: Сб. ста тей по истории Кабарды, вып. 4, с. 41—43; Алексеева Е. П. Древняя средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 150; Волков Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 197 с. 19—21.

[16] Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 193 с. 101.

[17] Волкова Н. Г. Этнонимы..., с. 20.

[18] Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 355.

[19] Волкова Н. Г. Этнонимы..., с. 21.

усматривается составное тюркское слово ак-ябгу в очень близкой к подлинному звучанию русской передаче, где ак — белый (общетюркское), а ябгу (древнетюркское) — правитель, как правило, родственник соверена, что в общем может быть равносильно татарскому титулу мурза.

Титул ябгу переносит нас опять в эпоху второй половины I тыс. н. э. Он впервые появляется у тюрок Южного Алтая в период формирования державы Ашина и проходит через всю историю их возвышения, экспансии и упадка. Обычно этот титул давался правителю — наместнику области каганата, который рассматривался в качестве первого лица после верховного правителя государства. Л. Н. Гумилев приравнивает титул ябгу к титулу вице-король.[20] В 20-е годы VII в. титул ябгу (джабгу) носил младший брат правителя державы западных тюрок Тун-Джабгухана (Тун-шеху), который был его наместником в степях Юго-Восточной Европы и известен осадой и разгромом Тбилиси в 628 г.[21] В Хазарском каганате, который, как известно, с середины VII в. принял на себя роль наследника Западнотюркской державы, сохранялась общетюркская, восходящая к эпохе первого каганата титулатура. Титул ябгу (йабгу) в X в. был засвидетельствован Ибн-Фадланом у огузов на восточной границе каганата.[22] В более поздних источниках (Мирхонд, XV в.) этот титул всплывает в рассказе о родословной Сельджука, причем титул ябгу в этом рассказе носит сам глава хазар.[23] Интересно, что адыгская фольклорно-эпическая традиция сохранила этот титул в сказаниях о нартах. Давний враг нартов, с которым во время своего последнего похода расправляется престарелый Уазырмез (Озырмеж), носит имя Ябгашха Бессердечный. Аналогичное сказание имеется и в осетинском нартском эпосе, но там враг нартов, уничтоженный Уазырмегом во время последнего «балца», носит имя Кафтысар.[24]

Содержание сочетания ак-ябгу с позиций тюркской титулатуры I тыс. н. э. раскрывается с большой долей вероятности, хотя оно прямо и не засвидетельствовано источниками. В тюркской географической номенклатуре широко распространена цветовая символика, согласно которой части света имеют относительно стойкое цветовое обозначение: кара (черный) — север, кизил (красный) — юг, кёк (голубой) — восток и ак (бе-

---

[20] Гумилев Л. Н. 1) Удельно-лествичная система у тюрок в VI—VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности). — «Советская этнография», 1959, № 3, с. 24; 2) Древние тюрки. М., 1967, с. 53.

[21] Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 142—156; Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 193—204.

[22] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 128.

[23] Артамонов М. И. История хазар, с. 419—420.

[24] Нарты. Кабардинский эпос. Под ред. С. А. Андреева-Кривича. М., 1957, с. 275—280.

лый) — запад. В свете этой номенклатуры титул ак-ябгу может рассматриваться в значении западный ябгу (западный наместник). Такое толкование не исключает, однако, и другого возможного толкования, при котором атрибуту ак (белый) может быть придано социальное значение — свободный, независимый, благородный. Как известно, арабские авторы (ал-Истахри) различали черных и белых хазар, что М. И. Артамонов расценивал как указание на социальную дифференциацию хазарского общества.

Предложенное здесь толкование имени Акабгу, которое в одной из московских версий кабардинской родословной заменяет распространенное и обычное имя Инал, находит себе определенное подтверждение в этимологии и этого имени. Имя Инал в форме Инэль или Ынал хорошо объяснимо с позиций тюркских языков и не имеет объяснения с позиций языков адыгских. Инэль — лицо, имеющее знатное происхождение, знатный потомок, высокородный человек. Это может быть также и сын женщины из ханского рода и простолюдина. В версии предания, которая была зафиксирована в середине XIX в. Л. Я. Люлье, имя Инала передано с определением теген—Инал-Теген (теген-тегин (тюркское) — младший член ханской семьи, принц).[25] В истории Восточнотюркского каганата известен правитель, носивший это имя. Инэль-каган был сыном Капаган-хана и в 711—712 гг. совершил поход в Среднюю Азию, который возглавил вместе с крупным тюркским военачальником Тоньюкуком.[26] Некоего Йынала встретил среди предводителей огузов Ибн-Фадлан. Он называет его в числе «царей и главарей». Этот Йынал, как сообщает Ибн-Фадлан, одним из первых среди огузов принял ислам.[27]

Страна касогов «Каса» (в письме царя Иосифа) входила согласно этому документу, в число владений, платящих хазарам дань. В свете этого факта можно выдвинуть предположение, что историческим прототипом фольклорно-эпического Акабгу-Инала был реально существовавший представитель хазарской администрации, выполнявший в течение длительного времени функции западного наместника кагана, находившийся в родстве с табуированной в Хазарии династией Ашина и сблизившийся с местной адыго-касожской этнической средой, что и послужило основанием для генеалогического предания адыго-кабардинской аристократии. Очень существенно, что предание сохранило воспоминание о необычном для адыгов внешнем облике Инала. В версиях Я. Потоцкого и Г. Ю. Клапрота

---

[25] Люлье Л. Я. О натухайцах, шапсугах и абадзехах. — Записки Кавказского отд. Русского географического об-ва, кн. IV. Тифлис, 1857, с. 186; Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 209, 547.

[26] Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, гл. IV.

[27] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., с. 127 и 129.

Инал носит прозвище Неф, что означает косоглазый.[28] Именно так могли отметить представители понтийского антропологического типа адыги непохожего на них человека с выраженными признаками южносибирского монголоида.

В советской исторической литературе высказывалась мысль о том, что адыгский этнический массив в виде касожской народности раннефеодального типа сложился к X в.[29] В 965 г. вследствие похода Святослава касоги вошли в сферу восточной политики киевских князей. В конце X в. в Южном Приазовье бок о бок с племенами касожской конфедерации образовалось Тмутороканское княжество, которое в борьбе с рецидивами хазарской доминанты на Северном Кавказе закрепило к концу XI в. за собой влияние на местные племена.

Установление того факта, что сказание об Инале, сохранившееся в устной адыгской традиции как часть генеалогического предания, отражает историческую реальность I тыс. н. э. (вторая половина), имеет большое значение, поскольку вводит новый источник в историографию раннесредневекового Предкавказья. Этот источник позволяет более полно, чем все имеющиеся сведения о касожских племенах, представить существо процессов, происходивших внутри их общности. Он характеризует касожские племена накануне установления их контакта с Киевской Русью. Благодаря ему появляется возможность по-новому взглянуть на адыго-русские взаимоотношения в течение X—XII вв. Русские князья, как показывает этот источник, на Северо-Западном Кавказе вступили во взаимодействие не с разрозненными родо-племенными группами, а уже с пережившим объединительные реформы Акабгу-Инала относительно целостным этнополитическим образованием, которое сложилось и вызрело в рамках Хазарской державы. Подобно соседнему Аланскому объединению в X в., оно, вероятно, попыталось освободиться от хазарской зависимости. Это отразилось в предании как восстание против сыновей Инала. Разъединение адыгских племен в результате этого восстания могло произойти не позднее середины 50-х годов X в., когда арабский географ ал-Масуди, давший развернутую характеристику адыгов (кешак), отметил, что «они не имеют общего царя».[30]

---

[28] Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 231, 259.

[29] Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье. — В кн.: Сб. статей по истории Кабарды, вып. 4, с. 45.

[30] Караулов Н. А. Сведения арабских географов X—XI вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. — В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XXXVIII. Тифлис, 1908, с. 55.

Д. С. Лихачев

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Со времени выхода в свет в 1953 г. книги «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. I (редакторы Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто) принято полагать, что Владимир Мономах в своих попытках удержать единство Руси, предотвратить ее распадение на отдельные княжества «тянул» Русь назад, как бы противостоял «законному» историческому процессу. Приведу некоторые выдержки из этого издания: «Феодальная раздробленность сделалась фактом очевидным. Заканчивался раннефеодальный период России. Но в начале XII в. была сделана попытка *восстановить старый политический строй*» (с. 190; курсив мой. — *Д. Л.*). Затем следует раздел, посвященный княжению Владимира Мономаха. Этот раздел, следовательно, весь идет под знаком этого утверждения. В нем мы находим следующие заявления: «В лице Владимира Мономаха феодалы нашли правителя, который сумел на некоторое время путем компромисса усилить значение киевского князя и защитить его классовые позиции. Но старая форма надстройки отмирала, и воскресить прошлое полностью уже было невозможно» (с. 191).

Итак, с точки зрения авторов «Очерков» Владимир Мономах стремился задержать естественное течение событий, которые вели к экономическому и политическому обособлению феодальных княжеств. Эта точка зрения на княжение Владимира Мономаха утвердилась в советской исторической науке и в целом держится до сих пор.

Отсюда возникает естественный соблазн считать всех защитников единства Руси в XII в. в той или иной мере реакционными, — не исключая автора «Слова о полку Игореве» или автора «Слова о кня́зех», — или признать реакционным самый процесс дробления Руси на множество самостоятельных кня-

ществ. Историки древней русской литературы в своих характеристиках эпохи «Слова о полку Игореве» склоняются к подобной точке зрения.

Существовала ли в самом деле такая альтернатива?

Тенденции исторического развития могут быть противоречивы. Прямо противоположные силы могут действовать одновременно, и не обязательно одни из них признавать «реакционными», «тянущими назад», а другие — «прогрессивными». Динамика исторического процесса очень сложна. Иногда весь смысл исторического процесса в «сложении сил», в появлении равнодействующей.

В историческом процессе XII—XIII вв. действовали одновременно как центробежные, так и центростремительные силы. Ни одни из этих сил не следует сбрасывать со счетов, признавая их «реакционными», тормозящими исторический процесс. Феодальное дробление Руси, вплоть до монголо-татарского завоевания, никогда не было тотальным. Полной феодальной раздробленности не было. Дело в том, что экономические тенденции, ведшие к развитию отдельных княжеств в известном обособлении их друг от друга, не совпадали с оказавшимися очень сильными идеологическими тенденциями, в конечном счете также определявшимися экономически, но требовавшими сохранения государственного единства Руси, в первую очередь в отношениях с внешним миром.

Выразителем органического единства этих противоречивых тенденций, устанавливавших естественное и характерное для этого периода неустойчивое положение «балансирования» между центробежными и центростремительными силами исторического развития, был Владимир Мономах.

Владимир Мономах был идеологом нового феодального порядка на Руси. На Любечском съезде в 1097 г. князья утвердили новый порядок на Руси — «кождо держить очьчину свою» (пусть каждый владеет княжеством отца), — но это решение было только частью более общей формулы: «отселе имемься во едино сердце и съблюдемь Рускую землю» (цит. по Ипатьевской летописи). Владимир Мономах в своей государственной и идеологической деятельности настойчиво проводил оба принципа. Оба принципа стали доминирующими во всей идеологической жизни Руси и в последующее время.

Экономический распад Руси требовал усиления идеологической пропаганды необходимости единения («имемься во едино сердце»). Идеология должна была компенсировать шаткость деления Русской земли на отчины. Действительно, сознание единства Руси не прерывалось ни в одно из последующих десятилетий и, напротив, резко обострялось в периоды внешних поражений Руси, как это ясно видно по произведениям, возникшим в связи с поражением Игоря Святославича («Слово о полку Игореве» и летописные повести о том же событии) или по-

ражением русских от монголо-татар. Характерно, что понятие «Русская земля» колеблется в XII в. между узким значением только южнорусских княжеств и широким; но ни одно из них не становится доминирующим. В XIII же веке в летописи в связи с поражением на Калке и дальнейшим нашествием Батыя существует только одно широкое значение, объединяющее всю Русскую страну в единое целое.

Владимир Мономах потому и выступает организатором съездов, совместных походов, покровителем летописания и культа Бориса и Глеба, а также автором собственных произведений, где он придерживался обоих принципов новой политической жизни Руси и необходимо было оба эти принципа пропагандировать в их противоречивом, но и цельном единстве.[1]

Для периода феодального дробления было характерно не просто дробление, а «балансирование» между дроблением и стремлением к единству. Дробление имело в сфере идеологии только одну скромную позицию — «право князей на свои отчины», — что же касается до единения, то оно пропагандировалось в литературе, летописании, церковных культах Бориса и Глеба, а с середины XII в. и князя Владимира, т. е. всеми средствами. Пропаганда единства Руси велась чрезвычайно настойчиво и с большим эмоциональным накалом. Этого подъема явно не хватало, когда речь шла о праве того или иного князя на княжение. В этих последних случаях проявлялась только юридическая настойчивость и мало красноречивое личное озлобление. При этом ни в летописях, ни в других письменных источниках нет *ни одного* высказывания против единства и за дробление Руси. Идеи единства Руси приписываются летописью самым разнообразным лицам. В 1139 г. «черниговци» «въспиша» (возопили) к Всеволоду Ольговичу, прося его смириться перед Ярополком Владимировичем: «... то бо съблюдаеть землю Русьскую» (Ипатьевск. лет.). Под 1159 г. о епископе Нифонте (ставшем впоследствии первым архиепископом Новгорода) говорится, что «то бо съблюдаеть землю Русьскую» (там же). Под 1170 г. в Ипатьевской летописи рассказывается: «Вложи бог в сердце Мьстиславу Изяславичю мысль благу о Руской земли, занеже ей хотяше добра всим сердцем: и съзва братью свою и нача думати с ними, река им тако: „братье! пожальтеси о Руской земли и своей отцине и дедине, оже несуть хрестьяне на всяко лето у вежи свои, а с нами роту (клятву.—*Д. Л.*) взимаюче, всегда преступаюче; а лепо ны было, братье, възираяче на божию помочь и на молитву святое богородици, поискати отець своих и дед своих пути и своей чести"». «Братия» отвечала ему на это: «Бог ти, брате, помози в том, оже ти бог вложил таку мысль с сердце; а нам дай бог за крестьяны и за Рускую зем-

[1] См. подробнее в кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975, гл. «Сочинения князя Владимира Мономаха», с. 111—131.

по головы свое сложити и мучеником причтеном быти». Таких заявлений в летописях не мало, и они очень напоминают речи Мономаха на двух съездах у Долобского озера.

Конечно, следует различать субъективную убежденность исторических деятелей и объективную значимость их действий. Однако в том-то и дело, что субъективные убеждения русских деятелей XII в., в конечном счете особенно благодаря своей массовости, становились объективным фактом, воздействовали на ход истории. Русская земля сохраняла свое единство в сфере культуры, языка, исторических традиций и своего государственного самосознания. Так как иначе это сказывалось в политической жизни и имело очень большое значение в обороне страны.

Итак, XII в. в русской истории был отмечен не только феодальным дроблением, но и настойчивыми попытками сохранять единство Руси в новых условиях. Политика Владимира Мономаха с этой точки зрения не «тянула назад», а была довольно типична для периода феодальной раздробленности, утверждала новое соотношение сил и стремилась «оздоровить» создавшуюся ситуацию.

И. Я. Фроянов

ВЕЧЕ В КИЕВЕ 1068—1069 гг.

Летописный рассказ о событиях в Киеве 1068—1069 гг. из давна привлекал внимание ученых. Постоянно обращаются нему и современные исследователи. Причина столь острого ин тереса к данному рассказу состоит в том, что он содержит цен ные сведения, относящиеся к истории важнейших социальнс политических учреждений в Киевской Руси, и прежде всего та кого института, как вече. Едва ли найдется историк, занимаг шийся изучением веча XI—XII вв., который прошел бы мим известий Повести временных лет о киевских вечевых собрани ях 1068—1069 гг. И это, конечно, не случайно, ибо они заклю чают в себе довольно яркий материал, позволяющий прибли зиться к пониманию социальной сути древнерусского веча. Па помним, о чем повествует летопись.

В сентябре 1068 г. соединенные полки Изяслава, Святосла ва и Всеволода Ярославичей понесли тяжелое поражение от по ловцев в битве на реке Альте. Побежденные князья дали, ка тогда выражались, плеща: «Изяславу же со Всеволодом Кыев побегшю, а Святославу Чернигову».[1] Следом за ними «людь кыевстии прибегоша Кыеву, и створиша вече на торговищи, реша, послався ко князю: „Се половци росулися по земли дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними". Изяслав ж сего не послуша».[2] Разгневанные княжеским отказом «людье прогнали Изяслава, провозгласив киевским князем Всеслав Полоцкого, освобожденного из «поруба» (темницы). «Двор ж княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, ку нами и белью. Изяслав же бежа в Ляхы».[3]

Из слов летописца явствует, что «людье», собравшиеся н вече, сами принимают решение вновь сразиться с половцами

[1] ПВЛ, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 114.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 114—115.

предъявляют князю требование о выдаче коней и оружия. Нельзя в этом не видеть проявления известной независимости веча по отношению к княжеской власти. Характерно еще и то, что «мятежники» в конце концов изгоняют возбудившего их недовольство князя, заменяя его другим правителем.[4] Кто же эти «людье кыевстии», способные на далеко идущие действия? М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин под ними разумеют торгово-ремесленное население Киева.[5] Б. Д. Греков, подчеркивая, что «движение киевлян 1068 г. против Изяслава Ярославича в основном было движением городских масс», в то же время отмечает: «Но не только в XI, а и позднее трудно отделить городскую народную массу от сельского населения. Необходимо допустить, что и в этом движении принимало участие сельское население, подобно тому, как это было и в 1113 г. в Киеве».[6] Несколько иначе рассуждает В. В. Мавродин. Он пишет: «Кто были эти киевляне— „людье кыевстии"? Это не могли быть ни киевская боярская знать, ни воины киевского „полка" (городского ополчения), ни тем более княжеские дружинники, так как и те, и другие, и третьи не нуждались ни в оружии, ни в конях. Нельзя также предположить, что под киевлянами „Повести временных лет" следует подразумевать участников битвы на берегах Альты, потерявших в бою с половцами и все свое военное снаряжение и коней. Пешком и безоружными они не могли бы уйти от быстроногих половецких коней, от половецкой сабли и стрелы. Таких безоружных и безлошадных воинов половцы либо изрубили бы своими саблями, либо связанными угнали в плен в свои кочевья. Прибежали в Киев жители окрестных сел, спасавшиеся от половцев. Они-то и принесли в Киев весть о том, что половцы рассыпались по всей Киевской земле, жгут, убивают, грабят, уводят в плен. Их-то и имеет в виду „Повесть временных лет", говорящая о киевлянах, бежавших от половцев в Киев».[7]

Вряд ли стоит, на наш взгляд, определять понятие «людье кыевстие» альтернативно, т. е. усматривать в них либо одних только горожан, или, наоборот, селян. За ними угадываются скорее и остатки киевского ополчения, разгромленного кочев-

---

[4] Читая летопись в той части, где речь идет о волнениях 1068 г., можно предположить, что Изяслав сам бежал из Киева, узнав об освобождении Всеслава. Но в сущности то было изгнание. Недаром киевляне потом скажут: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше». — ПВЛ, ч. 1, с. 116.

[5] Тихомиров М. Н. 1) Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 94; 2) Древнерусские города. М., 1956, с. 219, 221; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда. — В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 175.

[6] Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, с. 176.

[7] Мавродин В. В. 1) Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, с. 163; 2) Народные восстания в древней Руси XI—XIII вв. М., 1961, с. 60.

никами,[8] и жители сел Киевской земли, искавших укрытие з крепостными стенами стольного города. Раскрыв таким образо смысл термина «людье кыевстии», получаем возможность ко статировать очень важную деталь: причастность к вечу 1068 кроме горожан сельских обывателей. Киевское вече 1068 г. вы ступает как собрание демоса, городского и сельского. Глубок прав Б. А. Рыбаков, именуя его народным.[9] Но это отнюдь н значит, что киевская знать была отстранена от участия в нем Присутствие на вече 1068 г. городской верхушки вполне естест венно, и сомнения тут излишни. Вопрос в том, выражал ли на род на вече собственную волю или же являлся рупором про тивников Изяслава из господствующей среды. Л. В. Черепни допускает, что за спиной народа стояли феодалы-подстрекатели хотя прямых сведений для подтверждения выдвинутой гипоте зы не находит.[10] По мнению В. Т. Пашуто, освобождение по лоцкого князя Всеслава, предпринятое по велению веча, соот ветствовало видам «правящей группировки городской знати, том числе духовной и купеческой, враждебной Изяславу и со

[8] Черепнин Л. В. Русская Правда (в краткой редакции) и летопис как источники по истории классовой борьбы. — В кн.: Академику Б. Д. Гре кову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 95; Рыбаков Б. А. Первы века русской истории. М., 1964, с. 99.

[9] Рыбаков Б. А. Первые века..., с. 100. — Об активной роли демо кратических элементов в событиях 1068 г. вообще и вечевых сходках в част ности свидетельствует летописная запись, датируемая 1069 г., где говорится что сын Изяслава Мстислав, прибывший в Киев, виновников смуты и осво бождения Всеслава искал среди «чадн», под которой надо понимать широ кие круги населения, народ (см.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и го родские восстания..., с. 95; Черепнин Л. В. Общественно-политическ отношения..., с. 178). — Иной точки зрения придерживается П. П. Толочко который уверяет, будто «под термином „чадь" или „нарочитая чадь" лето писцы всегда обозначают дружину или вооруженную личную охрану князя боярина». У П. П. Толочко получается, что под чадью, казнениой Мстисла вом, «имеется в виду дружина Изяслава, по крайней мере какая-то ее часть принявшая сторону восставших и участвовавшая в освобождении Всеслава: (Толочко П. П. Вече и народные движения в Киеве. — В кн.: Исследо вания по истории славянских и балканских народов. М., 1972, с. 134). По строения П. П. Толочко нам кажутся не убедительными. Во-первых, они бочно ставить на одну доску «чадь» и «нарочитую чадь», как это делае автор. Во-вторых, если бы за «чадью», перебитой Мстиславом, действитель но скрывались дружинники Изяслава, то, по аналогии с приводимыми П. П. Толочко примерами, они непременно бы фигурировали под наименование «Изяславова чадь». Наконец, в-третьих (и это самое главное), П. П Толочко заблуждается, когда утверждает, что термин «чадь» всегда в лето писи означает дружину или вооруженную охрану. Не станем перебирать все примеры со словом «чадь» (см., напр.: ПСРЛ, т. I, М., 1962, стб. 118, 147 174, 227, 228, 249, 363, 370, 383, 415), а приведем один, наиболее характер ный в данном случае. В 1171 г. на Русь напали половцы. Домой они возвращались «со множьством полона». Русские князья настигли их, часть «по ганых избиша, с другыя изъимаша, а полон свои отъяша 400 чади и пусти ша ю во свояси» (ПСРЛ, т. I, стб. 363). Из рассказчика летописи ясно, что «чадь» — жители древнерусских сел, захваченные в плен половцами (там же, стб. 362—363).

[10] Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения..., с. 177.

ной Чернигову».[11] В изображении В. Т. Пашуто так называемая «черниговская группировка»—политическая сила, направляющая развитие событий. В результате народная инициатива становится более видимостью, нежели реальностью. Но это далеко не так. Во всяком случае, аргументы, выдвигаемые В. Т. Пашуто, не убеждают. Вызывает недоумение стремление автора представить освобождение киевлянами Всеслава как всецело соответствующее замыслам «черниговской группировки». Так можно писать, позабыв предшествующие волнениям 1068 г. обстоятельства, при которых Всеслав попал в «поруб». Известно, что в 1067 г. князь Всеслав захватил Новгород. «Ярославичи же трие, — Изяслав, Святослав, Всеволод, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зиме сущи велице».[12] 3 марта «бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа».[13] В июле Ярославичи пригласили к себе на переговоры Всеслава, обещав ему безопасность и подкрепив взятое обещание крестным целованием. Полоцкий князь, «надеявъся целованью креста, переeха в лодьи черес Днепр. Изяславу же в шатер предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крест. Изяслав же привед Всеслава Киеву, всади й в поруб с двема сынома».[14] Древнерусское общество в лице летописца осудило это постыдное вероломство. В сердце же Всеслава клятвопреступники не могли возбуждать иных чувств, кроме глубокой неприязни и ненависти. Не ясно ли, что вокняжение в Киеве Всеслава, враждебно настроенного к черниговскому князю Святославу, выдавать за воплощение планов городской знати, союзной Чернигову, по меньшей мере курьезно.[15] Показательно, что Всеволод Ярославич, которого В. Т. Пашуто называет черниговским (?!) князем, спешно покинул Киев, когда узнал о намерении «кыян» освободить Всеслава.

Итак, нет никаких оснований выводить народ на вече 1068 г. в образе покорного исполнителя политических планов знати. Принимая вечевые решения о битве с половцами и об избрании нового князя,[16] «людье кыевстии» действовали вполне самостоятельно, а не по указке местных социальных верхов.

В 1069 г. «кыяне» опять «створили» вече. Обстановка сложилась тревожная: к городу приближался Изяслав с поляками,

---

[11] Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 26.

[12] ПВЛ, ч. 1, с. 111—112.

[13] Там же, с. 112.

[14] Там же.

[15] Еще алогичнее в этой связи выглядит попытка П. П. Толочко уложить в события 1068 г. действия «полоцко-черниговской партии». — Толочко П. П. Вече..., с. 133—134.

[16] О том, что это было именно избрание, судим по летописи, согласно которой киевляне «прославиша» Всеслава «среде двора княжа». См.: Грушевский М. С. История Киевской земли. Киев, 1891, с. 303.

князь Всеслав бросил киевлян на произвол судьбы и тайно бе жал от них. Оставаться без князя было опасно. И вече направ ляет послов к Святославу и Всеволоду с такой речью: «Мы уж зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на н Лядьскую землю, а поидета в град отца своего; аще ли не хо чета, то нам неволя: зажегше град свой, ступим в Гречьску зем лю».[17] Эту акцию нельзя называть иначе, чем вечевым призва нием князей. Святослав и Всеволод не поехали «в град отц своего», как хотело вече. Но они предупредили Изяслава, чт не останутся безучастными зрителями разорения Киева: «Ащ ли хощеши гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жал отня стола». Послушав братьев, Изяслав, «поим мало ляхов» пошел в Киев, послав впереди себя сына Мстислава, который войдя в город, «исече кияны, иже беша высекли Всеслава, чис лом 70 чади, а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, н испытав».[18] И только после учиненных Мстиславом репресси Изяслав «седе на столе своем».

По социальному составу вече 1069 г. ничем не отличаетс от веча 1068 г.[19] На нем, как и прежде, совещаются «людье» «кыяны», т. е. масса горожан.[20] Иной взгляд у В. Т. Пашуто «Когда Всеслав покинул киевлян под Белгородом, — пише он, — то „людье князя" (т. е. киевские советники, враждебны Изяславу), прибежав в Киев, вновь „створиша вече" и прове ли решение позвать княжить черниговских князей Святослав и Всеволода Ярославичей, грозя в противном случае уйти Греческую землю, а город сжечь».[21] Следовательно, вече 1069 г по В. Т. Пашуто, устроили «людье князя» или советники Все слава. Перед нами пример, когда предвзятая идея приводит грубому искажению фактов. В самом деле, откуда у В. Т. Па шуто взялись «людье князя» — «киевские советники, враж дебные Изяславу»? Они — продукт фантазии автора. Чтоб не быть голословным, обращаемся к Повести временных лет где читаем: «Поиде Изяслав с Болеславом на Всеслава; Все слав же поиде противу. И приде Белугороду Всеслав, и бывш нощи, утаивъся кыян бежа из Белагорода Полотьску. Заутр же видевше людье князя бежавша, възвратишася Кыеву,

---

[17] ПВЛ, ч. 1, с. 116.

[18] Там же.

[19] Ср.: Толочко П. П. Вече... — В кн.: Исследования по истории сла вянских и балканских народов, с. 133—134.

[20] Похоже на то, что «людье», «кыяны» означают здесь помимо горожа еще и жителей Киевской волости. Сам характер событий подсказывает та кое предположение. Ведь Всеслав вышел против Изяслава с киевским опол чением, которое комплектовалось и за счет «волощан». А. Е. Пресняков по этому не зря говорил, что под «кыянами» часто следует разуметь не тольк городское население в узком смысле слова, но и жителей Киевской земл (Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1. М., 1938, с. 170).

[21] Пашуто В. Т. Черты политического строя... — В кн.: Новосельце А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значени с. 26.

сторища вече...».[22] Нетрудно заметить, что В. Т. Пашуто берет из контекста слова «людье князя», придает этим словам чуждый им смысл, проделывая с источником комбинацию, предосудительную для исследователя. Такой «источниковедческий» прием понадобился В. Т. Пашуто для того, чтобы обосновать идею о ведущей роли «черниговской группировки» в событиях 1068—1069 гг. Ради того же автор превращает Всеволода, бывшего тогда князем переяславским, в князя черниговского.

Заявление посланцев веча об отчаянной решимости киевлян сжечь город и переселиться в Греческую землю (если Святослав и Всеволод откажутся от Киева) В. Т. Пашуто относит на счет крупных купцов.[23] Он их тоже включает в состав пресловутой «черниговской группировки». Догадка о том, что мысль сжечь Киев и перебраться в Византию могла прийти в голову крупному купечеству, имеет чисто логическое основание, не подкрепленное какими-нибудь конкретными данными. Но коль так, то возможны и другие варианты толкования посольской речи. Так, по мнению А. А. Шахматова, в угрозе, произнесенной послами, сохранился отзвук проповеди волхва, мутившего «кыян» в 1064 г. Согласно А. А. Шахматову, «испуганные киевляне вспомнили в 1069 году о пророчестве волхва, предсказывавшего, что на пятое лето Русская земля станет на Греческой, и начали подумывать о том, что им придется последовать этому пророчеству».[24] Нет далее ничего противоестественного, если мы рядом с купцами поставим ремесленников высокой квалификации, производивших продукцию, сбывавшуюся на рынке и тем гарантировавшую им безбедное существование в любом уголке тогдашнего цивилизованного мира. Наконец, высказанная Святославу и Всеволоду угроза могла исходить и от лучших воинов киевской «тысячи», особенно если учесть, что на протяжении XI в. в Византии охотно брали русь на военную службу.[25] Таким образом, едва ли правильно приписывать предостережение, переданное вечевыми послами какой-либо одной социальной категории. Оно приложимо к представителям всех основных разрядов населения Киева.

Вернувшись при содействии «ляхов» в город, Изяслав, как сообщает летописец, «възгна торг на гору».[26] В. Т. Пашуто и в

[22] ПВЛ, ч. 1, с. 115.

[23] Пашуто В. Т. Черты политического строя... — В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение, с. 26. — Здесь В. Т. Пашуто идет вслед за М. Д. Приселковым. В. В. Мавродин считает, что угрожать уходом в греческую землю могли «гости», а поджогом Киева — доведенная до крайности «простая чадь» (Мавродин В. В. Народные восстания..., с. 64—65).

[24] Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 457.

[25] Успенский Ф. И. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, с. 173—176.

[26] ПВЛ, ч. 1, с. 116.

этом усматривает меру, направленную против авангарда «чер
ниговской партии» — крупных купцов. Цель, преследуема
князем, состояла якобы в том, чтобы «затруднить влияни
купечества на черных людей».[27] Мы по-другому объясняем п
ступок Изяслава.

А. А. Зимин обратил внимание исследователей на любо
пытную деталь. Он тонко заметил, что «источники прямо
говорят о переводе веча. Стало быть, дело заключается в с
мом торге».[28] Почему же Изяслав так настороженно относи
ся к торгу?

Древнерусский торг стягивал не только экономические, и
и социальные нити. Он был средоточием общественной жизни
местом общения наших предков: там узнавали «последние и
вестия», обменивались информацией, обсуждали вопросы «т
кущей политики», совершали всевозможные сделки и пр. Эт
функция торга отчетливо прослеживается в письменных и
точниках. Так, по Русской Правде, о бегстве раба объявляло
во всеуслышание на торгу: «А челядин скрыеться, а закличю
и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и трети

---

[27] Пашуто В. Т. Черты политического строя... — В кн.: Новосел
цев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное знач
нне, с. 26. — В исторнческой литературе свидетельство летописца о перено
«торга» породило разноречивые толки. М. Н. Покровский говорнл, что пер
вод торга «в аристократическую часть города должен был предупреди
образование на торгу демократической сходки: вдали от своих домов, окр
женное благонадежным элементом, простонародье было менее опасно, н
ним легче было справнться» (Покровскнй М. Н. Избр. произв., кн.
М., 1966, с. 159). Нечто похожее писал Б. Д. Греков: «По трупам он (Из
слав. — *И. Ф.*) вошел в Кнев и продолжал расправу. Между прочнм,
велел перенести торг, где народ обычно собнрался на вече н откуда грози
самому князу Изяславу, в другое место, иа гору, где жнли бояре и дружи
никн, всегда готовые выступить в случае нового народного возмущенн
(Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 493). М. Н. Тихомнров ра
сматрнвает перенос торга как отмену Изяславом тех новшеств, которы
ввел Всеслав, когда правил в Киеве: «...с большим вероятнем можно пре
полагать, что киевляие получили (при Всеславе. — *И. Ф.*) торговые льго
и освобождение от стеснительной княжеской опекн. Намеком на это служ
слова летописи о том, что Изяслав по возвращении в Киев перевел торг
Гору, следовательно, под непосредственное наблюдение князя и его тнуно
(Тихомиров М. Н. Крестьянскне и городскне восстання..., с. 10
В. В. Мавродин предлагает следующую интерпретацию факта: князь Из
слав, снова обосновавшись в Кневе, «принимает меры для предотвращен
опасных вечевых сходов. Он прежде всего „взгна торг на гору". Отны
вечевые сходы должны были протекать под неусыпным надзором князя
его мужей» (Мавродин В. В. Народные восстания..., с. 66).

[28] Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973, с. 145. — Принимая это н
блюдение А. А. Зимина, мы, однако, не можем согласиться с утвержденн
автора, что «восстанис (1068 г. — *И. Ф.*) было связано как-то с торго
т. е., вероятио, с порабощением свободных за долги», что на защиту эт
порабощаемых «выступил киевский князь, переведя торг поближе к себе
гору» (там же). Попутно отметнм перемену во взглядах А. А. Зимин
Раньше затею Изяслава он расценивал как попытку стать на защиту кие
ских феодальных верхов, как стремление предотвратнть «возможность нов
выступлений против господствующего класса» (ПРП, вып. 1. М., 1952, с. 15

ень, то свои челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи».[29] Значит, заявить на торгу — все равно, что сделать достоянием гласности. Судя по глагольной форме «закличють», господин оповещал о бегстве своего раба не сам, а с помощью глашатей.[30] При утрате имущества, не связанной с «татьбой», холоп объявлял о пропаже лично.[31] О важном общественном значении торга говорит и обычай, требующий, чтобы злостного должника вели именно на торг и только там на глазах у всех продавали в рабство.[32] В результате наказание приобретало публичный характер, назидательный для тех, кто любил брать «купы» взаймы, не беспокоясь об отдаче.

Помимо продающих и покупающих торг собирал множество праздного народа, т. е. был самым людным местом города. Поэтому туда нередко шли, чтобы навести необходимые справки вплоть до опознания мертвецов. В одном русском памятнике XII в. читаем, как митрополит «посла проповедника в сбор торгу: чье детя лежить на палатех святые Софья. И поискоша вси граждане чюдещеся».[33]

Торг, шумный и многолюдный, мгновенно превращался в вечевую сходку, если в ней ощущалась потребность. Не исключено, что вече собиралось в торговые дни.[34] Как бы там, впрочем, ни было, бесспорно одно: древнерусский торг выступал не только в качестве экономического, но и социально-политического центра. Этим, собственно, и объясняется предприятие Изяслава. Неуверенный в мятежных «кыянах» князь подозрительно относился к месту их сборища (торгу). Проявляя понятную после недавних волнений бдительность, он переносит его «на Гору», поближе к своей резиденции, чтобы зорче следить за настроением народа и, стало быть, с большей гибкостью реагировать в критические минуты. Ни о каком контроле над торгом, а тем более над вечем, как считают некоторые историки, Изяслав не помышлял, ибо не располагал необходимыми для того средствами. Он хотел лишь получше знать обо всем, что делалось на торгу, желая оградить себя от повторения неприятностей памятного 1068 г.

Мы рассмотрели события 1068—1069 гг. в Киеве под углом зрения деятельности веча. Изображенные летописцем вечевые сходы представляются нам не чем иным, как народными собраниями, воплощением демократических порядков, присущих древнерусскому обществу. Есть основания предполагать, что в этих собраниях наряду с горожанами принимали участие и

[29] ПР, т. I. М.—Л., 1940, с. 107.

[30] М. Н. Тихомиров упоминает в данном случае бричей (Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 92).

[31] ПР, т. I, с. 107.

[32] Там же, с. 110.

[33] Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды, с. 93.

[34] У балтийских славян замечен именно такой обычай (Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861, с. 177).

сельские жители Киевской земли. Надо признать также наличие там местной знати. Пользуясь правом голоса на вече, знатные люди, однако, не могли навязать народу решение, идущее вразрез с его интересами.

Велико политическое значение киевского веча. В его компетенции вопросы войны и мира. Оно распоряжается княжеским столом, изгоняя и призывая князей. Разумеется, летописные известия 1068—1069 гг. не отражают всей совокупности полномочий веча. В них мелькают лишь отдельные грани вечевой жизни, что обусловлено тематикой повествования летописца. Но и того, чем мы располагаем, достаточно, чтобы квалифицировать вече в Киеве 1068—1069 гг. как верховный демократический орган власти, развивающийся параллельно с княжеской властью.

Ю. А. Лимонов

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В «ИСТОРИИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ» ЖАКА-ОГЮСТА ДЕ ТУ

Становление и развитие Русского централизованного государства, его активная внешняя политика, интенсивное развитие культурных связей со странами Европы вызвали огромный интерес к России в западноевропейской историографии XVI, XVII вв. Не составила исключения и французская историческая наука. Первым, кто во Франции подробно и систематически изложил историю Московии, был крупнейший историк и политический деятель начала XVII в. Жак-Огюст Де Ту (1553—1617 гг.). В своем классическом труде «История своего времени» («Historia suis temporis», «Histoire universelle»)[1] он рассматривает историю России на общем фоне европейской истории, тем самым подтверждая свой основной тезис общности и взаимосвязи развития политики и культуры всех народов Европы.

Де Ту, видевший свой предмет в изучении политической истории своего времени, т. е. второй половины XVI и начала XVIII в., повествует о России эпохи Ивана Грозного, Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Но в двадцать первой книге третьего тома он излагает и «древнюю историю» «московитов». Это изложение представляет исключительный интерес, ибо впервые в историографии Франции был дан обзор сведений по истории России, основанный на солидных источниках, с использованием

[1] Обширный труд Де Ту, написанный на латинском языке, в окончательном варианте составил 138 книг. Первое издание «Истории» вышло в Париже в начале XVII в., еще при жизни автора (De Thou J.-A. Historiarum suis temporis, vol. 1—4. Parisis, 1604—1609). «История» неоднократно переводилась на французский язык. Одним из переводчиков труда Де Ту был известный писатель, автор «Манон Леско» аббат Прево. Но лучший перевод был сделан и опубликован в Лондоне в первой половине XVIII в. (De Thou Jacques-Auguste. Histoire universelle de Jacques-Auguste De Thou. Londres, 1734). Это издание состоит из 16 томов и включает автобиографию автора, помещенную в первом томе. Лондонское издание использовано в настоящей работе.

новейших для того времени сочинений о Московии.[2] В перечн тем, затронутых Де Ту в главе о русско-ливонской войне, упо мянуты следующие: «Происхождение московитов», «Преемст венность их князей», «Начало христианской религии в их стра не». Действительно, вслед за началом изложения событий, по священных Ливонии, следует очерк, название которого помеще но на полях книги: «Краткая история империи Московитов» Этот очерк открывается словами: «Перед тем как следовать дальше, нужно сказать несколько слов об империи Московитов о которой у нас не будет больше возможности говорить. Моско вия, территория которой огромна и необъятна, начинается Нарвы, города России, который отделяется рекой от город того же названия в Ливонии».[3] Вслед за этим Де Ту дает опи сание границ Московии на востоке, распространившейся до Та тарии и Каспийского моря.

Далее французский историк сообщает о происхождении на звания «московиты», дает сведения о начальной истории Рос сии — о призвании варягов, об их расселении, о князе Влади мире, о крещении Руси, о борьбе русов на Балканах. Очень кратко рассказывает он об усобице князей, несколько подроб нее — о битве на Калке, нашествии татар, возвышении Москвы Конспективно изложены события XIV—XV вв. (по сути дела это генеалогические заметки), затем сообщает о захвате Ива ном III Твери и Новгорода, о браке московского государя с Со фией Палеолог, о политике великого князя Василия в отношени Ливонии, в частности Пскова, о правлении Ивана Грозного (за хват Казанского и Астраханского ханств, увеличение террито рии Русского государства).

Какими же источниками пользовался Де Ту для своего очер ка по истории России? Сам он о них почти не сообщает. Тольк

[2] Русская историография знакома с творчеством Де Ту. Еще в середи не XIX в. известный историк Н. Устрялов перевел несколько фрагмент «Истории», посвященных времени Лжедмитрия I (Устрялов Н. Сказани современников о Димитрии Самозванце, ч. 1. СПб., 1859, с. 321—353). Этом переводу предпослана очень краткая биографическая справка об авторе со чинения. Уже в наше время о Де Ту и его «Истории» было упомянуто обобщающих работах О. Л. Вайнштейна и М. А. Алпатова (Вайнштей О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М., 1964, с. 397 401; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европ XVII — первая четверть XVIII вв. М., 1976, с. 91—97). В монографии О. Л Вайнштейна рассмотрена «История своего времени» в общей структур французской историографии начала XVII в. М. А. Алпатов проанализирова только ту часть работы Де Ту, которая охватывает события в России п рнода Смуты и Крестьянской войны. В обеих монографиях приведена и н вейшая западноевропейская историография, посвященная Де Ту, отмети весьма немногочисленная. Очерк по истории России с древнейших врем до конца XVI в., включенный в «Историю своего времени», еще не ст предметом исследования. Настоящая работа является первой попыткой ан лиза этого очерка.

[3] De Thou Jacques-Auguste. Histoire universelle de Jacques-Augus De Thou. Depuis 1543 — jusqu'en 1607, t. 3, 1556—1560. Londres, 1734, p. 275 281.

в одном из позднейших изданий перечислен ряд источников. Возможно, эта сводка была осуществлена издателем. Итак, в начале двадцать первой книги перечисляются сочинения, которыми пользовался Де Ту: Иоанн-Баттист Адриани, «Рукописные заметки по истории Франции», Плутарх, Клавдий Птолемей, Александр Гваньини, «Церковная история» Адама Бременского, Давид Хитрей, Сигизмунд Герберштейн, «Annales de Russie» («Русские летописи»?), Рейнгольд Гейденштейн, Тиллеман Бреденбах и Павел Одерборн. Эти сочинения посвящены не только русско-ливонским отношениям. В своем большинстве источники содержат материал не только по истории «Московии». Уже при просмотре ясно, что целая группа сочинений не могла быть использована для исторического очерка. Более того, не все сочинения, рассказывающие о русско-ливонской войне, имеют историческую справку о Древней Руси. Таковы, например, работы Давида Хитрея, Тиллемана Бреденбаха, Павла Одерборна. Сколько-нибудь значительных фактов по истории «Московии» в них нет. Они целиком посвящены русско-ливонским и русско-польским отношениям, войнам с московитами, во главе которых стоял «страшный и жестокий тиран» Иван Грозный.

Другая группа источников (Плутарх и Птолемей) является скорее всего той данью античной традиции, которая характерна для историка рубежа XVI и XVII столетий.

Сочинение флорентийца Иоанна-Баттиста Адриани посвящено истории Италии с 1536 по 1574 г. «Церковная история» Адама Бременского, немецкого хрониста XI в., содержит подробный материал о распространении христианства на севере Европы. Известий по истории Руси в этих работах нет.

Остается еще одна группа сочинений, в которую входят труды С. Герберштейна, А. Гваньини и Р. Гейденштейна, а также «таинственные» «Annales de Russie». Как известно, этот комплекс источников, во всяком случае, первые два — сочинения Герберштейна и Гваньини — содержат информацию о Древней Руси. Есть эти сведения и в работе Гейденштейна. Текстологическая сверка известий «Истории» с сообщениями указанных работ позволяет определить источники очерка Де Ту о Древней Руси.

Перейдем непосредственно к сверке.

Де Ту пишет: «Она (Россия. — *Ю. Л.*) простирается, начиная с этого города (Нарвы. — *Ю. Л.*), построенного в 1400 г., к востоку и северу до Каспийского моря и до Татарии. Она получила свое название от крепости Москвы и от реки того же названия, которая впадает в Оку и в Волгу, на которой Иван, сын Даниила, построил крепость...» Это — мнение Сигизмунда Герберштейна, утверждавшего, что читал это в летописях («Annales») этой страны.[4] Действительно, большая часть сведений

[4] Ibid., p. 275.

была заимствована Де Ту у Герберштейна.[5] Правда, последний, хотя и писал (добавим весьма подробно) о реках Москве, Оке и Волге, не упомянул о том, что Москва впадает в Оку. Но этот факт уже и ко времени Герберштейна был хорошо известен на Западе. Достаточно сослаться на Павла Иовия, который за 25 лет до издания «Записок» Герберштейна писал об этом.[6] Вслед за ним это известие повторяли все авторы сочинений о Московии.

Де Ту сообщает также наиболее вероятные, по его мнению, сведения о происхождении терминов «московиты» и «руссы»: «...Московиты заимствовали свое имя от Москов, граничавших с Колхидой по ту сторону Каспийского моря, о которых говорит Страбон и которых Плутарх считал завоеванными Помпеем... Руссы, возможно, произошли от древних Роксоланов...»[7] Первая фраза, видимо, не нуждается в комментариях. Сам автор дает источник своего известия: это Страбон и Плутарх. Вторая фраза, несколько измененная, заимствована из сочинения Герберштейна. Приводя разные точки зрения на происхождение русских, он сообщает следующее: «Большинство же полагает, что Руссия получила название, чрез изменение имени, от Роксолании».[8]

Дальнейшая сверка текста заставляет прийти к выводу, что Де Ту использовал работу Герберштейна для следующих известий: о призвании варягов, о столице Руси, о рождении Владимира Святославича и его борьбе с Ярополком Окаянным, о родословии московского великокняжеского дома. Возможно, некоторое влияние оказали «Записки» австрийского посла на сообщение о войнах Ивана Грозного.[9]

Ряд известий заставляет думать, что Де Ту использовал источник, не совпадающий с работой С. Герберштейна. Так из всего комплекса информации, приведенного Де Ту о времени Владимира, интересно сообщение о происхождении 12 княжеств Древней Руси. В «Истории» читаем: «Империя (т. е. Русь. — *Ю. Л.*) разделена на двенадцать княжеств для двенадцати детей, которых оставил Владимир».[10] Упоминание о 12 княжествах известно только одному источнику Де Ту, а именно Гейденштейну. В этом же сообщении сталкиваемся с буквальным заимствованием известия из упомянутого источника. Де Ту цитирует Гейденштейна: «От Владимира произошли, как говорит предание, все русские князья. Оставив 12 сыновей и разделив

[5] Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1906, с. 99, 100.

[6] Новокомский Павел Иовий. Книга о московитском посольстве. — В кн.: Герберштейн С. Записки о московитских делах, с. 253.

[7] De Thou J.-A. Histoire universelle..., t. 3, p. 275.

[8] Герберштейн С. Записки о московитских делах, с. 1.

[9] De Thou J.-A. Histoire universelle..., p. 275, 276, 278. Ср.: Герберштейн С. Записки о московитских делах, с. 2, 4, 6, 8, 9, 100, 101.

[10] De Thou J.-A. Histoire universelle..., t. 3, p. 276.

между ними всю Русь, он передал власть и главный престол киевский старшему сыну Святополку».[11]

Почти все сообщения эпохи периода феодальной раздробленности в книге Де Ту заимствованы у польского историка. В «Истории» читаем: «В следующий период Андрей, князь Суздальский, который происходил от детей Владимира, заключил соглашение со своими 11 братьями, поймал Мстислава, захватившего Киев, сделал Владимир столицей своей империи и обеспечил корону ветви суздальских князей. Хотя другие князья, происходя от того корня, что и он, не признали его сувереном, он, однако, приняв титул великого князя, решил, что эти князья должны принести нечто вроде присяги его величию».[12] Почти все западноевропейские сочинения того времени ничего не сообщают об этом событии. Известие об Андрее Боголюбском имеется только у Гейденштейна, который пишет: «...в последующие времена князь Суздальский, Андрей, происходивший из того же поколения Владимира, заключив договор с 11 другими князьями, свергнул Мстислава, который владел Киевским престолом, принадлежа также к потомкам Владимира. Он первый перенес столицу во Владимир и дал первенство Суздальскому роду; тот, кто владел этим городом, хотя бы и не имел власти над остальными родственниками, тем не менее пользовался титулом великого князя, а достоинством и почестями возвышался над прочими, которые чтили его величие...»[13]

Интересно, что Де Ту повторяет Гейденштейна не только при изложении фактов, но и в структуре своего сочинения. Так, закончив свой первый экскурс в древнюю историю Русского государства, он переходит к описанию русско-ливонской войны и похода Стефана Батория. Здесь Де Ту использовал сочинения Тиллемана Бреденбаха, Павла Одерборна, Давида Хитрея, но прежде всего Рейнгольда Гейденштейна. Последний, описывая захват Полоцка и осаду Пскова польскими войсками, дает краткие очерки истории этих городов. Де Ту также рассказывает о борьбе Стефана Батория с Русским государством. Более того, при описании Полоцка и Пскова вслед за Гейденштейном французский историк приводит краткие исторические очерки. Один из этих очерков весьма интересен, ибо дает возможность не только четко установить, что работа Гейденштейна была без всякого сомнения источником сочинения Де Ту, но даже определить, каким именно изданием пользовался автор «Истории своего времени».

Говоря об истории города Пскова, Де Ту пишет: «Русские летописи делают Псков очень древним; они утверждают, что он построен в 6412 г. от сотворения мира, согласно их способу ис-

[11] Ibid. Ср.: Гейденштейн Рейнгольд. Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889, с. 20.

[12] De Thou J.-A. Histoire universelle..., t. 3, p. 277.

[13] Гейденштейн Рейнгольд. Записки..., с. 21.

числения, и что русский князь Тор («Thori»), сын Рюрика, же
нился на девушке из Пскова по имени Ольга, от которой у нег
был сын Святослав».[14] У Гейденштейна это известие имеет сле
дующий вид: «Самое древнее упоминание о Пскове, около
6412 г. от сотворения мира, находится в летописях псковских
которые найдены были в числе других в Полоцкой библиотек
и попали в наши руки в этом году, как говорят, сын Рюрика
князя русского, Игорь взял себе в супруги из того города Оль
гу, от которой родился у него сын Святослав».[15] Де Ту называе
Игоря Тором. Подобная транскрипция имени русского князя
позволяет точно определить источник, которым пользовался
французский историк. Текстологическая сверка показывает, что
это сочинение Гейденштейна. Опечатка в написании имени Иго
ря, превратившая его в Тора, имеется только в одном издании
Гейденштейна, а именно в сборнике «Rerum Moscovitarum
auctores varii...», который был опубликован в 1600 г. во Франк
фурте-на-Майне.[16] Более того, на использование сборника ука
зывает и каталог личной библиотеки Де Ту.[17]

Сочинение Гейденштейна послужило источником следующих
известий «Истории своего времени»: о нашествии татар на Русь
в 1223 и в 1237 гг., о возвышении Москвы и «князей суздальско
го дома», о времени Василия Темного и Дмитрия Шемяки, о
падении татарского ига, об осаде Пскова, о начале царствова
ния Ивана Грозного, о разгроме Казанского и Астраханского
ханств.[18]

Кроме перечисленных источников Де Ту использовал сочи
нения Гваньини. Текстологический анализ позволяет утверждать,
что ряд известий «Истории своего времени» базируется на кни
ге полонизированного итальянца. Это сообщение о войнах
Ивана Грозного с крымскими, перекопскими и ногайскими та
тарами, известия об армии «московитов».[19]

Де Ту также использовал еще три источника, принадлежав
ших перу славянских хронистов. Рассказывая о женитьбе князя
Владимира и крещении Руси, автор «Истории своего времени»
добавляет: «Об этом говорится в летописях Московитских и
Польских...» Тщательный анализ текста Де Ту позволяет ут
верждать, что непосредственно французский историк не исполь
зовал русских летописей, хотя превосходно знал о их существо

---

[14] De Thou J.-A. Histoire universalle... Londres, 1734, t. 8, p. 462.

[15] Гейденштейн Рейнгольд. Записки..., с. 195.

[16] Об этом сборнике см. подробно: Лимонов Ю. А. Русские источни
ки «Истории Московии» Джона Мильтона. — В кн.: Проблемы истории меж
дународных отношений. Л., 1972, с. 246, 247.

[17] Catalogus bibliotecae Thuanae. Lauenburgi, 1704, p. 441.

[18] De Thou J.-A. Histoire universelle..., t. 3, p. 278—280. Ср.: Гей
денштейн Рейнгольд. Записки..., с. 20—28, 48—51.

[19] De Thou J.-A. Histoire universelle..., t. 3, p. 279. Ср. Гваньи
ни А. Замечания иностранца XVI в. о военных походах русских. — «Оте
чественные записки», 1826, т. XXV, № 69, с. 92—95.

вания, неоднократно их упоминал и базировал почти весь свой фактический материал на их пересказе других авторов. Рассказ о женитьбе князя Владимира и крещении Руси заимствован из работы Я. Длугоша «История Польши». Видимо, говоря о «польских летописях», Де Ту имел в виду сочинения Длугоша, ибо, приводя рассматриваемое известие, он прямо на них ссылается. С работой Длугоша, которая в то время не была издана, Де Ту мог познакомиться по одному из многочисленных списков, тем более, что «История Польши» была написана на латинском языке. Отметим, что форма изложения сочинения Длугоша хронологическая, т. е. весь материал разбит по годам, что приближает его к летописи. Подобное предположение до некоторой степени подтверждается тем, что в конце XVI в. Длугоша считали летописцем. Так, Даниил Принц пишет: «Длугош, писатель Польских летописей, сочинение которого имеется только в некоторых семействах в рукописи...»[20]

Возможно влияние Я. Длугоша, а также его последователя и ученика М. Меховского сказалось и в сообщениях Де Ту о набеге татар на Русь в 1223 и 1237 гг.[21] Автор «Истории своего времени» знал и работу Даниила Принца, изданную в 1580 г. в Кельне.[22] Некоторые особенности текста Де Ту заставляют думать, что она была им использована при составлении генеалогической сводки московских князей.

Наконец, последний источник, повлиявший на труд Де Ту, — сочинение византийского писателя Зонары. Оно было использовано при рассказе о русско-византийских отношениях.[23]

Подводя итоги, отметим, что автор «Истории своего времени» использовал весьма обширный круг источников. Заслугой его надо полагать разностороннее и подлинно критическое осмысление фактических материалов, позволившее Де Ту создать одну из первых обобщающих работ по истории народов Европы, достойное место в которой занял исторический очерк о Древней Руси.

---

[20] Принц Даниил. Начало и возвышение Московии... — ЧОИДР, 1876, кн. 3, с. 2.

[21] De Thou J.-A. Histoire universelle..., t. 3, p. 277.

[22] Magni Moscoviae Ducis genealogias brevis epitome... Coloniae, 1580.

[23] De Thou J.-A. Histoire universelle..., t. 3, p. 277. Ср.: Zonarus J. Compendium historiarum in tres tomos distinctum..., t. 3. Basileae, 1557, p. 167—171.

М. Б. Свердлов

ДВОРЯНЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Изучение общественных категорий имеет важное значени для конкретно-исторического анализа процесса классообразов ния. В работах советских исследователей, посвященных соц альной истории Древней Руси, основное внимание справедли уделялось трудящимся — свободным и зависимым. Достаточ обстоятельно изучались крупные феодалы — князья и знать. О нако в положении княжеских служилых людей, не входивших состав знати, отмечались лишь наиболее характерные черт Особенно мало уделялось внимания дворянам, древнейшие св дения о которых относятся к XII—XIII вв. — периоду феодал ной раздробленности. Советские исследователи указывали, ч первоначально дворяне были слугами княжеских дворов. О получали за военную и административную службу небольш участки земли и становились мелкими землевладельцами. Кн зья опирались на них в борьбе с боярством, причем уже XIII в. дворяне требовали не только «милости» князя, но и «ч сти».[1] Однако специального исследования, посвященного опр делению социально-экономического положения дворян в XII XIII вв., в советской исторической литературе не было.

Дореволюционная историография ограничилась кратки характеристиками дворян древнерусского периода. Исследов тели отмечали, что они были дворовыми слугами, но их фун ции определялись самым различным образом: князья и суд поручали дворянам низшие судебно-полицейские должнос приставов и тюремщиков, дворяне участвовали в войске, веда сбором пошлин, служили в низших исполнительных государс

[1] Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947, с. 32—3 Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 19 с. 288—289; Пашуто В. Т. Очерки истории СССР. XII—XIII вв. М., 19 с. 13—14; Рубинштейн Н. Л. Дворянство. Советская историческ энциклопедия, т. 5. М., 1964, стб. 22.

ных органах, состояли при князе для личных услуг.[2] По мнению Н. П. Павлова-Сильванского, дворяне были зависимыми людьми, жившими при князе для личных услуг или особых поручений, «дворные» люди в удельный период служили ключниками, тиунами, казначеями, сельскими приказчиками, дьяками, судебными приставами, были воинами.[3] Не было единодушия среди исследователей и в вопросе о том, были ли дворяне в XII—XIII вв. свободными (гриди, отроки, детские, сыны боярские, слуги вольные) [4] или в их состав входили свободные и холопы.[5]

В дореволюционной историографии древнейшая история дворянства рассматривалась также в работах, авторы которых не смогли конкретно-исторически проследить процесс появления новой социальной категории, название которой стало обозначением привилегированного сословия в России, составлявшего бо́льшую часть класса феодалов.[6]

Таким образом, очевидно, что изучение древнейшего периода истории дворянства как составной части господствующего класса в Древней Руси нуждается в дополнительных исследованиях.[7] Анализ всего комплекса известий письменных источников позволяет расширить сведения о начальной истории дворян, уточнить данные о происхождении этой социальной категории и ее месте среди других групп господствующего класса в XII—XIII вв.

Впервые слово «дворяне» упоминается под 1175 г. в Лаврентьевской летописи в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского: «Горожане же боголюбскыи и дворяне разграбиша домъ княжь».[8] Как отметил М. Д. Приселков, этот рассказ был написан вскоре после произошедших событий.[9] Показательно, что

---

[2] Сергеевич В. Древности русского права, т. I. Изд. 3-е. СПб., 1909, с. 498; Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912, с. 84—85; Мрочек-Дроздовский П. Н. Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде. — ЧОИДР, 1917, кн. 3, с. 53.

[3] Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. 24—25.

[4] Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. Пг., 1915, с. 29; Сергеевич В. Древности русского права, т. 1, с. 498—499; Ключевский В. О. Соч., т. VI. М., 1959, с. 157—158.

[5] Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди, с. 24—25; Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя..., с. 84.

[6] Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. СПб., 1874; Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876; Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. СПб., 1876.

[7] В новейшей литературе справедливо отмечается неудовлетворительное состояние марксистского изучения класса феодалов вообще и дворянства в частности (Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Сб. статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М., 1975, с. 1—2).

[8] ПСРЛ, т. I. Изд. 3-е. М., 1962, стб. 369—370.

[9] Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 65.

киевский сводчик, включивший владимиро-суздальские записи в Киевскую летопись, опустил в заимствованном тексте упоминание о дворянах, несмотря на сделанные им дополнения. Другие привычные социальные термины (посадники, тиуны, детские, мечники), общие для киевского и владимиро-суздальского княжеств, сохранены.[10] То, что киевский летописец опустил в рассказе упоминание о дворянах, свидетельствует о его стремлении устранить незнакомый ему и киевским читателям термин. На этом основании можно предположить (это подтверждается всем комплексом южнорусских источников XII—XIII вв.), что в Южной Руси термин «дворянин» не существовал, тогда как в Северо-Восточной Руси он уже сложился ко второй половине XII в.

Этимология слова указывает его первоначальное значение — человек, живущий при дворе, состоящий на службе у князя, у государя.[11] Рассказ Лаврентьевской летописи позволяет конкретизировать общественное положение дворян. Судя по тому, что они терминологически выделены из посадников, тиунов, детских и мечников, т. е. членов княжеского административно-судебного аппарата и младшей дружины, первоначально слово «дворянин» было общим названием свободного (на что указывает эволюция термина) слуги княжеского двора.

Об использовании термина «дворянин» в XII в. в Новгородской земле свидетельствует берестяная грамота № 10 из Старой Руссы. Согласно ее тексту, некий дворянин был виновником голода в Городище. Для того чтобы он больше не «пакостил», его надо было приструнить («ополошить») некоему Антонию.[12] Из этого сообщения, по нашему мнению, нельзя с определенностью заключить, был ли этот дворянин управляющим, как думает В. Л. Янин,[13] или прислан в Городище по какому-то конкретному поводу, был ли он слугой боярина или подчинялся княжескому тиуну. Определенно одно, что этот дворянин был занят в хозяйственной сфере деятельности.

Согласно новгородским известиям, в начале XIII в. содержание слова «дворяне» расширилось. Им стали называть княжескую дружину и администрацию,[14] что указывает на семантическое развитие термина. В новгородской договорной грамоте 1266 г. с тверским князем Ярославом Ярославичем сообщается, со ссылкой на установившийся порядок, о взимании княжескими дворянами особой подати — «погона», а также повозно-тран-

---

[10] ПСРЛ, т. II. Изд. 2-е. М., 1962, стб. 592.

[11] Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 5. Под ред. Н. М. Шанского. М., 1973, с. 30.

[12] Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М., 1975, с. 223—224.

[13] Там же, с. 224.

[14] НПЛ, с. 51, 53, 54, 58, 249, 251, 254. Более подробные сведения об административно-судебных функциях дворян содержатся в новгородских источниках XIV в. (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 144—145, 187, 331—333).

портной повинности.[15] В договорной грамоте 1270 г. тех же сторон уточняется, что дворяне исполняли поручения от князя и от княжеского тиуна, поэтому они получали различный «погон», соответственно 5 и 2 куны.

Вместе с тем использование нового термина укоренилось в письменности и, вероятно, в общественной практике далеко не сразу. Рассказ Синодального списка Новгородской I летописи под 1218 г. об избиении рязанских князей и их «бояр и дворян множьства» идентичен рассказу об этом событии в Лаврентьевской летописи, где термин «дворяне» везде заменен словом «слуги».[16] В договорах Новгорода с князьями термины «дворяне» и «слуги» использовались альтернативно.[17]

Таким образом, источники свидетельствуют о семантическом изменении слова «дворянин» от «слуги княжеского двора» до «члена княжеского административного аппарата, вооруженного слуги князя, дружинника». Расширение термина отражало социально-политический процесс слияния служилого аппарата княжеского двора с аппаратом государственного управления (ср. также назначение на административные должности в XII—XIII вв. княжеских тиунов[18]). Этот процесс централизации выражался, вероятно, как во включении дворян в административный государственный аппарат, так и в расширении понятия «дворянин» на членов княжеской администрации.

Семантика термина и соотнесение в источниках XII—XIII вв. дворян со слугами указывают на генезис дворян как социальной группы. Слово «дворянин» первоначально означало слуг именно княжеского двора, в отличие от княжеских слуг — членов княжеского административно-судебного аппарата.

Слово «слуга» восходило к праславянскому * sluga, определяемому понятиями «служить, поддерживать, помогать» и не содержавшему представлений о лишении личной свободы.[19] В XI—XII вв. оно использовалось не только для обозначения людей невооруженных, занятых в крупном феодальном хозяйстве, но при указании приближенных к князю низших членов военной и административно-судебной иерархии, которые «служили» князю (в частности, отроки и детские).[20] В XII—XIII вв. на Руси

[15] ГВНП, с. 11.

[16] НПЛ, с. 58; ПСРЛ, т. I, стб. 441. — Поскольку общий источник рассказа не выяснен (возможно, рязанское летописание, использованное в своде 1305 г. — Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 34), нельзя определить, какой из двух терминов использовался первоначально.

[17] ГВНП, с. 10, 13, 15—16 и след.

[18] ПСРЛ, т. I, стб. 412; ПСРЛ, т. II, стб. 321—322; ГВНП, с. 9, 11, 12 и след.; НПЛ, с. 66, 67, 322.

[19] См. литературу вопроса: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 676.

[20] ПВЛ, ч. I, с. 42, 91, 176; ПСРЛ, ч. II, стб. 463—464, 592—593; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стб. 423.

отмечается расширение понятия «слуга», которое вошло в по стоянное сочетание «бояре и слуги», обозначавшее княжескую дружину на войне и сопровождавших князя служилых люде во время мира.[21]

Видимо, терминологическая неопределенность понятия «слу га» по отношению к свободным людям, которые включались систему административно-судебного и военного аппарата, а так же важнейшая роль княжеского двора — центра управлени княжеством — способствовали образованию нового термина Южной Руси — «слуги дворные»,[22] т. е. лексически было сужен значение термина для обозначения слуг княжеского двора, ка на Северо-Востоке и Северо-Западе Руси. Эти слуги подчин лись, вероятно, дворским, своего рода мажордомам, о которы в известиях XII—XIII вв. сообщается как о боярах и княжески воеводах.[23] Еще в московских договорных грамотах второй по ловины XIV в. слуги «потягли» (т. е. подчинялись) к дворско му, как «черные люди» к сотскому (или становщику).[24]

Таким образом, можно полагать, что процессы слияния гос дарственного аппарата и аппарата княжеского двора содейс вовали разграничению понятия «слуги в системе княжеской г сударственной службы» и «слуги княжеского двора», что выр зилось в сосуществовании терминов «слуги», «слуги дворски и «дворяне», причем первый термин мог относиться к широко группе младших членов административно-судебного и военно аппарата, тогда как остальные означали свободных людей, н ходившихся в личном услужении князю. Однако эта объекти ная тенденция к уточнению терминов потерпела неудачу вслед ствие продолжающихся процессов слияния государственно аппарата и личного княжеского двора. Расширение поняти «дворяне» повторило судьбу предшествующего ему термин «слуги». В этих явлениях следует видеть влияние на админ стративно-социальную структуру княжеств социально-эконом ческих процессов феодальной раздробленности.

Источники XII в. не позволяют с достаточной уверенностью судить об экономическом положении дворян: получали они князя пищу, кров и денежное содержание на княжеском дво или им раздавались в условное владение или в корм княжеск села. В XIII в. возросшая роль дворян в системе государстве ного управления отразилась в изменении их социально-эко мического положения. Согласно договору Новгорода и тверск го князя Ярослава Ярославича в 1264 г. дворянам наряду князем, княгиней и боярами запрещалось «держать» села и с

[21] ПСРЛ, т. II, стб. 877, 901, 928, 936–937; ПСРЛ, т. I, стб. 440 441. — На свободное положение слуг с правом отъезда указывают догово ные грамоты XIV в. (ДДГ, с. 12, 13 и след.).

[22] ПСРЛ, т. II, стб. 899, 918—919

[23] ПСРЛ, т. II, стб. 544, 724, 777, 793, 796, 798, 804, 811, 822, 831 832, 834.

[24] ДДГ, с. 20, 31.

вить слободы «по Новгородской волости».[25] Учитывая указание грамоты на принятие подобных условий Ярославом Всеволодовичем, который был новгородским князем с 1215 по 1236 г. (с перерывами), следует предположить, что владение дворян селами в Новгородской земле практиковалось в первой половине XIII в. В договоре 1266 г. этих же сторон указывалось князю, княгине и дворянам: «Сел не държати, ни купити, ни даром приимати».[26] Совершенно очевидно, что за два года такие существенные изменения в формах владения селами произойти не могли. Изменения же в формулировке статьи договора вызваны, по нашему мнению, совершенствованием формы договора как дипломатического и юридического документа. Поэтому можно предположить, что к середине XIII в. (или еще раньше) сложились самые различные формы отчуждения земли и населявших ее людей не только князьями и боярами, но и дворянами: «держание» от князя или Новгорода, купля или принятие даром (в подарок), по завещанию или в заклад. По договору 1266 г. дворянам, князьям и боярам запрещалось также принимать в закладники новгородских смердов и купцов.[27] Отсюда можно заключить, что не только князья и бояре принимали закладников, но и дворяне, причем не только свободных земледельцев, смердов, но даже купцов.

Значительная экономическая и социальная активность дворян определялась их положением приближенных княжеских слуг — членов государственного административного аппарата. Указания новгородских договоров свидетельствуют о том, что в XIII в. существовало условное землевладение («держание» сел), а также вотчинное владение дворян. Источники, сообщая о приобретениях земель дворянами в XIII в. на «чужих» новгородских землях, не содержат сведений о дворянском землевладении в «своих» княжествах, владимиро-суздальском, тверском, переяславском, позднее московском и др. Однако эти известия позволяют предположить не только аналогичные формы их экономической активности в «своих» княжествах, но и передачу князьями дворянам сел на «своих» территориях. Существование условного и вотчинного землевладения дворян предполагает использование в их хозяйстве труда феодально зависимого населения. Привлечение закладников, смердов и купцов, не только к князьям и боярам, но и дворянам свидетельствует об экономической стабильности их хозяйства, а также о начальном процессе превращения дворян в господствующее сословие, общественное положение которого определялось службой князю, участием в административном и военном княжеском аппарате.

---

[25] ГВНП, с. 10.
[26] Там же, с. 11.
[27] ГВНП, с. 11, см. также с. 13.

Н. Е. Носов

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ В ДВИНСКОЙ ЗЕМЛЕ XVI в.

Земская реформа Ивана Грозного принадлежит к числу важнейших реформ XVI в. В то же время из-за крайней недостаточности дошедших до нас источников о введении на местах земского самоуправления даже вопрос о начале земской реформы, как показывают хотя бы исследования о реформах 50-х годов XVI в. С. Б. Веселовского, И. И. Смирнова, А. А. Зимина, С. О. Шмидта, А. И. Копанева, а также наши работы, до сего времени вызывает споры в советской историографии.

В своей специальной монографии, посвященной ее изучению, мы в свое время пришли к заключению, что реформа начала проводиться правительством «избранной рады» еще в 1551—1552 гг.[1] Сперва во исполнение решений Земского собора 1549 г. об ограничении наместничьего управления и более широком привлечении к местному управлению земских представителей (крестьян и посадских людей) на Стоглавом соборе 1551 г. была утверждена «уставная грамота»,, «подписанная» под новый Судебник и долженствующая регламентировать вопросы организации местного управления и судопроизводства, а вслед за тем в 1551—1552 гг. начинается рассылка по отдельным посадам и волостям первых земских уставных грамот. Но уже в 1553 г., после взятия Казани и знаменитых заседаний Боярской думы «о кормлениях» в декабре 1552 г., в результате которых, как сообщает Никоновская летопись, Иван Грозный в «кормлении... пожаловал всю землю»,[2] проведение реформы было временно приостановлено — и даже более, в ряде мест снова восстановлен институт кормленщиков — и только после «царского

[1] Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969, с. 72—88.

[2] ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1904, с. 228, 523; ср. т. XIX. СПб., 1903, стб. 180. — Подробный разбор указанных известий см. у нас: Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений..., с. 368—373.

приговора о кормлениях и службе» 1555 г. введение земских учреждений приняло общегосударственный характер. В течение 1555—1556 гг. на основной территории страны реформа была завершена.[3] Первый этап проведения земской реформы нашел свое отражение в уставной грамоте Плёсской волости Владимирского уезда от 28 февраля 1551 г. и учредительных земских грамотах 1552 г. — Мало-Пинежским волостям от 25 февраля и Важской земле от 21 марта,[4] второй — в учредительных земских грамотах 1555—1556 гг. Имеем в виду земские грамоты 1555 г.: от 11 августа — Соли Переяславской, от 15 августа — переяславской Рыболовной слободе, от 15 октября — Усецким и Заецким волостям Устюжского уезда; а также грамоты 1556 г.: от 29 апреля — царским подклетным селам Переяславского уезда и от сентября — Холмогорскому присуду Нижней половины Двинской земли.[5]

Эти наблюдения подтверждаются и сведениями об отмене кормлений, которые мы можем почерпнуть из Боярской книги 1556 г.[6]

Так, в обоснование двухэтапности проведения земской реформы мы ссылались, в частности, на пример с Мало-Пинежскими волостями, в которых с 25 февраля 1552 г. было введено земское самоуправление, а уже в 1553—1555 гг., согласно Боярской книге, они снова были за кормленщиками.[7] Например, Иван Никитин, сын Дубенского, Большой, «съехал с Пенешкы с Малые на Ильин день 63, держал 2 года», т. е. был на пинежском волостельстве с лета (июля?) 1553 г. по 20 июля 1555 г.[8]

Изучение сохранившегося в Двинском летописце XVII в. известия об отмене наместничьего управления и учреждении земских старост на Двине (известия крайне путанного и противоречивого) и его сличение с Двинской земской грамотой от сентября 1556 г. дало нам основание предположить, что подобное же явление имело место и на территории самой Двинской земли, с которой непосредственно граничили пинежские волости, а именно, что дошедшая до нас сентябрьская земская грамота 1556 г. была не первым правительственным актом, вводившим здесь земское самоуправление. Мы высказали мысль, что

---

[3] Носов Н. Е. Становленне сословно-представительных учреждений..., с. 373—385.

[4] Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895, с. 108—110; Копаиев А. И. Уставная грамота трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. — «Исторический архив», 1952, т. VIII, с. 11—20; РИБ, т. XXXII. СПб., 1908, № 189.

[5] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909, с. 113—122, 130—136.

[6] Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений..., с. 421—510.

[7] Там же, с. 327—328.

[8] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачевым, кн. III. СПб. — М., 1861, Боярская книга 1556 г., л. 149 об. — 150.

в 1552 г., всего вероятнее одновременно с выдачей земских грамот Мало-Пинежским волостям и Важской земле, т. е. в феврале—марте, на Двине было введено земское самоуправление, но вскоре оно было, как и на Пинеге, отменено и снова восстановлено лишь в сентябре 1556 г.[9] Когда мы работали над монографией, то, к сожалению, не располагали прямыми свидетельствами указанного «двухкратного» земского учредительства в Двинской земле. В то же время проверка этого факта имеет немаловажное значение не только потому, что Двинская земля — центральная часть Поморья (а как раз на его территории земские учреждения получили наибольшее развитие), но и для общей характеристики хода проведения земской реформы, а главное тех социальных слоев, в руки которых передавалось местное управление на посадах и волостях русского черносошного Севера. Сейчас мы обладаем рядом новых свидетельств о времени проведения земской реформы в Двинской земле, подтверждающими наши общие выводы о причинах и характере ее проведения на территории Подвинья.

Конец 40-х — начало 50-х годов XVI в. были весьма тяжелым временем для двинского крестьянства и посадских людей. Весьма интенсивный экономический подъем, который наблюдается в первой половине XVI в. во всем Поморье и особенно в его наиболее развитых районах, в Двинской и Важской землях, способствовал не только обогащению двинских «лучших людей», купцов и промышленников, но и росту имущественной дифференциации среди основной массы городского и сельского населения, приводившей к разорению и обнищанию значительной части крестьянства и посадских людей. Рост государственных налогов и поборов наместников и волостелей усугубляли тяжелое положение тяглого населения. Особенно трудным был 7057 г. (1548—1549 гг.), когда, как сообщает Двинская летопись, «хлеб был дорог на Двине, на Холмогорах четверть купили по осьми гривен, и людей с голоду мерло много, погребали в одну яму мертвых по 200 и по 300 человек».[10]

После голода положение на Двине еще более обострилось. Во всяком случае, когда в 1550 г. на Двину приехали царские писцы (И. П. Заболоцкий с «товарищи»), которые писали и мерили двинские земли почти в течение четырех лет, до 1553 г. («в лето 7058 году, и 59, и в 60, и в 61 годах»),[11] то они обнаружили здесь очень значительное запустение «деревни и починки в пусте» — и были вынуждены передать «на льготу» многие черные и монастырские земли.[12] Так, по сотной с писцовых

---

[9] Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений... с. 350—364.

[10] ДРВ, 1791, ч. XVIII, с. 10; Типов А. Летопись Двинская. М., 1889, с. 10; ГПБ, РО, Погодинск. собр., № 1405, л. 110—112.

[11] ГПБ, РО, Погодинск. собр., № 1405, л. 110—112.

[12] Двинские писцовые книги 1550—1551 гг., II, 11. Заболоцкого «с това-

книг И. П. Заболоцкого в Емецком стане к 7061 (1552—1553 гг.) из числящихся в ней 237 деревень и починков более 40 были «в пусте». Еще в более тяжелом положении находились в ряде случаев монастырские крестьяне, испытывающие на себе двойной гнет — от государственных налогов и монастырского обложения. В вотчине Михайловского Архангельского монастыря из 29 деревень с 51 обжей «сошной пашни» писцы обнаружили «в пусте» 28 деревень и 48 обеж пашни.[13]

По существу монастырская вотчина почти полностью обезлюдела. Большое запустение двинских земель в 50-х годах зафиксировано и платежной книгой Двинского уезда 1560 г., содержащей сравнительные данные описаний Двины И. П. Заболоцкого в 1550—1553 гг. и В. Гагина в 1559 г.[14] Основной причиной запустения, как показывают писцовые книги, а также дошедшие до нас двинские частные акты и волостные разрубы, был рост государственных налогов, а в начале 50-х годов (до отмены кормлений) поборов и судебных пошлин в пользу двинских наместников, тиунов и доводчиков.[15] Все это вызывало и появление на Двине в конце 40-х начале 50-х годов большого количества лихих людей, о чем можно судить хотя бы по тому, что во время известных майских подтверждений 1551 г. жалованных грамот двинских монастырей особое внимание было уделено вопросу о взаимоотношениях монастырских властей с губными старостами. Губные старосты, по-видимому, были учреждены на Двине как раз в это время.[16] Ни по одному из других

рации» до нас не дошли. Но сохранились три сотные с них от 1552—1554 гг. по вотчинам Николаевского Корельского и Михайловского Архангельского монастырей и Емецкого стана (Сб. ГКЭ, т. I, № 138); Сотная на владения Михайловского Архангельского монастыря 1552—1554 гг. (подготовил к печати А. И. Копанев). — В кн.: Северный археографический сб., вып. 2. Вологда, 1972, с. 105—106; Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, с. 453—462).

[13] Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения... — В кн.: Вопросы аграрной истории, с. 453—462; Сотная на владения... — В кн.: Северный археографический сб., вып. 2, с. 105—106.

[14] Копанев А. И. 1) Платежная книга Двинского уезда 1560 г. как исторический источник по социально-экономической истории Севера. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 2. М.—Л., 1969, с. 240—248; 2) Платежная книга Двинского уезда 1560 г. — В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, с. 514—535.

[15] О государственном обложении и наместничьих поборах на Двине в середине XVI в. см.: Копанев А. И. 1) Куростровская волость во второй половине XVI в. (из истории подвинского крестьянства). — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952, с. 154—155; 2) О государственных налогах черносошных крестьян середины XVI века. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971, с. 135—140.

[16] Имеем в виду майские подтверждения 1551 г. на жалованных грамотах Антониево-Сийского монастыря от 1545 г. (Сб. ГКЭ, т. I, № 109) и Нижольского Корельского монастыря от 1542 г. (АИ, т. I, 1841, № 141). Подробнее о проведении губной граформы на Двине см.: Носов Н. Е. 1) «Новое» направление в актовом источниковедении. — В кн.: Проблемы

районов страны при ревизии монастырских жалованных грамот в мае 1551 г. специально не говорится о «разбойных делах».

Таким образом, указаиия Мало-Пинежской и Важской земских грамот от февраля—марта 1552 г. о челобитье царю пинежских и важских волостных крестьян и посадских людей, «что у них... на посадех многие дворы, а в станех и в волостех многие деревни запустели от прежних наших (Важских и Пинежских. — *Н. Н.*) наместников (и волостелей), и от их тиунов, и от доводчиков, и от обыскных грамот, и от лихих людей, от татей и от разбойников и от костарей, а им де иаместника (волостеля), и пошлинных людей впредь прокормити немочно, и от того де у них в станех и в волостех многие деревни запустели и крестьяне де у них от того насилства и продаж и татеб с посадов разошлись по иным городам, а из станов и волостей крестьяне разошлись в монастыри..., а иные койкуда безвестно разбрелись нарознь», в полной мере характеризуют положение и в самой Двинской земле в каиун проведения там земской реформы. Только положение монастырских крестьян было, видимо, на самом деле далеко не так уж благополучно, как характеризуют его посадские люди и черные крестьяне, настроенные против льготного положения монастырских вотчин в отношении государственных налогов и наместничьих поборов. Не случайно они обвиняли наместников, волостелей и их тиунов, что те «корм свой, а праведчики и доводчики побор свой емлют иа них сполна» без учета разбежавшихся или укрывшихся где-либо тяглых людей и именно от этого им, черным людем, «всяких поборов тянуть сполна ие мочно».[17]

Последняя уставная иаместничья грамота, действующая на Двине в канун отмены кормлений, была выдана двинянам в 1549—1550 гг. (7058 г.), т. е. до нового царского Судебника, принятого Боярской думой в июне 1550 г. и утвержденного Стоглавым собором в феврале 1551 г.

В 7058 г. (1549—1550 гг.), как сообщает Двинская летопись, на Двину была «прислана государева грамота за красною печатью, велено, по чему двинским наместником на двиняиах на посадских людех въезжего и корму имать, а положена та грамота на Городище в Спаской казне».[18] Подлинник грамоты до нас не дошел. Правда, сохранился список, но по ветхости, без конца, а поэтому без даты и без дьячьей подписи, с уставной грамоты «царя и великого князя» Ивана IV, выданный Нижней половиие Двинской земли, который исследователи обычно дати-

источииковедеиия, вып. X. М., 1962, с. 316—320; 2) Становление сословно-представительных учреждений..., с. 339—341.

[17] Цитируем Важскую грамоту от 21 марта 1552 г., текст которой почти полностью идеитичен в изложении челобитий местного населения о разорениях на Важских и Пинежских землях тексту Мало-Пинежской земской грамоты от 25 февраля 1552 г. (обе грамоты нами и в дальнейшем цитируются по указанным выше изданиям).

[18] ДРВ, 1791, ч. XVIII, с. 10—11.

руют условно 1547—1556 гг., т. е. временем с момента коронации Ивана Грозного в январе 1547 г. до выдачи в сентябре 1556 г. Двинской земской грамоты. Список хранился в архиве Архангелогородского монастыря и был издан еще в начале XIX в. в 1-й части «Русских достопримечательностей».[19] Видимо, это и есть та «государева грамота за красною печатью» 7058 г., о которой говорит двинской летописец. Во всяком случае, именно 7058 г. датирован подлинник или список с этой грамоты, находившийся в конце XVIII в. в руках В. Крестинина.[20] Двинская уставная грамота 1549—1550 гг. не вносила каких-либо изменений в действующие в то время правила взаимоотношений наместников и местного населения, если не считать, что устанавливаемые ею размеры «посошного корма» наместников и их людей были выше чем по уставным грамотам, выдаваемым посадам и волостям центральных районов страны. Но это было, видимо, типично для всего Поморья, где господствовало черносошное землевладение.

Более показательны двинские волостные разрубы второй половины 40-х — начала 50-х годов, сохранившиеся, например, по Лодомской и Куростровской волостям, которые наглядно показывают насколько значительны были в это время на Двине нормированные «посошные» и «головные» сборы (а зачастую просто взятки) в пользу кормленщиков, собираемые двинскими сотскими и старостами с крестьян и посадских людей помимо «уставных» «посошных кормов», судебных пошлин и иных законных денежных сборов (например, денег на строительство и ремонт наместничьих и тиунских дворов — «двориая проторь», расходов на дрова, сено, разъезды наместников и тиунов и их доводчиков), хотя и тут приходилось платить многочисленные «поминки». Но еще большие «обиды» и «поруху» вызывали наместничьи «правежи» и судебные иски, зачастую подаваемые на полощан уже после съезда с кормления. Расходы на поездку в Москву по судным делам подобного рода были особенно разорительны для посадских и волостных земских миров, которым приходилось не только посылать в московский суд (более чем за 1000 км) своих представителей, но и содержать их, а в случае проигрыша дела покрывать все судебные издержки.

Даже из того крайне отрывочного актового материала, который дошел до нас, видно, насколько подобный порядок был обременителен для населения. Так, например, в июле 1545 г. пизовский староста Иван Минин, сын Прилутского, собирает с Лодьмы деньги по «веревной» (посошной) раскладе и «с голо-

[19] Русские достопримечательности. М., 1815, с. 125—136.

[20] Приводимые В. Крестининым отрывки из этой грамоты полностью совпадают с текстом двинской уставной грамоты Ивана IV, изданной в «Русских достопримечательностях» (Начертание истории города Холмогор. Сочинено архангелогородским гражданином Василием Крестининым. СПб., 1790, с. 13).

вы» «дань великого князя и службы, и боярские кормы, и земские разрубы всякие, и московские посохи все сполна, оприщно того, что меня старосту Ивана давал на поруку недельщик великого князя Василей Толокняников от Ивана от Васильевича от Полева», по его иску к низовским волостям как двинского наместника.[21] А уже в январе 1546 г., когда суд на Москве состоялся и И. В. Полев его выиграл, тот же Иван Минин писал в своей «отписи» лодомским волощанам, что, «а те убытки московские от иих дошли до меня, до старосты, что ездил подъячей Василей Толокняников на Двину, давал на поруку Олексея Омосова, да Ивана Дмитриева, да меня, старосту Ивана. И нас на Москве дву Иванов бояря обвинили, а Олексея Омосова на поли побил Полев. И те убытки от них дошли до меня до старосте».[22] Волость уплатила свою долю в этих расходах, а уже в марте того же 1546 г. Иван Минин собирает с лодмян новые деньги в пользу двинского наместника за «наместничь проезд» («в Уну да в Неноксу сей зимы наместник ездил», «а наместничья проезда да подъячего на всю ж волость пять рублев»). Но что было ожидать от местных кормленщиков, если даже сами именитые царские присыльщики, приезжавшие на места по особым указам, брали мзду. Пришлось, например, волощанам заплатить за «Адашева насильства»: Иван Минин «меду на него поставил полтора рубля» и также потребовал разложить эти деньги «на всю ж волость».[23] Федор Адашев выполнял какие-то правительственные поручения на Двине, во всяком случае, двиняне наряжали для него подводы и суда.[24]

Не менее тяжелым для Лодомской волости был 1547 г., когда Иван Минин как низовский староста взыскал только с их 6 сох по другому иску, предъявленному и на этот раз всем низовским волостям, огромную сумму — «сорок рублев без трех денег да 15 алтын московским числом, што искал Григорей Васильевичь[25] и Федор Григорьевич».[26] О размерах же всего иска можно судить хотя бы потому, что в Низовских волостях числилось в это время 70 сох.[27] А наместничий Рождественский корм

---

[21] Акты Лодомской церкви, № XXIII. — И. В. Полев упоминается в двинских наместниках вместе с Василием Михайловичем Воронцовым еще в 1543 г., но когда «съехал» с кормления, неизвестно. (ГБЛ, Собр. Ундольского, № 1169, л. 80; Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889, с. 9).

[22] Акты Лодомской церкви, № XXVI.

[23] Там же, № XXVII.

[24] Копаиев А. И. Куростровские столбцы XVI в. (публикация). — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера, вып. 1, № 2, II.

[25] Имеется в виду иск двинского наместника Григория Васильевича Морозова. О нем же указывается в разрубном списке куростровских волощан от 12 мая 1547 г.: «Да что соцкого... разрубу з Григорьева Морозова иск пошлины и прогоны московскиа». — Копаиев А. И. Куростровские столбцы XVI в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера, вып. 1, № 2, I.

[26] Акты Лодомской церкви, № XXIX.

[27] Там же, № XLVIII.

был с них также взят «с помиики... и с наместничьи объезды».[28] В 1548 г. лодмянами, помимо уставных кормов, «и наместником дано, и тиуном, и доводчиком от добра»,[29] заплатили они также «в проторь дворную, и в приход к наместником и в иные протори».[30] И опять огромная сумма пошла на взятку наместникам в связи с судным делом: взял у них двинской сотский Константин Житков «другого розмету, что считались лета 7055-го (1546 г.), декабря в 30 день, в Яковлеву Демидова и Ивана Железнова проторь, что учинилась на Колмогорах в (Онохике) деле Зыкова сыиа Кузнецова, что искал пятидесят рублев бою и грабежу; и в том деле пошлины платили и поминки тиуном и доводчиком и понаровка, и от миру сорок рублев дано наместником».[31] Пришлось волощанам в декабре 1549 г. еще и ублажать кормленщиков: «Розрубили волощане по рублю с сошки во княж Юрьеву Ивановича Деева (двинского наместника. — *Н. Н.*) в пять рублев и в две гривны, да доводчика Шибана в двадцать рублев без рубли, в тиунову Баландину в десять рублев».[32]

Такое же положение во взаимоотношениях лодмян с наместниками сохранится и в 1549—1551 гг. Они платят не только за урочные кормы, но и за судебные иски, разбираемые как в Московском, так и наместничьем суде («и в Московские боярские пошлины, и в подписные и в наместничьи пошлины, и въезд в московской, и в понаровку, что дано от правежд на Колмогорех»).[33] Участвуют лодмяне в 1550 г. в расходах вместе с другими волостями Нижней и Верхней половины Двинской земли на некоего Василья Старкова, «что приезжал в Емцу, обыскивать про Важского наместника Михайла Петровича» (опять пример открытого конфликта между местным населением и кормленщиками).

Вообще поволостная раскладка податей, как и иных «посошных» и «головных» «проторей», а также кормов и поборов кормленщиков, производилась двинскими сотскими и старостами сообща, обычно в Холмогорах. Об одной из таких коллективных разверсток до нас дошло довольно любопытное известие. «Сидели на окладе на Колмогорех старосты и Низовци семьдесят сох», — читаем мы в тех же лодомских актах.[34] «А протори, господиие, те, как старосты считали лета 7058-го (1549—1550 гг.), — писал лодомскому волостному старосте низовский сотский Яков Дмитриев, — и оставили от посошного росмету проторей дворние поделки, и что Юрья Гривина с казной царе-

---

28 Там же, № XXX.
29 Там же, № XXXIII.
30 Там же, № XXXIV.
31 Там же.
32 Там же, № XXXV.
33 Там же, № XXXVI.
34 Там же, № XLVIII.

вою к Москве отпущали. Да от посошного розмету подводны денег треть оставили на головы ж, и Васильев Федотова наезд и Биляницын данщиков наезд, и князь Дмитриев Жижемского наезд, и что в уставных деньгах во весь Низ посылал довод чика и земских людей Княжеостровцев да дьяка Истому, и з останешной год мой наем сотцкого. Итого 50 рублев (с Лодом ской волости. — *Н. Н.*), опричь Ненехоцких дворних и подвод ных проторей и Унских. А Унские и Ненехоцкие протори не раз рублены. И нынеча уложили собрати с уставными деньгам вдруг моего соцкованья по пяти денег з головы».[35]

Грамота, как мы видим, наглядно характеризует размеры и порядок раскладки дополнительных сборов «посошных» и «го ловных денег» с волостей и в первую очередь сборов в польз наместников. В данном случае речь шла о возмещении лодом ским волощанами «старых проторей», так как князь Дмитри Михайлович Жижемский упоминается в качестве наместник Нижней половины Двинской земли еще 4 августа 1547 г., а речь идет о погашении его «въезжего» (за «наезд» на кормле ние), ненормированного, и «уставного» корма («денег»), т. е уплачиваемого по Двинской уставной грамоте, за получение которых для себя и своего тиуна Василия Федотова он и посы лал «во весь Низ» своего доводчика, земских людей и земског дьяка Истому Миронова. Был князь Д. М. Жижемский двин ским наместником, видимо, и в 1551 г., поскольку двинско тиун Василий Федотов упоминается в двинских актах еще этом году (7059 г.),[37] а «наезжали» и «съезжали» с кормлени наместники и их тиуны одновременно. Что касается размеро лодомского долга, то 50 р. на 6 волостных сох и 43 «головы (т. е. волостных тяглых людей) — это по тому времени весьм большая сумма, тем более, что уплачивалась она сверх дани других государственных налогов.

Точно такую же картину рисуют нам и курострovские воло стные разрубы 1547—1548 гг. Их данные в значительной степе ни совпадают с показаниями лодомских актов. Здесь расклад ка наместничьих кормов — въезжего, Рождественского, Вели

---

[35] Там же, № XLIX; ср. № LXIII. — «Отпись» — напоминание Яков Дмитриева от 1554 г., что лодмяне так и не погасили «задних моих (тепер уже бывшего сотского. — *Н. Н.*) проторей земских останошних дворних, что данщикова Беляницыиа проторь, а что Емецкому иачетчику подводием от добра дано, чтоб меньши подвод иачли иа Нижную половину, и в про торь иа Васильев Федотова иаезд, и в проторь в дворную на княжь Дмит риев Жижемского наезд, по Крещеньe Христово».

[36] Сб. ГКЭ, т. I, с. 118, 120; ср.: Копаиев А. И. Курострovские столб цы XVI в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера, вып. № 2, IV (упоминается в разрубе от 10 октября 1547 г.). А. А. Зимин ошибочно датирует время пребывания князя Д. М. Жижемского иа Дви «где-то около 1520—1543 гг.» (Зимин А. А. Наместиичье управление Русском государстве второй половины XV — первой половины XVI в. Исторические записки, 1974, т. 94, с. 274).

[37] РИБ, т. XIV. СПб., 1894, стб. 47—48.

виденского, Петровского, уплачиваемых князю Д. Жижемскому, Морозову, князю Петру (?), погашение «наместничьих исков», дворовые и иные «протори», «поминки», «пропой» и другие взятки, уплаченные двинянами кормленщикам.[38] Названы в разрубе 1547 г. (от июня—июля) даже расходы на двинскую делегацию в Москву — мириться с наместником: «Кому дань вести и кому ехати к Москве мир явити с наместники, того по полуполта алтына с сохи».[39]

В 1551 г. сотским Нижней половины Двинской земли становится известный двинский богатей, «своеземец» Федор Обросимов сын Шуйгин, избранный на двинское «соцкование» вместо Якова Дмитриева, отбывшего свой срок. 19 ноября 1551 г. он уже поименован как сотский среди послухов на «мировой записи» Василия, Ивана и Григория Игнатьевых, детей Матвеевых, с одним из наиболее влиятельных двинских «лучших людей» «своеземцем» Алексеем Амосовым[40] о полудеревне Деховской в Студеницкой трети.[41] Именно при Федоре Шуйгине, а главное при его активном участии в качестве представителя интересов «лучших» двинских людей, и проводиться на Двине земская реформа. Как мы видим из указанной «мировой записи» 19 ноября 1551 г., в это время еще нет никаких перемен в наместничьем управлении на Двине. Мировая заключена «с доклада» великокняжеским писцам И. П. Заболоцкому «с товарищи», но в ней записано, что в случае ее нарушения кем-либо из Игнатьевых, «а почнет кто вперед вздуматься», то с того «взять заряды наместнику двинскому Нижней половины».[42]

Но весной 1552 г. положение на Двине, как и в соседних Мило-Пинежских волостях и Важской земле, изменилось. Об этом свидетельствует отпись сотского, того же Федора Шуйгина, от 4 апреля 1552 г. о получении с Лодьмы «поголовных» денег, в которой указывается, что он «взял есми у лодомских волощан по пяти денег с головы в дворную поделку, лета 7059-го (1550—1551 гг.), как Жиженской был, да Кочюрев Ширяев приезд, да Максима Казанчева от двора наем, Семена Букреева да Григория Михайлова Змеева недельща, что *з грамотами привезл* (привезлл) *о судьях,* помиюк его, и корм, и подводы, да Олешин

---

[38] Копаиев А. И. Куростровские столбцы XVI в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера, вып. 1, № 2, I—VII.

[39] Там же, № 2, II.

[40] Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений..., с. 261—263, 265, 266, 271—274, 293, 344, 360, 361.

[41] Государственный архив Архангельской области, ф. 57 (ф. Михайловского Архангельского монастыря), оп. 2, т. 1, № 21.

[42] Там же. — Двинские писцы как раз в это время «писали и мерили» двинские низовские земли. Так, в «памяти» лодомскому старосте Петру от 21 ноября 1551 г. отмечено, что он «дал сотскому Федору (Шуйгину. — *Н. Н.*) с осми сошек в писцов корм по алтыну с сохи, как с Пенеги приехал до Козмодамьянова дни, а после Козмодамьянова дни до Введеньева дни с осьми сошек по три деньги с сохи» (Акты Лодомской церкви, № LIV).

приезд, что грамоты привезль о служебных деньгах».[43] Можно с достаточной уверенностью утверждать, что «грамота о судьях», которую привез на Двину недельщик Григорий Змеев, была именно земской грамотой об учреждении здесь института земских судей. Во всяком случае, у нас есть прямые данные, что уже осенью 1552 г. в Нижней половине Двинской земли не было наместников, а вместо них действовали не кто иной, как земские выборные «судьи», «излюбленные головы». Имеем в виду «отступную грамоту» от 23 декабря 1552 г. двинян Трофима и Ивана Андреевых Ивану Клементьеву на тоню в Большой Нянчюре за Большой Двиной (район Уны), в которой отмечается, что названная судебная сделка состоялась не в наместничьем или тиунском суде, а «тягались... доложа *излюбленных голов, судей* Александра Амосова с товарищи».[44] Показателен в данном случае и сам факт, что коллегию вновь учрежденных на Двине земских судей возглавляет именно Александр Амосов — один из наиболее богатых двинских «своеземцев» и промышленников.

Что касается упомянутой в отписи Федора Шуйгина от 4 апреля 1552 г. вместе с «грамотой о судьях» и «грамоты о служебных денгах», привезенной на Двину неким Олешей, то, всего вероятнее, что под «служебными деньгами» имелись в виду деньги за двинских даточных людей — за «службу»,[45] сбор которых производился в соседней с Двиной Важской земле, согласно царскому указу от января 1552 г., как раз в феврале—марте этого года, т. е. почти в одно время с проведением здесь земской реформы, о чем свидетельствует дошедшая до нас «отпись» 4 апреля 1552 г. об сдаче важскими выборными «головами» и «лучшими людьми» денег «за посошных людей» в Москве (31 марта) в казну, дьяку Истоме Новгородову. Сбор «посошных («служебных») денег» производился на Ваге, как и на Двине, «по новому письму» И. П. Заболоцкого «с товарищи», писавшими в начале 50-х годов не только двинские, но и Важские и Пинежские земли.[46]

Все это более наглядно характеризует ту обстановку в Подвинье, в которой проводилась здесь земская реформа, являвшаяся составным звеном в привлечении правительством «лучших» посадских людей и крестьян к ведению судебно-административных и финансово-податных дел на посадах и волостях. Еще раз свидетельствует это и о том, что на Двине земские судьи («излюбленные головы») были учреждены одновременно

[43] РИБ, т. XXV. СПб., 1894; Акты Лодомской церкви, № LV.

[44] Государственный архив Архангельской области, ф. 57, оп. 2, т. 1, № 18/32.

[45] Акты Лодомской церкви, № LXXI, LXXIV. — «Служебные деньги» в актовых источниках середины XVI в. упоминаются обычно рядом с «пищальными деньгами», уплачиваемыми местным населением вместо обязанности поставлять пищальников.

[46] АЛЭ, т. 1. СПб., 1836, № 233.

с их введением на Важских и Пинежских землях в феврале—марте 1552 г., когда здесь проходила общая перепись земель, результаты которой и были использованы правительством для определения размеров вводимого «посошного оброка» («кормленого окупа»), уплачиваемого населением взамен наместничьих и волостелиных кормов и поборов.

К сожалению, у нас не сохранилось сведений о деятельности двинских земских судей сразу же после их учреждения. Но управляли они Двинской землей, во всяком случае нижнедвинскими волостями, вплоть до 1554 г., поскольку, например, в тех же лодомских волостных разрубах и иных актах за 1552—1553 гг. (в отличие от разрубов и денежных отписок от 1545—1551 гг.) ни разу не упоминается о сборе двинскими сотскими и волостными старостами «головных» денег в пользу двинских наместников. Подтверждается это и сохранившимися частными актами по другим низовским волостям. Показательна в этом отношении «раздельная» грамота группы унян на пожни Кунжуйской четверти в Уне (здесь обычно сидел двинский тиун) от 25 июня 1553 г. (в разделе участвовал и Алексей Амосов, старший брат «излюбленного головы, судьи» Александра Амосова),[47] в которой значится: «А хто сей дел порушит, вступится не в свою половину, или хто почнет через межы косить, ино на то судьям (а не наместнику или тиуну, как это отмечалось в прежних грамотах. — *Н. Н.*) 2 рубля денег московским числом, а другие 2 рубля истцем по сей по дельной грамоте».[48]

Упоминаются новые земские власти и осенью 1553 г. в связи с прибытием в устье Двины английского судна Ричарда Ченслера. Имеем в виду сообщение Двинской летописи, что «великого князя прикащики, холмогорские выборных головы, Филипп Родионов, Феофан Макаров и земские судьи, о приходе того англинского посла и гостей с Холмогор писали к царю и к великому князю к Москве и велели корабль на зимовье ввести в Уискую губу, лета 7062 (1553 г. — *Н. Н.*) году октября месяца».[49]

Но уже в конце 1554 г. на Двине снова появляется наместник — князь Семен Иванович Микулинской-Пунков. Точная дата его назначения двинским наместником нам неизвестна. Что касается Двинской летописи, то в ней какая-то путаница. В тексте, непосредственно предшествующем вышеприведенной летописной записи о прибытии на Двину в августе 1553 г. английского судна, отмечается, что в «лето 7061 году (1552—1553 гг.— *Н. Н.*) был на Двине наместник Семен Иванович Микулинской, а Пунков той же; и сей наместник оброк сбирал на себя, а дань государю; и как он съехал к Москве, и после его в 62 году (1553—1554 гг. — *Н. Н.*) были выборные холмогорские головы

[47] Сб. ГКЭ, т. 1, № 60.
[48] Акты Лодомской церкви, №. XXXIV.
[49] ДРВ, 1791, ч. XVIII, с. 13.

Филипп Родионов и Фофан Макаров, и с ними выборные судьи, и судили на Холмогорах в Верхней и Нижней половине».[50] Летописец явно ошибся и в обозначении даты приезда на Двину князя С. И. Микулинского «в лето 7061 году», и времени замены двинских наместников земскими властями «в 62 году». Во-первых, князь С. И. Микулинский не мог стать двинским наместником ранее июля 1554 г., так как до этого находился воеводой в Казанской земле,[51] а, во-вторых, съехал он с Двины, как мы увидим ниже, не ранее середины августа 1556 г., иначе говоря, наместничал на Двине до выдачи двинянам в сентябре 1556 г. новой земской грамоты. Кстати, вопреки приведенному известию, это видно из самой же Двинской летописи, которая, сообщая о находке карелами зимой 1555 г. («в лето 7063 году, по зиме») у Мурманского побережья двух замерзших английских судов, спутников Ченслера, указывает, что именно князь С. И. Микулинский как двинской наместник «посылал в лодьях на Мурманское море (значит, уже летом 1555 г., после вскрытия льда. — *Н. Н.*) к кораблям лучших людей с Холмогор, выборного голову Фофана Макарова, да Михаила Косицына, да Анфилофья Посельского, да Емельяна Епихова».[52]

Достаточно определенные данные о восстановлении на Двине в конце 1554 г. наместничьего управления и «наезде» на двинское наместничество князя С. И. Микулинского можно извлечь из дошедших до нас двинских волостных разрубов. И на этот раз имеем в виду лодомские акты.

«Приходом наместничьим» называет двинской сотский Федор Шуйгин приезд на Двину в 1554 г. князя С. И. Микулинского.[53] И действительно, как свидетельствуют лодомские акты, тот же Федор Шуйгин именно в 1554 г. (7062 г.) собирает деньги «на дворную поделку наместнича двора Нижней половины»,[54] в 7063 г. (1554—1555 гг.) — поголовные деньги — «по деньге с головы, в челобитье князю Семену Ивановичу (Микулинскому. — *Н. Н.*), и тиуном, и доводчиком, чтоб мимо грамоту долгов не правил» (явная взятка!),[55] — а 27 февраля 1556 г. — деньги «в старостин наем... да убыточных восмь денег, что яз Федор сидел старостою в суде с тиуном с Русином, да и хоженое доводчиково».[56] А в одной из грамот, данных Николаевскому Корельскому монастырю от 26 июля 1556 г. на деревню в Скрилеве, как подобный же «староста судный» обозначен Па-

---

[50] Там же, с. 11.

[51] ПСРЛ, т. XX, вторая половина. СПб., 1914, с. 477, 480, 487, 491, 492, 494, 512, 523, 544, 546, 608, 611; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, по указателю.

[52] ДРВ, 1791, ч. XVIII, с. 14—15.

[53] Акты Лодомской церкви, № LXXIII.

[54] Там же, № LXIV.

[55] Там же, № LXVII.

[56] Там же, № LXIX.

вел Иванов сыи Вепрев.[57] Как и Федор Шуйгин, он принадлежал к двинским «лучшим людям».[58] Сохранились и две «купчие» от 15 и 18 августа 1556 г. самого двинского наместника князя С. И. Микулинского на земли в Великой Курье, приобретенные им для Троице-Сергиева монастыря.[59]

Таким образом, мы видим, что в Двинской земле с конца 1554 г. по сентябрь 1556 г. была временно полностью восстановлена система кормлений — наместники, тиуны, доводчики, хотя в наместничьем и тиунском суде и продолжали сидеть «судные старосты» в качестве земских присяжных заседателей, избираемых из «лучших» двинских людей. Правил же в качестве наместника князь С. И. Микулинский Двинской землей, видимо, весьма корыстно, коли двиняне были вынуждены задабривать его — собирать для него «в челобитье» по деньге с головы, «чтобы мимо грамоту долгов не правил», не нарушал уставную грамоту.

Окончательно было отменено наместничье управление в Двинской земле лишь в сентябре 1556 г., когда по челобитьям двинян «царь и великий князь Иван Васильевич... (как указывается в выданной им новой уставной земской грамоте)... пожаловал есми двинян Нижные половины, посадских людей колмогорцов, Ивановского и Никольского приходу, сотского и старосту Федка Обросимова сына Шуйгина и во всех християн место посадских и окологородных всее Двинской земли: наместником есми своим двинским и их тиуном судити и кормов и всяких своих доходов имати, и доводчиком и праведчиком их въезжати к ним не велел; а за наместничьи и за их пошлинных людей и за всякие доходы велел есми их пооброчити, давати им в нашу казну на Москве, дияку нашему Путилу Нечаеву, с сохи по двадцати рублев в московское число, да пошлин по два алтына с рубля, опричь ямских денег, и посошные службы, и обежные дани, и городового дела, и иных наших пошлин».[60] Оброк предписывалось платить один раз в год на Сретенье (2 февраля). Первый же раз заплатить оброк на Сретенье 1557 г. в половинном размере, за полгода. Не было ли Сретенье (2 февраля) и в прошлом тем днем, с которого в 1552 г. на

[57] Сб. ГКЭ, т. I, № 147.

[58] О иенокшанине Павле Иванове сыне Родионова Вепрева, крупном двинском землевладельце и солепромышленнике XVI в., происходившем, так же как Амосовы и Шуйгины, тоже из двинских «своеземцев» см.: Сб. ГКЭ, т. I, № 71, 101, 134, 191, 288, 376, 377. П. И. Вепрев — племянник указанного выше первого «холмогорского головы» (земского судьи) Филиппа Родионова (там же, № 288), возглавлявшего вместе с Фофаном Макаровым земские власти Нижней половины Двинской земли после съезда князя И. С. Микулинского (о Филиппе Родионове см.: Сб. ГКЭ, т. I, с. 119—120, 138—140, 147, 154, 160, 278, 370; Архив ЛОИИ, Акты до 1600 г., № 180, 200. 215, 218, 222, 247, 270, 514).

[59] Сб. ГКЭ, т. I, № 148, 150.

[60] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства, с. 134—137.

Двине в первый раз введено земское самоуправление — получены «грамоты о судьях». Сопоставление даты уплаты «посошного оброка» по Двинской грамоте 1556 г. с Мало-Пинежской (от 25 февраля) и Важской (от 21 марта) земскими грамотами 1552 г., по которым оброк должен был вноситься в казну на Масленое заговение, обычно приходившееся на конец февраля — начало марта, делает это предположение вполне вероятным.

Что касается состава новых земских властей, которые должны были вместо наместников двинян «судити и управы меж их чинити, и те пошлины сбирати и в Казну привозити», то ими по земской грамоте 1556 г. утверждались выбранные с Холмогорского прихода «излюбленные головы» Степанка Окулов и Инюта Поплевин «с товарищи», «выборными судьями», власть которых распространялась на Холмогорский посад и соседние низовские волостные земли, иначе говоря, Нижнюю половину Двинской земли. Следовательно, Верхней половиной Двинской земли должна управлять иная коллегия выборных земских судей.

И последнее. Мы уже отмечали в нашей монографии,[61] что сам характер Двинской земской грамоты 1556 г., в отличие от Мало-Пинежской и Важской грамот 1552 г., а равно и дошедших до нас земских грамот 1555—1556 гг., например посадским людям и дворцовым волостям Переяславского уезда или Устьянским волостям, явно свидетельствует, что это была не обычная учредительная земская грамота — в ней не говорится ни о причинах ее выдачи (челобитьях царю посадских людей и крестьян о разорениях и обидах со стороны наместников и волостных), ни об основных обязанностях новых земских судей, как и почему им судить (это было, видимо, уже изложено еще в первой земской «грамоте о судьях» 1552 г.), а излагаются только обязанности новых земских властей по борьбе с «лихими людьми» — «разбойниками и татями».[62] В отношении же гражданского и уголовного суда (не по разбойным делам) ни слова, просто еще раз разъясняется, что «выборные судьи» между двинскими посадскими людьми и волостными крестьянами должны «во всяких делех судити и управы меж их чинити по нашему крестному целованию и по указу, по новому Судебнику», который «дан выборным судьям... за дьячьею приписью». Указом в данном случае, видимо, названа царская «уставная грамота», подписанная под Судебник на Стоглавом соборе 1551 г., поскольку подобное же разъяснение о земском судопроизводстве в земской грамоте Устьянским волостям от 15 октября 1555 г. читается так: «Мы (царь и великий князь. — *Н. Н.*) тех

[61] Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений..., с. 348—350.

[62] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства, с. 134—137.

их излюбленных судей велели и к целованию привести, что им Усьи и Заечьи реки *волостных людей судити и управа чинити по Судебнику и по уставной грамоте, как есмя уложили о суде по всей земле*».[63] Во всяком случае, в самой же Двинской земской грамоте 1556 г. в дальнейшем вместо ссылок на царский «указ» говорится о суде по царской «уставной грамоте»: «...а судити выборным судьям христьян по их животам и по нашей уставной грамоте».[64] Мы обратили внимание на указание Двинской земской грамоте 1556 г. о земском суде по «новому Судебнику» и «уставной грамоте», потому что в Мало-Пинежской и Важской грамотах 1552 г., дающих значительно более полную характеристику вновь учреждаемого земского суда, имеются ссылки лишь на новый царский Судебник. Но объясняется ли это тем, что земские грамоты 1552 г. непосредственно в тексте излагали содержание принятой Стоглавым собором 1551 г. царской «уставной грамоты» в ее применении к земскому самоуправлению, иначе говоря, представляли собой новое царское «уложение» о посадском и волостном суде. Если это так, то вполне реально предположить, что и не дошедшая до нас Двинская «грамота о судьях» 1552 г. тоже была такого же типа и именно поэтому в Двинской земской грамоте 1556 г. нет изложения всех прав и обязанностей земских «выборных судей», кроме нового (уже после 1552 г.) правительственного распоряжения о наделении их более широкими правами по борьбе с «лихими людьми» (вопрос, имевший именно в это время, судя по известным царским указам 1555—1556 гг. о разбойных делах, особое политическое значение), а дается лишь ссылка на уже известную двинянам царскую «уставную грамоту», являющуюся вместе с Судебником 1550 г. основой местного земского судопроизводства. Ведь не случайно в одном из северных законодательных сборников середины XVII в., представляющем, видимо, список с подобного же Сборника конца XVI в., составленного для нужд местного земского судопроизводства, мы находим Судебник 1550 г., краткую редакцию Судебника 1589 г. (основу которого составляют нормы северного обычного права) и разбитую на 32 статьи, как бы под Судебник 1550 г., Мало-Пинежскую земскую грамоту 1552 г.

И даже более, северный юрист предпослал Мало-Пинежской земской грамоте 1552 г. особое постатейное оглавление по типу Судебника, отметив при этом, что разбивка ее на статьи («главы») произведена «ради скорого дела досмотру, про кое дело наскоре понадобиться выборным людем и в мир досмотреть».[65] Следовательно, это не случайное объединение различных зако-

---

[63] Там же, с. 121.

[64] Там же, с. 136.

[65] ГИМ, № 1915. — Сборник использован и описан Р. Б. Мюллером при подготовке издания Судебника 1550 г. (список № 20). — Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, с. 123—124.

нодательных памятников, а попытка их первичной кодификации для нужд земского судопроизводства. Это могло иметь место лишь в том случае, если правовые нормы Мало-Пинежской грамоты 1552 г. носили общеобязательный характер для всей Двинской земли и соседних ей районов Поморья (Ваги, Устьянских волостей и др.), где земское самоуправление, а следовательно, и земский суд, достигли во второй половине XVI в. наиболее широкого развития. В этом отношении мы разделяем мнение А. И. Копанева, что Судебник 1589 г. был создан, всего вероятнее, на территории Двинской земли путем объединения текста Судебника 1550 г. с постановлениями земских уставных грамот и местным обычным правом.[66] Мы расходимся с А. И. Копаневым лишь в определении и датировке этих земских грамот. А. И. Копанев предполагает, что существовала не дошедшая до нас двинская «уставная грамота» царя Федора 1584—1589 гг. и именно она была одним из источников Судебника 1589 г., мы же сомневаемся в наличии подобного нового земского «уложения» и думаем, что если двинская «уставная грамота» царя Федора и существовала в действительности, то лишь воспроизводила земскую уставную грамоту Двинской земли 1552 г., просто переутверждала ее без каких-либо существенных изменений на имя нового царя. Если бы это было не так, то вряд ли северный кодификатор конца XVI в. воспроизвел в своем сборнике, подготовленном им для нужд действующего при нем земского судопроизводства, не ее, а земскую уставную грамоту 1552 г. Не отрицает же А. И. Копанев, что указанный сборник служил практическим руководством для земских судей конца XVI — первой половины XVII в. (до Уложения 1649 г.).

Таковы те новые данные, которые дают нам двинские акты о времени проведения земской реформы в Двинской земле. Они свидетельствуют о весьма сложной обстановке, в которой проводилась реформа на местах, а главное еще раз показывают, что основной силой, на которую опиралось правительство «избранной рады» при введении новых земских учреждений в черносошных районах страны, были наиболее зажиточные посадские и волостные люди, представлявшие в своем лице интересы преимущественно местных богатеев-купцов, промышленников и наиболее зажиточных крестьян. Именно к ним принадлежали двиняне Амосовы, Шуйгины, Роднины-Вепревы, Макаровы, представители которых и стали первыми «излюбленными головами» и «земскими судьями» на Двине.

---

[66] Копанев А. И. Комментарий к Судебнику 1589 г. — В кн.: Судебники XV—XVI веков, с. 418—424.

А. А. Зимин

ВКЛАДНЫЕ И ЗАПИСНЫЕ КНИГИ ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ XVI в.

Вкладные книги русских монастырей XVI—XVII вв. в литературе известны сравнительно давно. Часть их издана.[1] Такая уникальная книга, как вкладная Троице-Сергиева монастыря 1673 г., введенная в научный оборот С. Б. Веселовским,[2] широко используется в новейших исторических исследованиях. Недавно вкладная книга Симонова монастыря была объектом специального рассмотрения, предпринятого Л. И. Ивиной.[3]

Подобного рода источники дают сведения по истории многочисленных представителей класса феодалов, купечества, монашества, а также совершенно необходимы для изучения сложной проблемы социальной структуры монастырей-вотчинников.

Волоколамские вкладные книги как самостоятельный вид источника появились в 50-х годах XVI в. Наиболее ранние из них были изданы А. А. Титовым без каких-либо комментариев и часто с грубыми фактическими ошибками.[4] Основной текст

[1] Перечень изданий см. в кн.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 65—66. — Известна также неопубликованная вкладная книга Костромского Ипатьева монастыря (Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 186).

[2] Веселовский С. Б. 1) Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 330, 340 и др.; 2) Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 158, 160 и др.; 3) Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 269, 279 и др.; Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. — В кн.: Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960, с. 29, 44 и др.; Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины. Л., 1966, с. 273; 2) Опричный террор. Л., 1969, с. 87 и др.

[3] Ивина Л. И. Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, сб. II. Л., 1969, с. 229—240.

[4] Титов А. А. Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI века. М., 1906. — Титовым изданы рукописи ГИМ, Епарх. собр., № 418/686 и № 419/687. Среди неточностей, допущенных А. А. Титовым, укажем на неверно прочтенные даты: у Титова стоит 7073 г., тогда как в

сборника ГИМ, Епарх. собр. № 419/687 на 152 л. написан в 7062 г. (1553—1554 гг.).[5] В дальнейшем он пополнялся, причем приписки, судя по почерку, были сделаны разными лицами. В 7072 г. (1563—1564 гг.) записные книги редактирует Вассиан, бывший архимандрит Тверского Вотмицкого монастыря.[6] Он составляет оглавление книги,[7] заново суммирует все вклады в монастырь. Позднейшие приписки в записных книгах доходят до 7081 г., но сделаны они были уже другими лицами.[8]

Редактор записных книг Вассиан, бывший архимандрит Вотмицкий, был известным писателем и составителем ряда сборников церковно-нравоучительной литературы.[9] Он написал житие своего учителя, старца Фотия, скончавшегося в 1554 г.,[10] слово о преставлении епископа Тверского Акакия, у которого он был духовником (скончался Акакий в январе 1567 г.).[11] Умер Вассиан около мая 1568 г.[12]

Во вкладных книгах Вассиана Вотмицкого чувствуется влияние Синодика Иосифа Санина.[13] В основном авторы книг при-

---

тексте «7070-го» (ср. № 254, 245, 261). Ряд названий деревень и имен вкладчиков у Титова искажен. Издатель не отмечает также многочисленные вставки в текст. В более раннее время специальных вкладных книг в Волоколамском монастыре не велось, а записи о наиболее крупных вкладах вносились в Синодик Иосифа Волоцкого (см.: Казакова Н. А. К изучению вкладных книг. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972, с. 260—266).

[5] Текст на л. 20—78. Все вклады, датируемые 7063 г. и частично 7062 г., являются вставками в первоначальный текст книги (ср. л. 21—21 об., 80—80 об., 81). Вместе с тем часть записей о вкладах 7062 г. написана одновременно с основным текстом книги (л. 73). Запись о вкладах 7063 г., помещенная на л. 78, написана тем же почерком, что и основной текст книги, но небрежнее. Начиная с л. 78 об. идет текст, написанный иным почерком.

[6] Почерк Вассиана см.: ГИМ, Синод. собр., № 927. Во вкладных книгах им написаны приписки 7072 г. (л. 128—129).

[7] Им написаны л. 1—6 оглавления (до упоминания о вкладе № 277 и, быть может, № 278). В тексте вклад за № 277 записан Вассианом (л. 129 об.).

[8] ГИМ, Епарх. собр., № 419, л. 149.

[9] Там же, Синод. собр., № 927; ГБЛ, Волок. собр., № 517, 530; ГБЛ, Румянц. собр., № 1257; и др.

[10] В. О. Ключевский ошибочно считал, что Вассиан был также автором Жития Кассиана Босого, которое написано старцем Фотием. Он ссылался на то, что в одном из «чудес» этого Жития указано, что автор его был «келарем», тогда как о Фотии известно, что он не был «подстарейшиной» (Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1971, с. 295—296). Если даже согласиться с аргументацией Ключевского, то все же она исходит не из основного текста памятника, а из «чудес», приписанных к «Житию Кассиана» позднее.

[11] ГПБ, РО, Погодинск. собр., № 1554, л. 52—56 об.

[12] Георгиевский В. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, прил., с. 22.

[13] В тексте сохраняются приписки, частично взятые из Синодика Иосифа, указывающие, куда расходились деньги, полученные монастырем от вкладчиков (до № 167). 30 из 37 записей в вкладах Синодика вошли в

держиваются хронологического порядка изложения (исключением являются только несколько вкладов великих и удельных князей, помещенные в начале книги).[14] В первой части книги плата за различные виды поминания сохранялась в размере, установленном еще при жизни Иосифа Санина: за 30 р. и больше покойного навечно записывали в синодик и в списки повседневного поминания.[15] За 50—100 р. кормился один корм,[16] за 150—160 р. кормились два корма.[17] Впоследствии, к концу XVI в., такса, установленная для кормов, изменилась. Кормы стали кормиться только в день памяти тех вкладчиков, которые внесли 100 р.[18] и лишь изредка, когда было внесено меньше.[19] Исключения делались для лиц, в память которых деньги вносились самим царем.[20]

Для вкладов менее значительных (до 30 р.) существовала в 60-х годах XVI в. специальная книга.[21] В нее уставщик записывал имя вкладчика и «на колко лет игоумен велит, посмотря на даче». Обычно исходили из расчета: год поминания стоил 1 р.[22] После истечения урочных лет запись вычеркивалась, но книга сохранялась «для споров».[23] Поэтому, в конце концов, оказывалось, что почти все записи в книге были зачеркнуты. Последняя запись в книге датируется 7115 г. (1607 г.).[24]

В июле 1551 г. в Волоколамский монастырь постригся Елизар Иванович Турков (в иночестве Евфимий). В течение 12 лет Евфимий Турков был учеником бывшего архиепископа новгородского Феодосия. В 60-х годах он назначается на должность уставщика и постепенно приобретает все большую популяр-

---

вкладные книги. Сходны и введения памятников (см.: Казакова Н. А. К изучению вкладных книг. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси, с. 263—264).

[14] Титов А. А. Вкладные и записные книги..., № 1—11.

[15] Там же, № 41, 117, 134, 135, 152а, 168, зачеркнутый номер, идущий после № 170, а также № 177а, 202, 204, 208а, 214, 217, 245, 252, 256, 259, 264, 271, 303.

[16] Там же, № 25, 32, 46, 51, 52; корм кормился за 60 р. (№ 28, 116); за 65 р. (№ 36).

[17] Там же, № 33, 44.

[18] Ср. там же, № 318, где указывалось, что корм будет кормиться лишь в том случае, когда вкладчик дополнит внесенную в монастырь сумму до 100 р.; ср. также № 262, где указывалось, что необходимо дополнить вклад до 90 р.

[19] О кормах, кормившихся за 70 р., см. там же № 92, 197, 228; за 75 р. под № 184, за 90 р. № 243.

[20] Иван Грозный пожаловал 50 р. по царевиче Василии (№ 150) и 30 р. — по Иване Черкашенине (№ 261). В обоих случаях должны были кормиться кормы. Царь внес также 25 р. по Александре Черкашенине. Несмотря на то, что этот вклад был менее обычного минимума (30 р.), Черкашенин был записан в вечные списки (№ 266).

[21] ГИМ, Епарх. собр., № 418/686 на 73 л., в четвертку.

[22] Титов А. А. Вкладные и записные книги..., с. 94.

[23] Записи о вкладчике должны были «похерити для памяти, а не заглавити для спору».

[24] ГИМ, Епарх. собр., № 418, л. 72 об.

ность в монастыре. В 1571—1572 гг. становится казначеем.[25] В 70-х годах XVI в. ему дважды предлагали быть игуменом. Только после настойчивых просьб со стороны Ивана Грозного это предложение было им принято.[26] Он пробыл игуменом с 26 июля 1575 г. до своей смерти в 1587 г. Евфимий Турков — один из наиболее плодовитых писателей Волоколамского монастыря. Он написал кроме новой редакции Жития Иосифа, Житие Феодосия, архиепископа новгородского, по словам В. О. Ключевского, «исполненный душевной скорби рассказ о последних днях учителя».[27] Евфимий Турков был переписчиком ряда сборников церковно-нравоучительной литературы, в которых он сохранил для нас ценные материалы по истории Великого Новгорода (в частности, грамоты митрополита Макария, архиепископа Феодосия и др.).[28]

Но наибольшее число произведений Евфимия Туркова посвящено распорядку монастырской жизни, который он досконально знал, проведя много лет уставщиком, а позднее игуменом Волоколамского монастыря. Одной из функций уставщика было составление и пополнение синодиков и наблюдение за церковными службами. Поэтому уже в начале 60-х годов XVI в. Евфимий Турков составляет специальный «Список старой кормовой»,[29] в который были внесены имена вкладчиков с указанием даты, когда в монастыре «по их душам» корм. Позднее, вследствие того, что список фактически был приведен в негодность из-за многочисленных дополнений и поправок, Евфимий Турков составляет другой. При этом полагалось «Список старой кормовой на понахидах чести в обычныа меншиа кормы, а в болшиа кормы государьские на понахыдах чести по новому списку по книгам игуменского письма Еуфимьева».[30] И этот «новый список» Евфимия Туркова сохранился.[31] В 1573 г. он составил опись библиотеки Волоколамского монастыря.

Без сомнения, наиболее значительным произведением Евфимия Туркова является монастырский Обиходник. Он сохра-

---

[25] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II. М., 1956, № 356.

[26] ГБЛ, Волок. собр., № 412, л. 79 об. — 81.

[27] Ключевский В. О. Древнерусские жития святых..., с. 297. — Житие опубликовано: Кунцевич Г. Феодосий, архиепископ новгородский. — В кн.: Jahresbericht der Reformerten Kirchenschule für 1889. St.-Petersburg, 1900, S. 1—14.

[28] См., напр., его сборники: ГБЛ, Волок. собр., № 412, 512, 514, 571; ГПБ, QXVII, № 50. См. его духовную: ГБЛ, Волок. собр., № 42, л. 77—81.

[29] ГИМ, Епарх. собр., № 1/6, л. 1—54. — Список написан на пергаменте. В книге упомянут заздравный корм о митрополите Макарии, который умер в 1563 г. (л. 14 об.). Следовательно, список составлен в самом начале 50-х годов. Далее в нем упомянут корм по князе Дмитрии Немом Оболенском, умершем около 1565—1566 г. (л. 11).

[30] ГИМ, Епарх. собр., № 1/6, надпись на переплете.

[31] Там же, № 415/675 на 154 л., в четвертку. См. также сборник его писька (там же, № 256/345).

шился в трех экземплярах, написанных рукою автора.[32] Составлен он был, очевидно, в 1579 г. сразу же после установления местного празднования памяти Иосифа Санина, когда исполнилось 100 лет со дня основания монастыря.[33]

По мысли автора, Обиходник должен был явиться изложением и конкретным применением норм церковно-монастырской жизни, которые были завещаны основателем монастыря и содержались в его Уставе. «Монастырский устав Иосифа, — по словам В. В. Жмакина, — развивает теоретическую сторону, а Обиходник Евфимия — практическую. Он захватывает и обнимает всю жизненную и бытовую сторону Волоколамского монастыря».[34] Поскольку Евфимий Турков долгое время был уставщиком, значительную часть Обиходника он посвятил распорядку церковных обрядов. После оглавления автор сообщает, «како звонят на всяк день» (гл. 1). Следующие три главы (2—4) строго регламентируют порядок зажигания свечей и пения молебнов («О молебнях и свещах»). Интересные детали приведены о порядке встречи государя в монастыре («О приезде государьском»). Приезды царя были столь частым явлением, что уже выработался строгий распорядок его приема.

В основу четырех первых глав Обиходника были положены уставы о распорядке церковных служб Иосифова монастыря. Один из таких уставов, составленный в конце 30-х годов XVI в., до нас дошел.[35]

Пятая глава Обиходника посвящена установлению порядка занесения имен монастырских вкладчиков в синодики и повседневные списки. Здесь уже есть некоторые изменения по сравнению с порядком, существовавшим при жизни Иосифа Санина. Во вседневные списки имя покойного, как и прежде,

---

[32] Там же, Синод. собр., № 829 на 141 л., в четвертку; ГБЛ, Волок. собр., № 681, на 105 л., в четвертку (дефектный экземпляр); ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, д. 556, на 192 л., в четвертку (нет л. 1—7, 179—183).

[33] 20 декабря 1578 г. установлено местное празднование памяти Иосифа (ГИМ, Синод. собр., № 829, л. 17 об. — 18). Е. Е. Голубинский, считал, что Обиходник составлен «до поставления в игумены Евфимия», поскольку в одном месте этого памятника автор говорил, что «писал свой труд по благословению настоятеля» (Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. 2, ч. 2. — ЧОИДР, 1900, кн. 1, с. 582). Однако эта фраза является обычным шаблоном. Дата составления памятника определяется на основании упоминания о кормах по Анастасии, жене Никиты Романовича Юрьева, архиепископа Иеремии, вклады «по душе» которых сделаны в 7087 г. Отсутствуют также упоминания о лицах, сделавших вклады позднее этого года. Следовательно, Обиходник составлен был в конце 7087 — начале 7088 г., т. е. в 1579 г. О Евфимии Туркове см. также: Зимин А. А. Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой. — В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 136—139.

[34] Жмакин В. Поездка в Волоколамский монастырь. — «Древняя и новая Россия», 1880, январь.

[35] ГБЛ, Егоровск, собр., № 209, л. 165—197 об. — Дата составления Устава определяется по случайным хронологическим указаниям, помещенным в его тексте. Позднейшие из них датируются 7045 г. (л. 197 об.).

заносилось «по даче на рубле по году».[36] Так было, если вкладчик давал до 20—30 р. включительно.[37] Если в монастырь поступало 50 р., то имя покойного заносилось в повседневные списки «до века». Раньше в вечные списки записывали имя вкладчика за 30 р. Корм в память об умершем кормился только за 100 р. Если вносилось 200 р., то в монастыре кормилось два корма, а за 300 р. — три корма.[38] В случае, когда в монастырь жаловали «села и деревни с великими угодьи, а иные кони и многоценные сосуды», то исходили из ценности вклада («против того ценою»).[39] Например, Иван Коровин-Кутузов сделал в монастырь вклад величиною в 100 р. Он составился из деревни Насоновой, которая была оценена в 80 р., из землицы Заречье (10 р.) и 100 четвертей ржи (тоже в 10 р.).[40]

В монастыре различались три вида кормов. «Большие» кормились в день памяти членов царской фамилии и наиболее богатых вкладчиков. Такой корм обходился монастырю в 12 р. На «средний корм» выходило 6—7 р., а на меньший — 5 р. При этом к еде полагался квас, который стоил 2 р. («медвяной») или 1 р. 20 алтын («сыченый»).[41] Такая такса поминания, очевидно, была принята во многих русских монастырях. В Кирилло-Белозерском монастыре за вклад величиною до 50 р. также вносились имена покойных во вседневные списки на урочные лета, за 50 р. вкладчиков помещали в вечные списки, а за 100 р. кормился один корм, при этом исходили из стоимости корма в 9 р.[42]

Шестая глава Обиходника содержала расширенный кормовой список, в котором указан распорядок кормов в дни поминания покойных и даны сведения о пище монахов не только во время различных праздников, но и в обычные дни.[43] В основу его лег, очевидно, «Список большой», написанный Турковым. В обоих документах имена вкладчиков последовательно расположены по дням поминания с сентября месяца. В

[36] «А на урочные лета в повседневные спискн дают от имени по рублю на год» (ГИМ, Синод. собр., № 829, л. 42 об.).

[37] Там же, л. 39 об.

[38] Там же, л. 41.

[39] Там же, л. 40 об.

[40] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II, № 270. Ср.: Тнтов А. А. Вкладные и записные книги..., № 290.

[41] ГИМ, Синод. собр., № 829, л. 44 об. — 45.

[42] Никольскнй Н. Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, ч. 2. СПб, 1910, с. 152—154. — В Троицком монастыре, около 1549—1551 гг. было установлено, что кормы устанавливаются в память лиц, внесшнх не менее 50 р. Кормы также делилнсь на меньшие, средние н большие (Горскнй А. Историческое описанне Свято-Троицкой лавры. М., 1897, с. 76).

[43] Отдельные части из пятой и шестой глав Обиходнпка по рукопнсн ГБЛ, Волок. собр. № 681 опублнкованы в кн.: Голубннскнй Е. Е. История русской церкви, т. 2, ч. 2. — ЧОИДР, 1900, кн. 1, с. 577—582; см. также: Леоннд. Выписка нз «обихода» Волоколамского Иосифова монастыря (конец XVI в.). — ЧОИДР, 1863, кн. 4, с. 1—8.

тексте списка дается ряд любопытных подробностей не только о величине корма, но также и о местонахождении родовых усыпальниц и отдельных захоронений вкладчиков и их родственников. Эти данные помогают определить ту социальную среду, которая наиболее тесно была связана с монастырем. Глава шестая в той части, в которой она трактует о пище монахов в обычные дни и в праздники, т. е. является столовым обиходником, восходит к Уставу Иосифа Волоцкого.

До нас дошел также столовый Обиходник 1589—1591 гг., тесно связанный с Обиходником Евфимия Туркова.[44] После небольшой статьи о «любозазорных», составленной по образцу Иосифова слова о любозазорных, в которой Евфимий Турков отвечает на укоры по поводу монастырского общежития,[45] в Обиходнике помещен рассказ о Богородном и Спировском монастырях, «приписных» к Иосифову. Кончается Обиходник росписью монастырских служебников.[46]

В своем Обиходнике Евфимий Турков стремился реставрировать старые порядки, существовавшие в монастыре при Иосифе Санине. Однако требования строгого соблюдения «общежительского» устава, настойчиво повторяемые Евфимием, часто остаются лишь декларативными. Обиходник является ценным источником для характеристики быта монастыря-вотчинника XVI в. В нем можно обнаружить существование значительных следов неравенства среди монашеской братии. Он дает наглядную картину сложных взаимоотношений между монастырем и окружающей его социальной средой. Обиходник раскрывает тесную связь, которая существовала между московскими государями и Волоколамским монастырем.

Последним большим произведением Евфимия Туркова явились его Записные книги.[47] Они были переработкой упомянутых выше вкладных книг Вассиана и основываются на составленных Евфимием Турковым ранее кормовых списках. Написаны Записные книги в 1584—1585 гг. (7093 г.)[48] Они состоят

---

[44] Леонид. Столовый Обиходник Волоколамского монастыря. — ЧОИДР, 1880, кн. 3, с. 6—23.

[45] Отрывки ее опубликованы в статье: Село Спирово. — «Московские епархиальные ведомости», 1871, № 26.

[46] Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973, с. 136, 140—141.

[47] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 556. См. также копию XVIII в. (ЦГАДА, ф. 181, № 141/196). Подлинные записные книги использованы в работах: Щепетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. — Исторические записки, 1946, т. 18, с. 92—97; Невоструев К. И. Плащеница, приложенная в Иосифо-Волоколамский монастырь удельным князем Владимиром Андреевичем. — В кн.: Изв. Археологического общества, т. VI, отд. 1, вып. 1—2. СПб., 1867, с. 41—61. — Копией пользовался Н. Барсуков (Барсуков Н. Род Шереметевых, кн. 2. СПб., 1882, с. 19).

[48] Текст, датируемый 7093 г., — позднейшая вставка. Дальнейший текст написан разновременно еще позднее. В оглавлении книги гл. 79 написана

из трех частей. Первая и вторая главы их посвящены дачам государевым («записные книги» в собственном смысле слова), третья глава говорит о вкладах удельных князей, а с четвертой главы до конца (гл. 97) сообщается о вкладах остальных лиц.

Евфимий Турков произвел строгую редакционную переработку книг Вассиана соответственно с новыми нормами платы за поминания, установленными в его Обиходнике. В Записных книгах упомянуты только те лица, по которым к моменту их составления кормились кормы. Исключены из них были вкладчики, которые внесли в монастырь 50 и менее рублей. Несколько лиц, сделавших небольшие вклады еще при жизни Иосифа и особенно почитаемых в монастыре как создатели его богатства, были оставлены. В Записных книгах имена вкладчиков с указанием на сумму, которую они внесли в монастырь, располагались соответственно тому, как это было в кормовых списках Евфимия Туркова, т. е. согласно дням, когда кормились по ним кормы (начиная с сентября и кончая августом). Этот принцип нарушался только в том случае, если вклады делали несколько представителей одной фамилии. Тогда составитель Записных книг стремился помещать всех этих вкладчиков в одной главе.[49] Позднейшие приписки в конце Записных книг, а также вставки в их текст, датируемые концом XVI и половиной XVII вв., естественно, уже нарушают этот первоначальный замысел автора.

Записные книги Евфимия Туркова являются одним из важных источников для характеристики социального состава вкладчиков в монастырь.

Разбор состава вкладных книг Волоколамского монастыря XVI в. показывает большую ценность этого комплекса источника. То серьезное значение, которое придавали монастырские власти тщательной регистрации вкладов «на помин души», явилось отражением стяжательской практики и теории этой цитадели воинствующих церковников XVI в.

чернилами другого оттенка, чем основной текст. Текст на л. 121 и 176, датируемый 7094 г., — позднейшие приписки. Однако текст на л. 187 об., датируемый 7093 г., написан одновременно с основным текстом Записных книг.

[49] Напр., в гл. 1-й помещена запись о вкладах Ступишиных, в гл. 41-й — о вкладах Полевых, в гл. 43-й — Олферьевых-Нащекиных, в гл. 44-й — Юрьевых, гл. 71-й — Бельских, в гл. 72-й — Пушкиных и т. д.

А. Я. Дегтярев

О МОБИЛИЗАЦИИ ПОМЕСТНЫХ ЗЕМЕЛЬ В XVI В.

Н. А. Рожков привел обильный материал о мобилизации поместных земель в XVI в. и на его основании отметил, что «чрезвычайно редко, прямо как исключение, наблюдается слабая мобилизация поместных земель».[1] Тезис о сильнейшей мобилизации поместных владений он положил одним из краеугольных камней в основание своей концепции о пагубной юридической природе поместья, сыгравшей главную роль в развитии кризиса конца XVI столетия.[2] Мобилизация в сфере поместного землевладения вела, по мысли Н. А. Рожкова, к экстенсивному, хищническому хозяйствованию, которое через упадок в земледелии привело к разрухе и запустению.

Попробуем проанализировать данные, на которые опирался Н. А. Рожков, утверждая, что необеспеченность поместья за владельцем порождала в конечном счете «убеждение в необходимости извлечь из данного участка поместной земли возможно больше пользы для себя, не заботясь о том, как это отразится на дальнейшей производительности почвы».[3] Ниже мы приводим таблицу систематизированных нами данных о мобилизации поместного землевладения (табл. 1).

Рассматривая данные о мобилизации поместного землевла-

---

[1] Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, с. 447.

[2] Четко различимое эхо тезиса о пагубной «юридической природе поместья» прозвучало в докладе Л. В. Даниловой на межреспубликанском симпозиуме по аграрной истории в 1965 г. Л. В. Данилова считает, что земельные перетасовки и частые передачи поместий накануне кризиса были обусловлены природой поместья, а утверждение поместной системы явилось первопричиной кризиса 70—90-х годов (Данилова Л. В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы за 1965 год. М., 1970, с. 130—140).

[3] Рожков Н. А. Сельское хозяйство..., с. 457—458.

Таблица 1

Мобилизация поместных земель в XVI в. (по материалам Н. А. Рожкова)*

Районы	Годы описаний	Количество лет, прошедшее между описаниями	Поместья, оставшиеся за прежними владельцами или перешедшие к прямым потомкам	Поместья, перешедшие к боковым родственникам	Поместья, перешедшие к владельцам, не состоявшим в родстве с прежними	Темпы годичной мобилизации, %
Торопецкий у.	1503—1539	36	35,6(74)**	1,4(2,9)	11 (23)	0,64
Водская пят.	1500—1540	40	144 (44,2)	19 (5,7)	164,3(50,1)	1,25
Тверская половина Бежецкой пят.	1500—1545	45	292,2(72,4)	14,7(3,6)	97,1(24)	0,23
Тверской у.	1540—1548	8	137 (79,6)	13 (7,5)	22 (12,8)	1,6
Казанский у.	1556—1568	12	48,8(79,6)	1 (2)	13,2(18,4)	1,5
Свияжский у.	1556—1568	12	3,1(14,1)	1,6(7,3)	17,3(78,6)	6,6
Коломенский у.	1560—1576	16	164 (45,4)	10,5(2,9)	186,5(51,7)	3,2
Коширский у.	1551—1579	29	592,5(90,4)	9,5(1,4)	54 (8,2)	0,3
Белозерская половина Бежецкой пят.	1551—1581	30	130,4(52,4)	31,3(12,6)	87,3(35)	1,15
Деревская пят.	1571—1581	10	102,2(75,2)	3,5(2,6)	30,3(22,2)	2,2
Водская пят.	1569—1582	13	25,5(31,1)	9,1(11,5)	45,4(57,4)	4,4
Залесская половина Шелонской пят.	1570—1582	12	37,5(32,4)	17,5(16,5)	70 (61,1)	5,1
Тверская половина Бежецкой пят.	1545—1583	38	58,5(32,4)	15,5(8,5)	107 (59,1)	1,6
Зарусская половина Шелонской пят.	1576—1584	8	29,8(16,0)	10 (5,4)	146,2(78,6)	9,7
Московский у.	1559—1584	25	6 (23,4)	—	20 (76,6)	3,0
Псков	1556—1587	31	49 (12,5)	12 (3)	333 (84,5)	2,7
Тульский у.	1558—1587	29	462 (78,9)	16,5(2,8)	107,2(18,3)	0,6
Орловский у.	1565—1595	30	256 (57,7)	54,5(12,2)	134 (30,1)	1,0

* Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, с. 447—451.

ления, Н. А. Рожков не принял во внимание ряд важных моментов. Прежде всего им не учитывались размеры временных промежутков между описаниями различных уездов. Так, например, в Водской пятине за 40 лет (1500—1540 гг.) половина поместий перешла в руки «чужеродцев», т. е. лиц, не состоявших в родстве с предыдущими владельцами. Примерно то же произошло в Коломенском уезде всего за 16 (1560—1576 гг.) лет. Для Н. А. Рожкова это были совершенно одинаковые по значимости показатели мобилизации. Между тем продолжительность периода, в течение которого та или иная часть поместий переходила в руки «чужеродцев», несомненно нужно учитывать. Для этих целей нами определены показатели темпов мобилизации, которые представляют из себя не что иное, как процент перехода поместий во владение «чужеродцев» в расчете на год. Если, например, за 10 лет в данном районе 10% поместий перешло в другие руки, то темп годичной мобилизации равен 10% : 10 лет = 1% в год.

При рассмотрении этих показателей (см. табл. 1) прежде всего необходимо отметить, что в первой половине XVI в. они были весьма низки. Так, в Торопецком уезде темп мобилизации составлял 0,64% в год, в Водской пятине — 1,25%, в Тверской половине Бежецкой пятины — 0,53%, в Тверском уезде — 1,6%. Во второй половине XVI в. мы, напротив, сталкиваемся с весьма высокими показателями: в Коломенском уезде — 3,2%, в Водской пятине — 4,4%, Свияжском уезде — 6,6%, Залесской половине Шелонской пятины — 5,1%, Зарусской половине Шелонской пятины — 9,7%, Московском уезде — 3%. Легко заметить, что наиболее высокие индексы в этот период присутствовали как раз в тех районах, которые были ареной внутриполитической борьбы или военных действий.

Различия в степени мобилизации поместных земель в первую и вторую половины XVI в. очевидны, но Н. А. Рожков не обратил на них внимания. Они выступают особенно ярко при сравнении показателей для одних и тех же районов в отдельные периоды изучаемого времени. Так, в Водской пятине в период между 1500 и 1540 гг. темп мобилизации равнялся 1,25%, а в период между 1569 и 1582 гг. — 4,4%, т. е. степень перехода поместий из рук в руки возросла примерно в 3,5 раза. Подобную же ситуацию можно наблюдать и в Тверской половине Бежецкой пятины. В период между 1500 и 1545 гг. показатель мобилизации здесь был равен 0,53%, в период между 1545 и 1583 гг. — 1,6%, степень мобилизации поместий возросла, таким образом, в три раза.

Такие перепады легко объяснимы — достаточно положить их на канву социально-политической истории Русского государства. Тогда причиной той или иной степени мобилизации поместного землевладения выступит не юридическая природа поместья, а факторы, которые лежали вне этой природы.

Подтверждением изложенного могут служить данные о мобилизации вотчинного землевладения, чья юридическая природа как будто к ней не располагала. Н. А. Рожковым приведены немногочисленные, правда, в силу скудности сохранившегося материала данные об этом.

Таблица 2

Мобилизация вотчинных земель (по материалам Н. А. Рожкова)*

Уезды	Годы описаний	Количество лет, прошедшее между описаниями	Вотчины, оставшиеся за прежними владельцами или перешедшие по прямой наследственной линии	Вотчины, перешедшие к боковым родственникам	Вотчины, перешедшие к владельцам, не состоявшим в родстве с прежними	Темп годичной мобилизации, %
Московский . . .	1565—1585	20	69(45,4%)**	9(5,9%)	74(48,7%)	2,4
Коломенский . .	1565—1585	20	86,8(58,5%)	2(1,3%)	59,2(40,2%)	2,0
Тверской	1540—1548	8	176(55,5)	26(14,4%	96(30,1%)	3,7

* Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси. . .. с. 451.
** Цифра в скобках означает количество, %.

Как видим, ситуация в вотчинах ничем особенным от положения в поместьях не отличается. В Московском уезде для поместных земель показатель мобилизации равнялся во второй половине века 3,0%, для вотчинных примерно в то же время—2,4%, в Коломенском уезде соответственно — 3,2 и 2,0%.

Н. А. Рожков уклонился и от рассмотрения вопроса о продолжительности владения поместьем тем или иным служилым человеком, хотя данные об этом у него имелись.[4] Не заботясь о «дальнейшей производительности почвы», владелец мог «запустошить» поместье в несколько лет: в писцовых книгах зафиксированы редкие случаи подобного рода. Но время, в течение которого служилый владел поместьем, вряд ли настраивало его на такой лад. Так, 70% помещиков Торопецкого уезда записаны в 1503 и 1539 гг. в одних и тех же поместьях.[5] Продолжительность владения для большинства из них приближалась к 40 годам. В Тверской половине Бежецкой пятины 33,6% поместий в период с 1500 по 1545 г. остались за теми же владельцами, а 38,8% — перешли к прямым потомкам.[6] Здесь для многих владельцев продолжительность владения равнялась полустолетию. Такие же данные приводит в отношении Порховского уезда Н. Н. Масленникова.[7]

[4] Там же, с. 447—451.
[5] Там же, с. 448.
[6] Там же.
[7] Масленникова Н. Н. Крестьяне и помещики Порховского уезда

Эта тенденция прослеживается и по данным актового материала. Грамоты часто свидетельствуют о переходе поместья от отца к сыну.[8] В 50-х годах XVI в. в них начинают фиксироваться случаи, когда поместье переходит по наследству уже в третьем поколении.[9]

О том, что помещик не был склонен к частой смене владений, красноречиво свидетельствует, например, царская грамота новгородскому дьяку К. Дубровскому о порядке возвращения поместий группе «нетчиков» казанского похода. Часть отписанных по казанским «нетям» поместий к моменту снятия опалы была роздана другим владельцам. Это обстоятельство послужило причиной множества челобитных, от которых дьякам была «докука великая»: «нетчики» просили свои старые поместья, «а в то место инде доимати пошлин» не хотели.[10]

Стремление помещиков к наследственному владению поместьем соответствовало и целям правительства: продолжительность владения служила гарантией бережного отношения к пожалованию, гарантией того, что земля «из службы не выйдет». Показательно в этом отношении решение по челобитной мелкого помещика Н. Н. Лопатина. В 1556 г. он был выбран в Торопец «на городовой приказ», поэтому 7 обеж из его 12-обежного поместья были отписаны на государя и пошли было в раздачу. Н. Н. Лопатин подал прошение, где указал, что у него есть трехлетний сын, за которым просил закрепить отписанные семь обеж. Правительственное решение было знаменательно: «А приказали бы естя те семь вытей на меня царя и великого князя ведати и доход собирати по вся годы Невежы Лопатину, до тех мест, как сын его в нашу службу поспеет; а как сын его в нашу службу поспеет, и вы бы те семь вытей велели в книги написати за Невежиным сыном».[11] Правительство, как видим, идет навстречу помещику, поручая ему «ведать» волостку до совершеннолетия сына. Семейство Лодыгиных владело поместьем более полувека и согласно грамоте будет владеть им и в обозримом будущем.

Отсутствие у помещика «охоты к перемене мест» обусловливалось не только традициями и нормами вотчинного землевладения, которые служилые люди несомненно воспринимали,[12] но и всей обстановкой в области землевладения, характернейшей чертой каковой была решительная нехватка годных для

Шелонской пятины к 40-м годам XVI в. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 121—122.

[8] ДАИ, т. 1. СПб., 1846, док. 52 (VII, XV, XVII).

[9] Там же, док. 52 (X), с. 94—95, док. 52 (XVII), с. 100—101.

[10] Там же, док. 52 (XIX), с. 102.

[11] Там же, док. № 52 (XXVII), с. 108—109.

[12] Доказательством этого служит отмеченное С. Б. Веселовским появление в писцовых книгах внутренне противоречивых выражений «родовое поместье», «отца и деда выслуга» и т. п. (Веселовский С. Б. Арзамасские поместные акты. М., 1915, с. XV).

испомещения земель. Надежды на то, что «запустошенное» поместье будет заменено новым, не было почти никакой. Твердая позиция власти в этом вопросе со всей очевидностью выступает из так называемых «дополнительных» вопросов Грозного, обстоятельно разобранных Н. Е. Носовым.[13] Н. Е. Носов совершенно справедливо говорит, что «запустошивший» поместье владелец «не мог рассчитывать ни на какие поблажки».[14]

«И запустошит, — заявил Грозный, — от себе ему пришло, а от меня опала, и о том тяжбы не будет ни с кем вперед».[15] Это предостережение — своеобразное побуждение помещика к хозяйственной деятельности. Особенно примечательно заявление о том, что в случае запустения «тяжбы не будет ни с кем вперед». В челобитных о замене запустевших поместий владельцы выдвигали причинами запустения голод, моровое поветрие, «дорогу», а также действия других владельцев, «отказывавших» крестьян за себя. «Объективные», т. е. независящие от данного владельца, причины учитывались властью. Что же касается ухода крестьян к другому владельцу, правительство, отказываясь рассматривать тяжбы об этом, становится на сторону последнего, полагая его лучшим хозяином, нежели того, от которого крестьяне ушли. Таким образом, в отказе Грозного зачислить большую группу причин запустения (уход крестьян к другим владельцам) в разряд уважительных можно видеть рекомендацию бережного отношения к пожалованию.

Позднейшие решения по таким делам свидетельствуют, что декларация Грозного стала юридической нормой. Например, при разборе челобитной М. М. Палицына о запустении поместья[16] указано было произвести обыск. «И будет в обыску скажут, что то Матвеево поместье запустело от Матвея и от его небреженья (! — *А. Д.*), а не от голоду и не от лихого поветрия и ни от кого и вы б Матвею отдали старое его поместье».[17] В случае запустения от голода и лихого поветрия — такие причины считались уважительными — указано было отделить новое поместье.

Правительство, как видно из конкретных решений по поместным делам, явно отдавало себе отчет в том, что именно устойчивость землевладения служила мощным противодействием устремлениям той части служилых землевладельцев, которые склонны были к хищнической эксплуатации поместья, являлась условием устойчивости хозяйства вообще.

Подобная политика осуществлялась в сфере поместного землевладения до 60-х годов. С ее исчезновением завершился и первый этап в истории мобилизации поместных земель, для

[13] Носов Н. Е. Собор примирения 1549 года и вопросы местного управления. — В кн.: Внутренняя политика царизма. Л., 1967, с. 5—68.
[14] Там же, с. 19.
[15] ПРП, вып. IV. М., 1958, с. 578.
[16] ДАИ, т. I, док. 52 (VIII), с. 92—93.
[17] Там же, с. 93.

которого были характерны высокая устойчивость контингента владельцев в большинстве районов, широко распространенная практика наследования поместий, значительная продолжительность владения пожалованиями.

Второй период охватил примерно 20 лет — середины 60-х до середины 80-х годов. Он был связан с важнейшими военно-политическими событиями эпохи — опричниной и Ливонской войной. На его характере сказалось и нарастание экономического кризиса. В это время наблюдается значительный рост темпов мобилизации поместных земель (см. табл. 1). Срок владения поместьями для многих служилых людей исчислялся несколькими годами, а подчас и месяцами.[18]

Д. Я. Самоквасовым опубликовано несколько десятков вводных грамот по Новгородскому уезду Шелонской пятины, относящихся к 1571—1573 гг.[19] Картина испомещений, реконструированная на основе этого материала, хотя и не отражает всего размаха новых раздач, но тем не менее достаточно выразительна. Если в 1571 г. было роздано 107 обеж, то в 1572 г.— уже 595. В следующем году кампания продолжалась — помещики получили 442 обжи, причем 184 из них уже побывали в раздаче в 1571—1572 гг. Из этих данных ясно выступает одна чрезвычайно характерная черта — неустойчивость поместных владений. За недолгие месяцы около 20% обеж, зафиксированных в грамотах, побывало в раздаче дважды.

Наконец, с середины 80-х годов начинается третий период развития поместной системы, во многом сходный с первым. Ушли в прошлое опричные правежи и разбазаривание поместных земель опричными деятелями. С окончанием Ливонской войны исчезли и причины мобилизации поместных земель, связанные с военными действиями (выводы помещиков на присоединенные земли или, напротив, испомещения служилых людей, оставшихся без поместий). В это время значительно возросли как продолжительность владения поместьем, так и степень наследования их по прямой нисходящей линии. Однако разразившийся кризис не позволил поместной системе прийти в то состояние, какое отмечено нами для первого периода, и стабильность поместного землевладения не достигла уровня первой половины века.

---

[18] Показательна в этом отношении история поместья уже упоминавшегося дьяка Казарина Дубровского, казненного после ноября 1567 г. Вскоре после казни его поместье было отдано Д. Бортеневу, затем, вероятно, в июле 1572 г. его получил А. Колтовский. В феврале 1573 г. владельцем этого поместья становится В. И. Умной, а в августе того же года часть его отдается В. М. Колычеву, а «досталь того поместья Ивану Соловому Тимофеевичу Петрова» (Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905, т. I, ч. 2, с. 59). Таким образом, за 6 лет поместье 4 раза переходило из рук в руки. Подобные примеры легко умножить (там же, с. 57, 66, 73—74, 76, 85—86).

[19] Самоквасов Д. Я. Архивный материал, с. 38—105.

А. Л. Шапиро

ХОЛОПЫ-СТРАДНИКИ В XVI в.

Холопству на Руси посвящены ценные исследования В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича, Н. П. Павлова-Сильванского, А. И. Яковлева, Б. Д. Грекова, С. Б. Веселовского, С. Н. Валка, Е. Н. Кушевой, Б. А. Романова, И. И. Смирнова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, Е. И. Колычевой, В. М. Панеяха, В. И. Корецкого, И. Я. Фроянова, Г. В. Абрамовича, Р. Г. Скрынникова и других историков.[1] Их труды позволяют

[1] Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России. Подушная подать и отмена холопства в России. — Соч., т. 7. М., 1959; Сергеевич В. И. Древности русского права, т. 1. СПб., 1909; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М., 1926; Павлов-Сильванский Н. П. Люди кабальные и закладные. — Соч., т. 1. СПб., 1909; Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.—Л., 1949; Веселовский С. Б. [Рец. на кн.: Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. (М.—Л., 1949)]. — Исторический журнал, 1944, № 10—11; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1946; Валк С. Н. Грамоты полные. — В кн.: Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1922; Кушева Е. Н. К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. — Исторические записки, 1945, т. 15; Романов Б. А. 1) Комментарии к Судебнику 1500 г. — В кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, с. 282—293; 2) О полном холопстве и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М.—Л., 1952; 3) К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. — Исторические записки, 1955, т. 52; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973; Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI вв.). М., 1971; Панеях В. М. 1) Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967; 2) Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975; Скрынников Р. Г. [Рец. на кн.: Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в. (Л., 1975)]. — «История СССР», 1976, № 3; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; Панеях В. М. Закрепощение крестьян в XVI в.

определить место и пути развития рабовладельческих отношений в социальной структуре феодальной Руси. В то же время выявились спорные проблемы, к числу которых относится и проблема изживания холопства.

Б. Д. Греков писал, что в силу экономической невыгодности холопский труд обнаруживал заметную тенденцию к исчезновению еще в домонгольский период. А в XV — начале XVI вв. полный холоп терял всякую ценность в хозяйстве и превращался в обузу, от которой старались избавиться. На смену полному холопству пришла кабальная зависимость, которую Б. Д. Греков отличал от рабского состояния и считал «очень близкой добровольной службе, т. е. найму».[2]

Эта концепция находила обоснование, во-первых, в установленном С. Н. Валком факте исчезновения к середине XVI в. полных грамот, которыми оформлялась продажа людей в рабство,[3] во-вторых, в завещательных распоряжениях XV—XVI вв. об отпуске холопов на волю. В вышедших после работы С. Н. Валка исследованиях и прежде всего в труде Е. И. Колычевой было подтверждено исчезновение полных грамот к 1580 г. и установлено, что к XVII в. из таможенных грамот исключается упоминание пошлин с продажи людей «в полницу».[4]

Но предположение о том, что полный холоп превращался в XV — начале XVI вв. в обузу для холоповладельца, и о том, что институт полного холопства был поэтому быстро и легко изжит, было взято под сомнение. Л. В. Черепнин писал, что духовные грамоты светских владельцев XIV—XV вв. «не позволяют сделать вывод о массовом отпуске землевладельцами холопов на волю».[5] А. А. Зимин обратил внимание на то, что отпуск на волю по завещанию всех людей-холопов наблюдался в то время только в случае выморочности владений феодала. В других же случаях по завещанию отпускали на волю не более одной трети холопов.[6]

В. М. Панеях отверг тезис о близости кабальной зависимости к найму. По его мнению, кабальные люди предстают (до Уложения 1597 г.), с одной стороны, как лица, имеющие право посредством погашения долга прервать свою зависимость в любой момент, а с другой — как зависимые лица, стоящие

(по поводу книги В. И. Корецкого). — «История СССР», 1972, № 1; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятины. Л., 1974.

[2] Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., с. 169, 571—590, 679.

[3] Валк С. Н. Грамоты полные... — В кн.: Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, с. 113—132.

[4] Колычева Е. И. Холопство и крепостничество, с. 13—22.

[5] Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв., с. 260.

[6] Зимин А. А. Холопы..., с. 329; Колычева Е. И. Холопство и крепостничество, с. 143 и сл.

в одном ряду с полными холопами. В XV в. нехолопская тенденция в кабальной службе была ярко выражена. Однако постепенно происходило развитие холопьих черт кабальной службы, и в середине XVI в. она уже превращалась в разновидность холопства. А поскольку число кабальных людей значительно увеличилось в XVI — начале XVII вв., холопство продолжало оставаться «важным элементом социальной структуры общества». По мнению В. М. Панеяха, «лишь в конце XVI в. как в количественном, так и в качественном отношении наметились некоторые сдвиги в сторону изживания холопства».[7]

Прогрессивность феодализма, по сравнению с рабством, связана с наделенностью феодального крестьянина средствами производства и прежде всего землей. Крестьянин, владеющий хозяйством, больше заинтересован в результатах своего труда, чем раб. При феодализме землевладелец имеет возможность присваивать ренту, не производя затрат не только на содержание непосредственных производителей, но и на рабочий скот и инвентарь. Эти экономические особенности феодального способа производства являются предпосылкой изживания рабских отношений. Но рабство было чрезвычайно живучим и долго сохранялось при феодальном, а в ряде стран даже при капиталистическом способе производства. Причины такой живучести были не всегда вполне единообразны и варьировались в зависимости от конкретных исторических условий.

К тому же приходится говорить о разных причинах исчезновения холопов-министериалов и холопов-ремесленников, холопов-дворовых людей и холопов, работавших на господской пашне, но имевших свои дворы. Наибольший интерес представляют судьбы холопов-страдников. Каков был их удельный вес в массе зависимого сельского населения? Какова была их роль в поместном хозяйстве и как их труд соотносился с барщинным трудом крестьян? Наконец, какие изменения в этих отношениях произошли в XVI в.? Вопросы эти являются спорными.

В. И. Корецкий полагает, что для первой половины XVI в. характерна тенденция к развитию барской запашки и крестьянской барщины, а для второй половины, и особенно для конца его, «уже характерно широкое распространение барской запашки и барщины, которая начинает занимать преобладающее место в системе крестьянских повинностей». Что же касается труда холопов, то он носил вспомогательный характер по отношению к труду крестьянскому.[8]

---

[7] Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в., с. 13, 243, 261.

[8] Корецкий В. И. Закрепощение крестьян..., с. 25. В рецензии на труд В. И. Корецкого В. М. Панеях заметил, что в производстве всей сельскохозяйственной продукции доля холопьего труда, конечно, значительно уступала доле труда крестьян. Но в собственно барском хозяйстве положе-

Точка зрения В. И. Корецкого была оспорена Г. В. Абрамовичем, который полагает, что как в первой половине, так и в конце XVI в. крестьяне обрабатывали лишь небольшую часть господской земли. По данным дозорной книги Бежецкой пятины 1594—1595 гг., которую изучил Г. В. Абрамович, 80% господской пашни пахали холопы и лишь около 15% — крестьяне.[9] Следует учесть, что на земле, которая по дозорной книге обрабатывалась крестьянами, какую-то долю вспомогательного труда могли выполнять холопы и, наоборот. Таким образом, точность приведенных цифр не следует преувеличивать. Но они дают примерное представление о соотношении холопьего и крестьянского труда на господской пашне в Бежецкой пятине в последнее десятилетие XVI в. Широкое использование холопьего труда на господской пашне как в первой, так и во второй половине XVI в. было отмечено всеми авторами «Аграрной истории Северо-Запада России».

Мы полагаем, что полевая барщина крестьян применялась и в первой половине XVI в. и в предшествующие столетия. Правда, новгородские грамоты, как и писцовые книги, не содержат о ней сведений. Зато в актовом материале Северо-Восточной Руси[10] есть свидетельства о том, что крестьяне «пахали изстарины» или «рольи орали взгоном» господские земли. По подсчетам, которые я произвел, можно полагать, что и очень небольших размерах полевая барщина имелась в первой половине XVI в. и в Северо-Западной Руси.[11]

Что же касается холопьего труда, то он играл главную роль на господской пашне как в первой, так и во второй половине и в конце XVI в. Не случайно на усадищах, где лежала барская запашка, обычно жили холопы и гораздо реже крестьяне. Общее количество и процент холопьих дворов (а они в основном принадлежали страдникам) в четырех новгородских пятинах возрастали в первой половине XVI в. А в годы кризиса сокращение числа живущих холопьих дворов было резким, но все же не столь значительным, как сокращение числа крестьянских живущих дворов. Поэтому процент холопьих дворов увеличивался даже между 1545 и 1582 гг. (см. табл.).

К сожалению, в новогородских писцовых книгах поименно перечисляются только холопы-дворовладельцы. Однако А. Я. Дегтярев сделал попытку определить количество холопов, не имевших своих дворов и проживавших при больших господских дворах в челядинных дворах, «клетушках люцких»,

---

ше было иным (см.: Панеях В. М. Закрепощение крестьян в XVI в. — «История СССР», 1972, № 1, с. 159).

[9] Аграрная история Северо-Запада России XVI в..., с. 225, 231.

[10] Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 240—241.

[11] Аграрная история Северо-Запада России XVI в..., с. 284—285. Ср.: Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975, с. 157.

Соотношение господских, холопьих, крестьянских и бобыльских дворов по четырем пятинам (без Обонежской), %.*

Годы	Дворы				
	господские	холопьи	крестьянские	бобыльские	прочие
Конец XV в.	2,8	2,6	91,1	—	3,5
1536—1545	4,4	7,2	82,5	2,8	3,1
1582—1585	7,3	8,8	62,0	14,6	7,3

* Аграрная история Северо-Запада России в XVI в. Л., 1974, с. 292.

«дворах людских», «избах людских». Для этого он использовал писцовую книгу Шелонской пятины 1539 г. В формуляре итоговых записей по поместью говорится: «... и всего за (имя владельца) деревень ... а дворов с большим... а людей в них...» Поскольку итоги писца обычно значительно превосходят итоги, получаемые при подсчете людей, числящихся в селах и деревнях, А. Я. Дегтярев предположил, что расхождение это не есть результат ошибок писца, а объясняется включением в итог жителей большого двора в основном состоящих из холопов. А если это так, процент холопов, учтенных данной писцовой книгой, следует повысить с 7,1 до 13,5%.[12]

Но даже если отказаться от установления точного числа бездворных холопов, мы обязаны учитывать, что они существовали. И поскольку это так, придется признать, что процент холопьего населения, названный в таблице, является заниженным. И это относится к 1580 г. еще в большей степени, чем к первой половине XVI в., так как в годы всеобщего разорения доля бездворных людей, и в их числе бездворных холопов, несомненно возрастала.

Таким образом, можно считать тезис о сокращении к концу XVI в. доли и роли холопьего труда в помещичьем хозяйстве малообоснованным. Чем же объясняется такая живучесть холопьего труда в XVI в.? Для ответа на этот вопрос немалое значение может иметь сопоставление доходов помещика от земли, которая обрабатывалась холопами-страдниками, с доходами, получаемыми им с земли, на которой сидели отбывавшие ренту крестьяне. Приведем ориентировочный расчет для конца XV — начала XVI в. В это время в новгородских пятинах средний размер участка, который обрабатывала крестьянская семья, равнялся 9,5 га. Средний зерновой доход,

[12] Дегтярев А. Я. О количественном соотношении крестьян и холопов в новгородских пятинах (середина XVI в.), в печати. — Благодарю А. Я. Дегтярева за предоставление возможности воспользоваться этой статьей до опубликования ее в печати.

который получался с него, составлял (если считать по 1,3 деньги новгородские за условный пуд хлеба)[13] 178 денег, из которых помещик брал в виде оброка 62 деньги. Поскольку сила традиции и часто реализуемое крестьянское право перехода не давало помещику возможности вводить в сколько-нибудь значительных размерах полевую барщину, а другие виды отработков выполнялись холопами никак не в меньшей мере, чем крестьянами, мы можем сопоставить с этими 62 деньгами доход, получаемый помещиком с участка в 9,5 га, если этот участок обрабатывал холоп, не имевший земельного надела и отдававший свой труд целиком хозяйству господина.

Доход от зерновых, как только что было сказано, можно ориентировочно определить в 178 денег новгородских. Если участок возделывался холопами, не имевшими своего надела, помещик должен был тратить часть хлеба на их прокормление. Семьи холопов были малочисленнее семей крестьян и среди них было немало одиноких людей. На прокормление холопьей семьи в 3—4 человека нужно было 45—60 пудов хлеба (=59—78 д.). На фураж лошади нужно было еще 15 пудов (=20 д.). На обежную дань и другие денежные налоги — 6 д. Оставалось (в округленных цифрах) 75—100 денег, т. е. больше среднего оброка с крестьянской семьи. Правда, холоп на господском поле работал хуже, чем крестьянин на своем, и это, очевидно, сказывалось на размерах пашни, которую он мог обработать, и на качестве обработки. Кроме того, крестьянин иногда выполнял незначительные барщинные повинности. И все же есть основания полагать, что в первой половине XVI в. доходы помещика, использующего труд безнадельных холопов, не были обязательно ниже, чем доходы от эксплуатации крестьян.

До сих пор у нас шла речь о холопьем труде вообще. Сейчас нам надлежит разграничить холопов, лишенных всяких средств производства, и холопов, наделенных средствами производства. Уже В. О. Ключевский писал о холопьих наделах и усматривал в них признак постепенного слияния холопов-страдников и крестьян в единую массу крепостного крестьянства.[14] О превращении холопов-страдников в крепостных людей в результате их наделения землей позднее говорят Б. Д. Греков и С. В. Юшков. Последний отмечал, что предоставление холопам надела, двора и инвентаря сближало формы их эксплуатации с феодальной рентой, а их самих с феодальными

---

[13] Цена условного пуда была выведена нами на основании данных о соотношении количества собираемых хлебов и их цен. — Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в., с. 40, 358, 363—364; Аграрная история Северо-Запада России XVI в..., с. 27.

[14] Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России. Подушная подать и отмена холопства в России. — Соч., т. 7, с. 360—379.

крестьянами.[15] Б. Д. Греков отводил такому сближению большую роль, связывая его с ростом в конце XV—XVI вв. барской запашки. Как раз в тех селах, где существовала и обрабатывалась холопами барская пашня, появление пашни холопьей заметно более отчетливо.[16]

В течение последних двадцати лет в советской исторической литературе ведется полемика о наличии и распространенности в XVI в. холопьих наделов и времени и масштабах превращения холопов-страдников в крепостных крестьян. Е. И. Колычева считает, что уже с конца XV в. «свою» пашню имели не только административные слуги, но и рядовая масса холопов, а к 40 годам XVI в. земельные наделы имела значительная часть «рядовых» холопов, живущих отдельными дворами в поместьях.[17] В. М. Панеях полагает, что наличие у холопа земельного надела даже в XVI в. может восприниматься «как исключение, хотя тенденция к наделению холопов пашенными участками становится к концу века достаточно ощутимой».[18]

К сожалению, попытки установить количество холопов, владевших в XVI в. земельным наделом, приходится признать недостаточно обоснованными. Даже в тех случаях, когда расчет производится по хорошо сохранившимся и охватывающим обширные районы писцовым книгам, он только позволяет установить численность холопов, живших своими дворами. Но какая часть холопов сидела на месячине (или получала от господина прокорм в других формах), а какая кормилась за счет своих пахотных угодий, мы не можем сказать по следующим причинам: когда холопьи дворы стояли на усадище, писцы не подразделяли их запашку и запашку господского большого двора;[19] даже когда холопы проживали в особых деревнях отдельно от господского двора, мы, обычно, не знаем, пахали ли они свою или барскую пашню. Описав деревню с холопьим двором, писец указывал, сколько за этой деревней числилось тягла (обжа, полобжи и т. д.), а подводя общий итог по волостке, он иногда числил этот участок вместе с господским,

---

[15] Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 61.

[16] Греков Б. Д. Крестьяне на Руси..., с. 539.

[17] Колычева Е. И. Холопство и крепостничество..., с. 109 и 114.

[18] Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в., с. 70. — В более ранних работах В. М. Панеях высказывал предположение, что до 1580—1590-х годов холопы, вероятно, не являлись владельцами пашенных участков. В новейшей работе он рассказывает, как под влиянием критики (прежде всего Е. И. Колычевой) и в результате анализа писцовых книг он отказался от этого предположения (там же, с. 51).

[19] Вот обычная формулировка: село (такое-то): двор большой сам (имя помещика), а людей его: двор (имя холопа), двор (имя холопа)... сеют ржи (столько-то коробей), а сена кося (столько-то копен) обеж (столько-то). Сколько из общего количества угодий и обеж приходится на собственную, и сколько на людскую пашню, по такому описанию установить нельзя.

применяя ко всем господско-холопским обжам формулу: «пашет помещик на себя» или «пашет на себя с людьми».

В некоторых писцовых книгах (например, в книге 1540 г. по Водской пятине) в итогах по волостке указывается, с какого количества обеж помещик не получает «доход». Сопоставление этих итогов с описанием деревень позволяет отделить холопьи дворы, с которых помещик не получал дохода, от дворов, с которых доход шел. «Доход», т. е. натуральные и денежные оброки, мог поступать только с дворов, у которых была надельная земля. Те же холопьи дворы, которые не давали помещику «дохода», не имели наделов. Исходя из этой посылки, В. М. Панеях произвел подсчеты по писцовой книге Шелонской пятины конца 1530-х годов и пришел к выводу, что с достаточной степенью достоверности можно утверждать, что достаточной степенью достоверности можно утверждать, что только 12% холопов владели наделами, обрабатывали их на себя, давая помещику натуральный или денежно-натуральный оброк».[20]

Однако нужно учитывать (и В. М. Панеях сам это признает), что обязанности холопов прежде всего и главным образом заключались не в уплате оброка, а в работе в хозяйстве холовладельца, в частности и в страде на пашне. Писцовая книга Водской пятины начала XVI в. донесла до нас описание села Творошковичи помещика Ивана Вельяминова. В нем стоял большой двор господина и 8 дворов «людей Ивановых». Особенностью данного описания является то, что в нем отдельно обозначены «пашни боярские» (20 коробей) и «служни пашни» (16 коробей), сено боярское (200 копен) и сено служнее (100 копен), боярские обжи (5) и служние обжи (4). Никаких денежных и натуральных оброков со служних обеж помещик не получал. Но именно холопы-слуги работали на барских полях и сенокосах (учтем, что крестьянских дворов в селе не было). При подведении итогов по волостке И. Вельяминова писец указал, что свои и служние обжи помещик «своими людми пашет».[21] Как видим, отсутствие оброчных платежей со служних обеж еще не означает, что на этих обжах не было холопьих наделов. Таким образом, выведенные В. М. Панеяхом проценты холопов с наделом нельзя признать достаточно обоснованными. Очевидно, они занижены.

Опись поместья И. Вельяминова интересна и в том отношении, что в ней речь идет о холопьих дворах, стоявших при господском дворе в одном селе. Своя запашка бывала не только у холопов, живших в отдаленных от барского усадища деревнях, а и у холопов, живших в усадище.

Обратим также внимание на то обстоятельство, что на одну обжу (3 десятины в трех полях) холопы с наделом пахали

[20] Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в., с. 67.
[21] НПК, т. III. СПб., 1868, с. 166—170.

здесь по 1,25 коробьи (3,75 десятин в трех полях) господской пашни, а на каждую копну своего сена убирали две копны сена господского. Столь высокой нормы эксплуатации крестьян мы в XVI в. не встречаем. Высокая норма эксплуатации холопов побуждала помещиков особенно держаться за них. А наделение участком земли избавляло от необходимости кормить холопа, ставшего по существу крепостным.

Когда речь идет о превращении холопов-страдников в крепостных, следует оперировать не только данными о холопах, имевших наделы пахотной земли. Подавляющая часть учтенных писцовыми книгами холопов имели свои дворы. Даже когда у них не было пашни, они все же не являли собою классический тип раба. Ведь двор включал и приусадебный участок.

Итак, в экономической жизни феодальной Руси XIV—XVI вв. холопство как категория сельского населения не исчезает. В то же время отчетливо прослеживается его постепенное развитие в сторону крепостничества. А противоречивость, характерная для экономического аспекта холопьей проблемы, сказывалась и на юридическом ее аспекте. Как известно, к XV в. относятся первые упоминания источников о кабальных людях, а в следующем столетии, и особенно в последние десятилетия XVI и начале XVII вв. кабальная зависимость получила широкое распространение.

Это обстоятельство и отмеченное выше исчезновение полных грамот привели историков к мысли об изживании полного холопства и замене его кабальной зависимостью. Мысль эту, в частности, развивают современные знатоки вопроса.[22] Однако, говоря о судьбах полного холопства в XVI в., необходимо учесть, что во второй половине XVI в. не были отменены законы, которые разрешали владеть и распоряжаться полными холопами, а до ведения закрепостительных указов конца века действовала ст. 88 царского Судебника, разрешавшая крестьянину продаваться в полные холопы без соблюдения правил о крестьянском выходе («а которой крестианин с пашни продается в холопи в полную, и он выйдет безсрочно, и пожилого с него нет»).[23] Е. Н. Кушева обратила внимание на десятки актов; дошедших до нас от 1585—1597 гг. и оформлявших право владения холопами не по служилой кабале, а иными способами.[24]

---

[22] «На смену полному холопству шла кабальная зависимость», — пишет Е. И. Колычева (Колычева Е. И. Холопство и крепостничество..., с. 23); «Судебнику 1497 г. еще не известно кабальное холопство, но именно этот вид зависимости в дальнейшем вытеснил полное холопство», — свидетельствует А. А. Зимин (Зимин А. А. Холопы..., с. 367). В начале своего нового труда В. М. Панеях тоже пишет об изживании в XVI в. полного холопства (Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в., с. 7—11).

[23] Судебники XV — XVI вв. М.—Л., 1962, с. 173.

[24] Кушева Е. Н. К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. — Исторические записки, 1945, т. 15, с. 86.

Мне представляется, что среди холопов, владевших дворами, вряд ли было много кабальных. Среди привязанных к двору и наделу холопов, видимо, было немало людей, находившихся в потомственной неволе и принадлежавших, таким образом, к категории старинных холопов. Растянувшееся до 1580-х годов постепенное исчезновение полных грамот не препятствовало помещикам осаживать у себя и людей, купленных «в полницу».

А Уложение 1597 г., которое реализовало службу кабального холопа по смерть господина, вообще плохо согласовывалось с привязанностью холопов-дворовладельцев к наделу. Предоставление займа, надела, других средств производства кабальному человеку, имеющему право на уход после смерти господина, оказались бы гораздо менее выгодными для помещика, чем заключение порядной грамоты с крестьянином, который лишился права выхода.

Отсюда следует, что, несмотря на исчезновение полных грамот и резкое увеличение числа служилых кабал, трудно говорить об окончательном изживании полного холопства и замене его кабальной зависимостью в XVI в. Поскольку речь идет о страдниках на пашне, полное и особенно старинное холопство не заменялось или лишь в слабой степени заменялось кабальным. Категории полных и старинных людей пережили XVI столетие, а в XVII влились в состав крепостных «задворных людей».

Это совсем не противоречит бесспорному распространению в XVI в. кабального холопства и даже оттеснению им полного холопства прежде всего среди тех групп зависимых людей, которые не имели наделов и дворов и не стояли поэтому так близко к феодальным крестьянам, как страдники с наделом. Такое распространение кабальной зависимости было связано с развитием денежных отношений, при которых так легко было попасть в неоплатные должники. Важной предпосылкой развития кабальной зависимости было и увеличение налогового гнета и разорение широких народных масс в последней трети XVI и в первые десятилетия XVII в.

Однако все эти важные обстоятельства еще не объясняют, почему разоренные и обездоленные все чаще становятся кабальными людьми и все реже полными холопами. Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо исходить из общих условий хозяйственной жизни, характерной для развитого феодального общества. Наделенность землей привязывала крестьян к землевладельцу, и, если уровень и характер эксплуатации не побуждал их бросить все и уходить на новые места, крестьяне держались за надел. Поэтому степень внеэкономического принуждения при феодальных отношениях, как правило, не достигает таких жестоких и жестких форм, как при рабовладении.

В нашей литературе много и справедливо пишут о воздей-

ствии, оказанном холопством на судьбы крестьянства. Но с неменьшим основанием можно говорить о воздействии крестьянства на судьбы холопства. До конца XVI в. крестьяне имели право перехода, причем постепенно это право все больше вырождалось в право пе́ревоза. Возможность сменить господина в какой-то мере смягчала бремя эксплуатации. В то же время в ней были заинтересованы многочисленные группы землевладельцев, переманивавших к себе работников. Право кабального холопа покинуть господина, уплатив долг, как правило, тоже означало лишь возможность сменить владельца, так как средства для выкупа на свободу кабальному практически негде было получить. В появлении и широком применении кабалы можно, таким образом, усмотреть распространение на холопство господствующих феодальных форм зависимости. Различные интересы разных групп землевладельцев и холоповладельцев и участие холопов в классовой борьбе определили зигзаги в законодательстве о холопах и в изменении их фактического положения. Не останавливаясь на законодательстве о холопах, мы только заметим, что его нельзя трактовать как постепенное приближение к наемному труду. Поскольку холопство удалялось от рабства, оно приближалось не к найму, а к феодальной зависимости.

Из изложенного следует, что применительно к XVI в. не приходится говорить о полном отказе помещиков от рабского труда вследствие его экономической невыгодности и о сокращении численности холопов-страдников. В то же время прослеживается постепенное перерастание холопства из рабства в крепостничество.

В. М. Панеях

УКАЗЫ О ХОЛОПЬИХ ОТПУСКНЫХ 50-х ГОДОВ XVI в.

В 50-х годах XVI в. отпускные грамоты, выдаваемые холопам их владельцами при отпуске на свободу, стали объектом пристального внимания московских властей, которые через полвека после первой общегосударственной регламентации в данной сфере Судебником 1497 г.[1] в течение короткого времени по меньшей мере трижды возвращались к этой проблеме.

Так, Судебником 1550 г. вводился новый порядок оформления холопьих отпускных,[2] состоящий в разрешении их выдачи «с боярского доклада» только в трех городах (Москве, Новгороде, Пскове) и запрещении холоповладельцам самим выдавать отпускные грамоты. Впрочем, как установила Е. И. Колычева, «попытка регламентировать освобождение соответствующей документацией потерпела неудачу», и к моменту появления в середине 50-х годов XVI в. новых указов эти правила на практике не выполнялись.[3]

Обычно, когда речь идет об указах о холопьих отпускных, имеют в виду три многократно публиковавшихся указа.

Указ № 1: «Доклад за Олексеевою приписью Одашева. Положити государя царя и великого князя: которые отпускные до сего Уложения без боярские печати и без диячье подписи в прежних летех даваны до Уложенья, и те отпускные в отпускные ли? Олексеева припись Одашева: казначеем велети записати, что с отпускною у того государя не служить».[4]

Указ № 2: «Да написати в Судебник к Холопью Суду. Ко-

---

[1] Судебник 1497 г. — В кн.: Судебники XV—XVI веков. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952, с. 21, 25 (ст. 17, 18, 20, 40—43). См. там же комментарий Л. В. Черепнина: с. 65—68, 80.

[2] Судебник 1550 г. — В кн.: Судебники XV—XVI веков, с. 168 (ст. 77). См. там же комментарий Б. А. Романова: с. 283—284.

[3] Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). М., 1971, с. 201.

[4] АИ, т. I. СПб., 1841, № 154, VIII, с. 260.

торому холопу дадут отпускную з боярского докладу или у кого старая отпускная без боярского докладу, и тем холопем по старым крепостям у своих государей не служити; а станет которой холоп служить с отпускною у старова государя, и та его отпускная не в отпускную».[5]

Указ № 3: «Которые отпускные до сего Уложения без боярские печати и без дьячьей приписи в прежних летех даваны, и отпускные велети являти и казначеем записати, что с тою отпускною у государя того [не] служити; а не явит кто и не подпишет сего года, ино та отпускная не в отпускную».[6]

В литературе было высказано несколько точек зрения по поводу датировки трех сохранившихся указов о холопьих отпускных, соотношении между ними и их последовательности. Наиболее четко расхождения по этим вопросам выявились в работах А. А. Зимина, И. И. Смирнова и Р. Б. Мюллер.

А. А. Зимин, датируя указ № 2 1556 г., полагает, что он подтверждал ст. 77 Судебника 1550 г. о выдаче отпускных «с боярского доклада» и в то же время сохранял в силе действие старых отпускных, выданных «без боярского доклада». При этом, если «бывший холоп все-таки будет служить у своего господина, то его отпускная аннулируется».[7] Указ № 1 А. А. Зимин относит к апрелю — декабрю 1559 г. и считает, что им уточняется порядок оформления отпускных посредством предписания обязательного приложения к отпускной боярской печати «и дьячей руки». Что же касается указа № 3, то он, по мнению А. А. Зимина, является иначе сформулированным указом № 1, его более поздней обработкой.[8]

И. И. Смирнов на основании анализа этих трех указов прослеживает ход законодательного процесса после Судебника 1550 г. Указ № 1, вернее припись Алексея Адашева, с его точки зрения, «формулирует ту норму, которая должна получить свое выражение в новом законе».[9] Тем самым указ был начальной стадией законодательного процесса и относится к самому началу 50-х годов.[10] Смысл его состоит в том, что «от-

---

[5] Там же, № 154, V, § 16, с. 257.

[6] Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астрахаиским губернатором Василием Никитичем Татищевым. М., 1768, с. 110; Изд. 2-е. М., 1786, с. 197.

[7] ПРП, вып. 4. М., 1956, с. 550; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960, с. 465—467.

[8] ПРП, вып. 4, с. 553—554; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного, с. 466.

[9] Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.—Л., 1958, с. 390.

[10] Там же, с. 394. — Так же датировал этот указ С. О. Шмидт в статье «Челобитенный приказ в середине XVI в.» (Изв. АН СССР, 1950, т. VII. Сер. истории и философии, вып. 5, с. 458).

пускные теряют свою силу, если отпущенный холоп продолжает „служить" у старого господина».[11] К этому времени относится и «вторая редакция закона» (указ № 3), представляющая собой «уже результат обработки первоначального текста»[12] и вместе с тем являющаяся завершающим звеном в законодательном процессе. Наконец, указ № 2 И. И. Смирнов датирует началом 60-х годов и считает его результатом не законодательного, а кодификационного процесса — «процесса переработки закона о холопьих отпускных в статью того же содержания, долженствующую быть приписанной к Судебнику в качестве дополнительной статьи».[13]

Р. Б. Мюллер отвергла предложенную И. И. Смирновым схему законодательного процесса, основываясь на том, что а) ведомство казначеев являлось «одним из приказов, куда наряду с другими приказами рассылались памяти, содержавшие новые указы»; б) «особого оформления указов для приписки к Судебнику не существовало», а указы «приписывались к Судебнику в том виде, в каком они были получены, т. е. чаще всего вместе с сопровождающей их памятью».[14] Что же касается соотношения между указами и их последовательности, то Р. Б. Мюллер располагает их в той очередности, которая вытекает из последовательного изменения смысла самого закона и его дополнения.[15] Указ № 1 «запрещает холопу, получившему отпускную, оставаться на службе у своего господина, но не устанавливает никаких санкций за нарушение этого правила». Отличие указа № 2 от указа № 1 состоит в том, что в нем старые незарегистрированные отпускные, выданные до Судебника 1550 г., приравниваются к новым, зарегистрированным в соответствии со ст. 77 Судебника 1550 г., и вводится санкция за нарушение указа № 1 посредством аннулирования отпускной, если холоп, получивший ее, продолжает служить у старого государя. Таким образом, Р. Б. Мюллер отметила тесную связь между этими указами и «близость их по времени издания». Указ № 3 «устанавливает обязательность регистрации старых отпускных в течение года и аннулирования незарегистрированных отпускных». Тем самым указ № 3 «отменяет действие» указа № 2, который «предполагал равную законную силу старых незарегистрированных отпускных с новыми зарегистрированными».[16]

Последовательность изменения смысла указов о холопьих отпускных дает основание Р. Б. Мюллер и датировать их, при-

[11] Смирнов И. И. Очерки политической истории..., с. 390.
[12] Там же, с. 391.
[13] Там же, с. 395.
[14] Мюллер Р. Б. Некоторые замечания об издании законодательных актов второй половины XVI в. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. IX. М., 1961, с. 336—337.
[15] Там же, с. 337.
[16] Там же, с. 338.

чем исходным пунктом служит дата 21 августа 1556 г. Известно, что около этого времени был разослан по приказам другой указ, вместе с которым рассылался и указ № 2. Таким образом, по мнению Р. Б. Мюллер, указ № 1 датируется временем ранее 21 августа 1556 г., указ № 2 — около 21 августа 1556 г., а указ № 3 — позднее 21 августа 1556 г.[17]

Рассматривая вопрос о последовательности указов, необходимо отметить следующее. Предложенная А. А. Зиминым схема соотношения между указами № 2 и № 1, основанная на различиях в порядке оформления отпускных (по указу № 2 они давались только «з боярского докладу», а уже в указе № 1 в редакции Сводного судебника «вводилась обязательность приложения к отпускной боярской печати и „дьячей руки"»),[18] справедливо отклоняется И. И. Смирновым, отметившим, что «и обязательность боярского доклада, и обязательность боярской печати и дьячей подписи при оформлении отпускных были установлены Судебником 1550 г., его ст. 77».[19]

С другой стороны, замечание А. А. Зимина об указе № 3 как об иной редакции указа № 1, возникшей в результате обработки последнего («...Трудно сказать, кем приговор был обработан: самим В. Н. Татищевым, одним из переписчиков приговора или переформулирован в правительственной канцелярии...»),[20] представляется вполне вероятным. Но оно было высказано им в форме догадки, а потому нуждается в дополнительном обосновании. Попытаемся подкрепить его некоторыми аргументами.

Как верно подметила Р. Б. Мюллер, указ № 3 отменял действие указа № 2, приравнявшего старые незарегистрированные отпускные, данные до Судебника 1550 г., к новым зарегистрированным отпускным,[21] и тем самым необъяснимо резко менял всю систему решения дел о старых отпускных грамотах, разрабатываемую в законодательстве 50-х годов начиная с Судебника 1550 г. Такое нововведение оказалось бы в противоречии не только с предшествующим законодательством, но и с практикой его реализации. И действительно, как уже было отмечено выше, Е. И. Колычевой установлено, что попытка правительства ст. 77 Судебника 1550 г. регламентировать выдачу отпускной грамоты потерпела провал. Но этот несомненный факт прекращения действия правила, касающегося отпускных грамот, даваемых после Судебника, делает едва ли возмож-

[17] Датировку указов о холопьих отпускных Р. Б. Мюллер обосновала для подготовленного в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР издания законодательных актов второй половины XVI — первой половины XVII в.

[18] Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного, с. 466.

[19] Смирнов И. И. Очерки политической истории..., с. 395.

[20] Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного, с. 466.

[21] Мюллер Р. Б. Некоторые замечания об издании законодательных актов второй половины XVI в., с. 338.

ным предположение о предпринимаемой властями попытке поставить под сомнение старые (данные до Судебника) отпускные, к тому же признанные законными недавним указом № 2. И наконец, если следовать точному смыслу указа № 3, то старые незарегистрированные отпускные грамоты подлежали регистрации в течение одного года и только в одном месте — в Москве у казначеев. Однако такое мероприятие было, во-первых, заведомо невыполнимым. Невозможно представить, чтобы все выданные до 1550 г. отпускные, находящиеся на руках у бывших холопов, живущих на огромных просторах страны, могли быть предъявлены в столь короткий срок. Кроме того, бывшие холопы и их потомки и не были в состоянии приехать в Москву, так как в подавляющем большинстве к этому времени либо стали холопами других господ, либо порядились во крестьяне. Во-вторых, указ № 3 создавал весьма странный порядок, согласно которому выдача новых отпускных грамот оставалась (в соответствии со ст. 77 Судебника 1550 г.) прерогативой трех органов — бояр и дьяков в Москве, наместников и дьяков в Новгороде, наместников и дьяков в Пскове, а регистрация старых отпускных (и тем самым приравнивание их к новым) должна была проводиться только в одном месте — в Москве у казначеев.

Помимо наблюдений над содержанием указа № 3, ставящих под сомнение его аутентичность, можно привести и ряд текстологических наблюдений, позволяющих не только усилить эти сомнения, но и, подтвердив мнение А. А. Зимина об указе № 3 как результате обработки указа № 1, высказать предположение о времени такой обработки и ее авторе.

Прежде всего отметим, что указ № 3 дошел до настоящего времени лишь в составе подготовленного В. Н. Татищевым и изданного после его смерти Г. Ф. Миллером Судебника 1550 г. Как установил С. Н. Валк, в основу этого издания положена редакция начала 1750 г., являющаяся третьей татищевской редакцией Судебника.[22] Однако рукопись, которая попала через Шумахера к Миллеру, не сохранилась, а имеющиеся три ее копии воспроизводят лишь часть оригинала: в двух — до ст. 104,[23] а в одной — до ст. 137,[24] в то время как указ № 3 пошел в миллеровское издание татищевского Судебника в качестве ст. 156.[25] Существенно, что указ № 3 отсутствует и во

[22] Валк С. Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. VII. М., 1968, с. 43.

[23] Архив ЛОИИ, кол. 115, № 434; ГИМ, ф. 73, № 1.

[24] ЦГАДА, ф. 135, 5 отд., рубр. 1, № 5.

[25] Кстати, текст именно этого указа в миллеровском издании татищевского Судебника дефектен: в нем пропущено отрицание «ие», почему большинство последующих изданий указа № 3 имеет конъектуру. Впрочем, в последнем издании татищевского Судебника, подготовленного под руководством С. Н. Валка, указ № 3 воспроизведен без конъектуры (Татищев В. Н. История Российская, т. VII, с. 358).

второй (по классификации С. Н. Валка) татищевской редакции Судебника (редакция 1740 г.), хотя она, в отличие от третьей и четвертой редакций, сохранилась полностью — в списке, в котором примечания Татищева правлены его собственной рукой,[26] и в ряде копий, сделанных после первой или второй правок Татищева.[27] И вообще, указа № 3 нет во всех списках (их около 40), содержащих дополнительные указы к Судебнику 1550 г. Немаловажно и то обстоятельство, что указ № 3 является единственным из всех дополнительных указов второй половины XVI в., дошедшим лишь в составе миллеровского издания татищевского Судебника.

В то же время в миллеровском издании татищевского Судебника отсутствует указ № 1. Однако Татищев знал о его существовании и даже включил в состав своей второй редакции Судебника в виде ст. 155.[28] Кроме того, в издании Судебника и дополнительных к нему указов, выполненном С. Башиловым, указ № 1 имеется,[29] а указ № 3 отсутствует, хотя издание Башилова было подготовлено по одному из списков, поступивших от самого Татищева. При этом из всех дополнительных указов к Судебнику у Башилова фигурирует лишь один указ, отсутствующий в миллеровском издании татищевского Судебника, а именно указ № 1.

Таким образом, имея несколько списков с текстом указа № 1 и включая его во вторую редакцию своего Судебника, Татищев при работе над третьей редакцией Судебника изымает этот указ из готовящегося к изданию текста, а вносит указ № 3, отсутствовавший как во второй редакции, так и во всех дошедших до нас списках.

Освещая в письме к Шумахеру характер своей работы над третьей редакцией Судебника, Татищев писал, что, «не имея способного писца, принужден был сам» переписать древние законы и свои комментарии к ним, вследствие чего сумел их «внятнее понять... погрешность усмотреть... а потому правильнее изъяснить».[30] Изучив приемы работы Татищева над третьей редакцией Судебника, С. Н. Валк пришел к выводу, что он «заново переработал и текст, и примечания».[31]

Этот вывод, приведенные текстологические сопоставления (в дополнение к выявленным выше несообразностям содержа-

[26] БАН СССР, Отдел рукописей и редкой книги, 16.14.9; Татищев В. Н. История Российская, т. VII, с. 260—276.

[27] ГПБ, РО, F. II. 91; там же, Погодинск. собр., 1839; там же, Эрмитажное собр., № 44; там же, F. II. 118; там же, Q. II. 97; ГИМ, ф. 450, № 75; Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 670.

[28] Татищев В. Н. История Российская, т. VII, с. 273.

[29] Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы, дополнительные к Судебнику, и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб., 1768, ч. 3, с. 42.

[30] Исторический архив. М., 1951, т. VI, с. 291.

[31] Валк С. Н. О составе рукописей... — В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. VII, с. 42.

ния указа № 3) дают основания для предположения о том, что Татищев не включил в свою третью редакцию Судебника (изданную впоследствии Г. Ф. Миллером) указ № 1 именно потому, что он взамен включил указ № 3, являющийся результатом осмысления и связанной с этим переработки непонятного для него указа № 1.[32] Таким образом, указ № 3 вряд ли может быть признан результатом законодательной деятельности центральных властей второй половины XVI в.

Что же касается указов № 1 и 2, то они тесно связаны друг с другом и дополняют друг друга. Предложенная Р. Б. Мюллер их датировка представляется нам вполне обоснованной. Оба эти указа возникли в связи с трудностями при практической реализации ст. 77 Судебника 1550 г. и отменой ею порядка, который действовал со времени Судебника 1497 г., где была ст. 18, разрешавшая боярину в Москве, наместникам, обладавшим правом боярского суда, и самим холоповладельцам, если грамоты были написаны непосредственно последними, давать отпускные.

Собственно доклад казначеев касался только одного вопроса: как поступать с отпускными, данными до Судебника 1550 г. и противоречащими, конечно, тому порядку, который был установлен ст. 77 (поскольку непосредственно об этом не было речи в Судебнике). Однако припись Алексея Адашева, являющаяся указом № 1, не дает ответа на этот вопрос, а формулирует норму, никакого отношения к запросу не имеющую, которая получает развитие затем в указе № 2. Она сводится к тому, что холопам запрещается служить у государей после выдачи им отпускных грамот, причем это запрещение распространяется указом № 2 как на холопов, получивших до Судебника 1550 г. старые отпускные, так и на холопов, получивших новые, выданные после Судебника и в соответствии с его правилами отпускные. Указом № 2 вводится также санкция за нарушение указа № 1: если холоп, получивший отпускную, продолжает служить у старого холоповладельца, отпускная аннулируется. Тем самым в указе № 2 содержится и косвенный ответ на запрос казначеев. И действительно, если запрещение служить у господ после выдачи отпускной распространяется

[32] Теоретически допустимо, что изъятие из подготовленной Татищевым третьей редакции Судебника указа № 1 и переработка его в указ № 3 произведены после смерти Татищева издателем (Г. Ф. Миллером). С. Н. Валк показал, что Миллер, «имея в руках текст Татищева и несомненно также и иные рукописи Судебника и замечая в полученном от Татищева тексте и мелкие, и более значительные неисправности, правил их без оговорок, и в таком правленном Миллером виде текст оказался в его издании Судебника» (Валк С. Н. О составе рукописей... — В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. VII, с. 44). Однако характер приведенных С. Н. Валком и исследованных им исправлений, внесенных Миллером в текст Татищева, свидетельствует о том, что они не были столь радикальными, какой является кардинальная переработка указа № 1 в указ № 3. Поэтому маловероятна, если не исключена вовсе, возможность внесения данной правки Миллером.

на те отпускные, которые были выданы до Судебника, то тем самым они признаются действительными, а нормы ст. 77 — не имеющими обратной силы.

Как видим, выработка данных указов не носила строго каузального характера: запрос казначеев по частному поводу послужил основанием для законодательного решения по более широкой проблеме.

Для того чтобы выяснить причину запрещения холопам служить у старых господ после выдачи отпускных грамот, необходимо определить характер отношений между холопом, имеющим на руках отпускную грамоту, но продолжающим служить у прежнего холоповладельца, и этим последним. На наш взгляд, холоп, отпущенный на волю, но продолжающий служить у прежнего владельца, находился фактически на добровольной службе, являлся по существу бескрепостным человеком.[33] Подобная ситуация сложилась, например, в хозяйстве Сильвестра, который писал об освобождении им своих холопов и отметил, что «ныне домочадцы наши все свободны, живут у нас по своей воли».[34] Матвей Башкин также перевел своих холопов на положение добровольных послужильцев: «А я де благодарю бога моего, у меня де, что было кабал, полных, то де есми все изодрал, да держу де государь, своих добровольно».[35]

Известно, однако, что именно в это время начинает проявляться отрицательное отношение властей к добровольной службе,[36] и это нашло отражение, в частности, в ст. 82 Судебника 1550 г.[37] и в указе от 11 октября 1555 г.[38] о недаче суда за кражу хозяйского имущества людьми, которые жили добровольно без крепости. Следовательно, и в указах о холопьих отпускных (№ 1 и 2) власти, обратившие внимание на одну из бытовых форм добровольной службы, направили свои усилия на то, чтобы уменьшить сферу ее распространения. Таким образом, указы о холопьих отпускных являются одним из первых законодательных мероприятий московских властей против документально не оформленной зависимости, позднее эволюционировавшей в добровольное холопство.

---

[33] Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975, с. 35.
[34] Домострой, по Коишинскому списку и подобиым. — ЧОИДР, 1908, кн. 2, отд. II, с. 66.
[35] ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 238, IV, с. 249.
[36] Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в., с. 33—37.
[37] Судебники XV—XVI веков, с. 170.
[38] ПРП, вып. 4, с. 514.

Н. А. Казакова

КОГДА НАЧАЛАСЬ ПОЛЕМИКА НЕСТЯЖАТЕЛЕЙ С ИОСИФЛЯНАМИ

Одной из характерных черт развития русской общественной мысли начала XVI в. является борьба двух идеологических течений — иосифлянства и нестяжательства. Согласно традиционной точке зрения, они представляют собой два противоположных (в рамках православия) направления: для иосифлянства характерны защита вотчинных прав монастырей и призыв к искоренению ересей путем беспощадного уничтожения их носителей, для нестяжательства — отрицание прав монастырей на владение вотчинами и относительно терпимое отношение к еретикам.

Попытку пересмотра традиционного взгляда предпринял Я. С. Лурье. Сопоставляя взгляды Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, он отметил, что «в конце XV в. в сочинениях обоих авторов яснее выступали черты сходства, нежели различия».[1] Черты сходства исследователь усматривал главным образом в наличии в произведениях как Нила Сорского, так и Иосифа Волоцкого принципа личного нестяжания иноков.[2] Близким было, по мнению Я. С. Лурье, и отношение иосифлян и нестяжателей к еретикам: не случайно поэтому Нил Сорский участвовал в работе собора 1490 г., осудившего еретиков, а призывы его ученика Вассиана Патрикеева к наказаниям непокаявшихся еретиков весьма напоминали инквизиционную программу Иосифа Волоцкого.[3]

[1] Лурье Я. С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. XII. М.—Л., 1956, с. 124.

[2] Там же, с. 123—126; Лурье Я. С. 1) Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.—Л., 1960, с. 251—254, 339, 340; 2) [Рец. на кн.: Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. (Л., 1970)]. — «История СССР», 1972, № 4, с. 165.

[3] Лурье Я. С. 1) Идеологическая борьба в русской публицистике..., с. 311—312, 447—448; 2) [Рец. на кн.: Казакова Н. А....] — «История СССР», 1972, № 4, с. 166—167.

Мы не можем согласиться с концепцией Я. С. Лурье, но, не имея возможности в рамках настоящей статьи дать детальный разбор его аргументации, приведем лишь главные возражения. Проповедь личного нестяжания иноков сочеталась у Иосифа Волоцкого с признанием их права на коллективное стяжание, на владение монастырскими вотчинами и эксплуатацию крестьянского труда;[4] призыву же к личному нестяжанию иноков у Нила Сорского гармонически соответствовало представление о ските как о наилучшей форме организации монашества, исключавшей возможность владения вотчинами: скит — объединение нескольких иноков, добывающих пропитание своим трудом.[5] Итак, в своем отношении к главному вопросу жизни монашества — к вопросу о его социально-экономической организации — позиции иосифлян и нестяжателей с самого начала были противоположны: иосифляне выражали интересы крупных церковных феодалов, нестяжатели — той части духовенства, которая стремилась поднять авторитет церкви путем коренной реформы монашества, заключавшейся в первую очередь в ликвидации монастырского вотчинновладения.

Недостаточно убедительны, по нашему мнению, и аргументы Я. С. Лурье в пользу близости взглядов иосифлян и нестяжателей на еретиков. На собор 1490 г. Нил Сорский мог быть приглашен в качестве видного церковного деятеля (а отнюдь не как сторонник воинствующих церковников), его роль в деятельности собора источники не освещают, и поэтому нет никаких оснований считать, что позиция Нила на соборе совпадала с позицией русских инквизиторов. Что касается Вассиана Патрикеева, то он в своих сочинениях выдвигал два четко сформулированных тезиса: 1) еретиков покаявшихся нужно прощать, и их «церковь божиа приемлет простертыма дланма», 2) еретиков непокаявшихся следует «не убивати... но или в темници затворити их, или в заточение отсылати».[6] Вряд ли нужны особые разъяснения для того, чтобы увидеть принципиальное отличие позиции Вассиана от требования Иосифа Волоцкого беспощадно истреблять всех еретиков — как покаявшихся, так и непокаявшихся.

В дореволюционной историографии при исследовании полемики нестяжателей и иосифлян не ставился вопрос о времени ее возникновения (в рамках первой трети XVI в., когда эта

[4] Взгляд на вотчины как на основу благосостояния монастырей высказан Иосифом Волоцким уже в его раннем, написанном в конце XV в. произведении «Сказание о спасительных и душеполезных книгах». (см.: Казакова Н. А. Синодик Волоколамского монастыря,— памятник идеологии раннего иосифлянства. — В кн.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, прил. 2, с. 342—357).

[5] Нила Сорского предание и устав. М., 1912, с. 87—90.

[6] Тексты сочинений Вассиана Патрикеева. См.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения, с. 251, 271.

полемика имела место). Датировки начала полемики предложены в советской историографии.

Автор настоящей статьи считает, что полемика иосифлян и нестяжателей возникла в связи с деятельностью собора 1503 г., отвергнувшего предложенную правительством Ивана III секуляризацию церковных и монастырских земель, и собора 1504 г., знаменовавшего разгром еретического движения. Решения первого собора побудили Вассиана Патрикеева, находившегося тогда в ссылке в Кирилло-Белозерском монастыре, написать свое первое произведение «Собрание некоего старца», в котором он вступил в полемику с «Докладом» собора великому князю, обосновывающим незыблемость вотчинных прав церкви. Решения второго собора, вынесшего смертные приговоры еретикам, вызвали появление полемического «Ответа кирилловских старцев» (его автором был Вассиан), в котором формулируются изложенные выше особенности отношения Вассиана к еретикам.[7]

Твердые основания для датировки «Собрания некоего старца» отсутствуют, но поскольку в нем оспаривается «Доклад» собора 1503 г., постольку естественно предположить, что Вассиан написал свое произведение в ближайшее после собора время.[8] «Ответ кирилловских старцев» можно датировать точнее. Вассиан, возражая в нем против утверждения Иосифа Волоцкого о том, что еретиков можно убивать молитвами (Иосиф ссылался, в частности, на заимствованный из церковной литературы пример катанского епископа Льва, связавшего еретика Леодора своей епитрахилью, под которой тот сгорел, а епископ остался невредимым), ядовито иронизировал: «И ты, господине Иосифе, почто не испытаешь своей святости, не связа Касиана архимандрита своею манатиею, доднележе бы он сгорел?» Упоминание юрьевского архимандрита Кассиана в качестве одного из осужденных новгородских еретиков позволяет думать, что «Ответ кирилловских старцев» был написан, когда приговор собора 1504 г. о сожжении ряда еретиков был уже вынесен, обращение же к Иосифу в настоящем времени («почто не испытаешь своей святости») и употребление далее сослагательного наклонения («донележе бы [9] сгорел»), означающего возможность, желательность действия, а отнюдь не его совершенность, заставляет считать, что во время написания «Ответа» Кассиан еще не был сожжен и, следовательно, казни еретиков еще не состоялись. «Ответ ки-

[7] В настоящей статье мы рассматриваем вопрос о начале письменной полемики между нестяжателями и иосифлянами. Устная полемика между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким по вопросу о монастырском вотчинном владении имела место уже на соборе 1503 г. Анализ деятельности собора 1503 г. см.: Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970, с. 68—86.

[8] Там же, с. 126—127.

[9] Речь идет об архимандрите Кассиане.

рилловских старцев», по нашему мнению, был написан зимой 1504 г. в промежутке между вынесением соборного приговора и казнями еретиков.[10]

Согласно концепции Я. С. Лурье, полемика между иосифлянами и нестяжателями началась после разгрома еретического движения. Первые памятники этой полемики, с точки зрения автора, были связаны не с соборами 1503 и 1504 гг., а с передачей Иосифом Волоцким Волоколамского монастыря в 1507 г. под патронат великого князя, к чему Иосифа побудили покушения на владения монастыря со стороны его прежнего сюзерена, удельного волоцкого князя Федора Борисовича. Тогда же Иосиф написал трактат в защиту вотчинных прав церквей и монастырей — «Яко не подобает святым божиим церквам и монастырем обиды творити». Время написания Вассианом Патрикеевым «Собрания некоего старца» Я. С. Лурье отодвигает на московский период жизни Вассиана после возвращения его около 1509 г. из ссылки, аргументируя свою датировку указанием на то, что спорить с «Докладом» собора 1503 г. в защиту вотчинных прав церкви можно было не обязательно вскоре после собора, но и позже.[11] Написание «Ответа кирилловских старцев» исследователь относит ко времени после казней еретиков в 1504 г., обосновывая эту датировку двумя аргументами: 1) читающееся в «Ответе» в замечании о еретике Кассиане обращение к Иосифу в настоящем времени («почто не испытаешь своей святости, не связа Касиана архимандрита своею манатиею, донележе бы он сгорел?») было «естественным после смерти Кассиана — ведь волоцкий игумен так и не испытал своей святости», 2) в «Ответе» речь идет о дифференцированном подходе к покаявшимся и непокаявшимся еретикам, а еретики стали каяться только после казней их лидеров (этот аргумент Я. С. Лурье считает главным).[12]

Мы полагаем, что начало полемики между нестяжателями и иосифлянами вряд ли следует связывать с покушениями волоцкого князя Федора Борисовича на владения Волоколамского монастыря и последующей передачей монастыря под власть великого князя: это были относительно мелкие и частные события по сравнению с решениями соборов 1503 и 1504 гг., в масштабе всей страны санкционировавших нерушимость вотчинных прав церкви и разгром еретического движения. Поскольку постановления соборов противоречили основным пунктам учения нестяжателей — отрицанию вотчинных прав монастырей, отрицанию допустимости смертных казней еретиков и

---

[10] Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли... с. 136—138.

[11] Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике... с. 426—448, особенно с. 426, 444.

[12] Лурье Я. С. [Рец. на кн.: Казакова Н. А. ...]. — «История СССР», 1972, № 4, с. 165, 166.

призыву к полному прощению еретиков покаявшихся, постольку соборные уложения не могли не вызвать полемической реакции со стороны нестяжателей. И хотя полемика с решениями соборов могла иметь место, как справедливо указывает Я. С. Лурье, и спустя значительный хронологический промежуток после завершения их работы, но логичнее будет предположить, что она возникла под непосредственным впечатлением деятельности соборов, когда острота и глубина этих впечатлений еще не были сглажены временем. Руководствуясь высказанными соображениями, мы по-прежнему считаем, что «Собрание некоего старца», в котором прямо оспаривается «Доклад» собора 1503 г. в защиту вотчинных прав церкви, было написано Вассианом Патрикеевым скорее в ближайшее после собора время, нежели по прошествии целого ряда лет, как это думает Я. С. Лурье.

Не убеждает нас и предложенная Я. С. Лурье датировка «Ответа кирилловских старцев» временем после казни еретиков. Во-первых, если бы «Ответ» был написан после казни еретиков, и в частности после казни юрьевского архимандрита Кассиана, то в ироническом обращении к Иосифу Волоцкому, в замечании по поводу Кассиана (см. выше, с. 114) Вассиан такой талантливый и эрудированный писатель употребил бы не настоящее, а обязательно прошедшее время.[13] Во-вторых, в основе дифференцированного подхода к покаявшимся и непокаявшимся еретикам в «Ответе кирилловских старцев» лежит не факт покаяния части русских еретиков после казни их лидеров, как это считает Я. С. Лурье, а историческая традиция, заимствованные из церковной литературы примеры покаяния грешников и инаковерующих и соответственно их прощения; что касается казней и покаяния части русских еретиков, то они в «Ответе» вообще не упоминаются. Следовательно, как мы об этом писали в наших прежних работах, «Ответ кирилловских старцев» был написан зимой 1504 г. после приговора собора, но еще до казней еретиков.[14]

---

[13] Было бы: «И ты, господине Иосифе, почто не испыта своей святости, не связа Касиана архимандрита своею манатиею, донележе бы он сгорел?».

[14] Недавно А. А. Зимин предложил новую датировку сочинений Вассиана Патрикеева — временем между 1517 и 1531 гг. (Зимин А. А. Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства. — Учен. зап. Казанск. гос. пед. ин-та, 1974, вып. 121. Вопросы историографии и источниковедения). Не имея возможности включить в настоящую статью анализ аргументации А. А. Зимина, мы посвятим этому специальную работу.

Р. Г. Скрынников

БОРИС ГОДУНОВ И ПАДЕНИЕ РОМАНОВЫХ В 1600 г.

Летописцы и писатели смутного времени (дьяк Иван Тимофеев, Авраамий Палицын и др.) утверждали, будто царь Борис подвергал гонениям высокородную знать, «наипаче» грабил «домы и села бояр и вельмож» и т. д.[1] Историки склонны были прислушаться к их словам. Годунов, писал С. Ф. Платонов, действовал против знати и крепостной массы в пользу средних классов и погиб, когда на него ополчились верх и низ московского общества.[2]

Политика закрепощения, проводимая Годуновым, несла неволю крестьянским массам. И народ действительно выражал недовольство режимом Бориса. Что же касается его взаимоотношений с дворянством и знатью, они отличались сложностью и, во всяком случае, не подчинялись единой схеме. В обстановке «великого голода» 1601—1602 гг. царь Борис временно восстановил Юрьев день на землях провинциальных служилых людей, составлявших основную массу феодального сословия. Интересам рядового дворянства нанесен был ущерб. Популярность нового царя в провинциальной дворянской среде упала. В то же время Годунов сохранил неприкосновенным крепостной режим на землях боярской знати, князей церкви и столичных чинов.[3] Его указ прочно оградил интересы и привилегии знати.

После прихода к власти Романовых писатели и мемуаристы старались изобразить Бориса как честолюбца, безжалостно преследовавшего знать, родственную царскому дому. В их произведениях опала на самих Романовых получила совершенно непомерную и преувеличенную оценку, заслонив собой прочие

[1] Платонов С. Ф. Борис Годунов. Пг., 1922, с. 80, 92.
[2] Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951, с. 75; Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, с. 258.
[3] ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 20.

факты, характеризовавшие политику Бориса в отношении к знати. Романовы очень разбогатели и выдвинулись при Иване IV Грозном. Но и тогда они далеко уступали первые места удельной и княжеской аристократии.

В конце жизни Грозного его дума насчитывала не более двенадцати бояр и была расколота на земскую и «дворовую» половины. Исключительным влиянием в ней пользовались девять думных дворян, в числе которых были главные любимцы царя Б. Я. Бельский и А. Ф. Нагой.

Дума Годунова значительно отличалась от думы Грозного. Борьба за трон и Земский собор 1598 г. показали Борису, что будущее его династии зависит от боярства. Новый царь, казалось бы, забыл о всплеске аристократической реакции, едва не погубившей его карьеру после смерти Ивана IV. Утверждение на троне изменило для него всю ситуацию. По случаю коронации Борис распахнул перед знатью двери думы. Своим аристократизмом годуновская дума могла бы поспорить с думой Ивана III. В ней было множество рюриковичей и литовских гедиминовичей, в жилах которых текла королевская кровь. Князь Ф. И. Мстиславский, соперничавший с Борисом в дни царского избрания, был прощен Годуновым и сохранил удельное княжение и пост главы Боярской думы. Подле Мстиславского стояли другие гедиминовичи — Куракины и Голицыны. Князь А. П. Куракин, немало повредивший Годунову в первые годы правления царя Федора (за что поплатился длительной ссылкой), после коронации Бориса стал заседать в его думе в боярском чине.[4] Боярами были князья И. И. Голицын и А. И. Голицын. И хотя Годунов не доверял этой фамилии, он тем не менее в 1602 г. пожаловал в бояре В. В. Голицына.[5]

Опричнина нанесла сильный удар княжеской знати, наиболее близкой по крови правящему дому. Многие ростовские, ярославские, стародубские князья лишились вотчин и отправились в изгнание на восточную окраину государства. Иван Грозный казнил влиятельнейшего из суздальских князей А. Б. Горбатого. Лишились головы бояре князья С. В. Ростовский, А. И. Катырев, Д. И. Хилков и др. В думе же царя Бориса четверо братьев бояр Шуйских — князья Василий, Дмитрий, Александр и Иван — занимали самое высокое положение. Борис произвел в бояре князей М. П. Катырева-Ростовского (с 1598 г.) и П. И. Буйносова-Ростовского (с 1602 г.). После тридцатилетнего унижения князья Ростовские вновь вошли в думу с высшими думными чинами. Опираясь на местническую старину, они пытались «тягаться» с Мстиславским и Шуйскими. Появились в думе Годунова и стародубские князья, изгнанные оттуда опричниной. В. Д. Хилков в 1598 г. получил чин

[4] ААЭ, т. II. СПб., 1840, с. 48, 50.

[5] Разрядная книга 1375—1605 гг. — ГПБ, РО, Эрмитажн. собр., д. 390, л. 945 об. (далее — Разряды).

окольничьего. Опричнина сломила могущество оболенских князей. В числе ее жертв были князь А. Ноготков, убитый в Москве, и князь М. Ноготков, бежавший в Литву. Борис вернул Ноготковых в первые ряды московской знати. Он пожаловал в бояре князя Ф. А. Ноготкова и использовал его блестящее родословие, чтобы уничтожить местническое значение Романовых.

Скупее Борис жаловал чинами старомосковскую нетитулованную знать. И все же в его думе заседали трое Романовых, Морозовы, Салтыковы, Шеины, Шереметев, Бутурлины, Басмановы-Плещеевы. Бывшие сподвижники Годунова по опричнине рассчитывали, что его воцарение нарушит устоявшуюся систему местнических отношений. Но их надежды развеялись в миг. Когда Полевы и Пушкины дерзко заместничали с «великими» Салтыковыми, их сразу одернули и примерно наказали.[6]

При Борисе Боярская дума сохранила значение представительного органа боярской аристократии. Получив высшую власть, Борис не вернул думному дворянству того влияния, которым оно пользовалось при Грозном.[7]

Годунов старался не допустить расширения конфликта с аристократией. Отчасти ему удалось достичь эту цель. Во всяком случае, после коронации он столкнулся с оппозицией не со стороны княжеской знати, а со стороны бывших сподвижников по опричной службе. Дело Б. Я. Бельского служило самым ярким тому примером. Грозный не мог пожаловать своему любимцу высокий думный чин из-за редкого худородства. Отдавая дань родству (Бельский доводился двоюродным братом царице Марии, жене Годунова), Борис первым подал руку свояку и при коронации произвел его в окольничие.[8] (Тогда милостями были осыпаны все вожди оппозиции). Но хлопоты оказались не слишком удачными, и, опасаясь новых интриг со стороны последнего душеприказчика Грозного, царь Борис использовал первый же повод, чтобы выпроводить его из столицы. Летом 1599 г. Б. Я. Бельский был послан с военной экспедицией на Северский Донец, чтобы основать там новую крепость Царев-Борисов. Воевода отправился в поход в сопровождении своего многочисленного «двора» и с огромным обозом продовольствия, собранного в вотчинах. В подчинении Бельского на-

---

[6] Там же, л. 873 об.

[7] В думных дворянах служили И. П. Татищев (до 1602—1603 гг.), Е. Л. Ржевский (умер 17 января 1599 г.), князь П. И. Буйносов (до 1602 г.), Е. М. Пушкин (1598—1602 гг.), М. И. Татищев (с 1599 г.), Б. В. Сукин (с 1604 г.), И. М. Пушкин (с 1604 г.), А. М. Воейков (с 1605 г.). Думный дворянин Д. И. Черемисинов вернулся из ссылки в 1600 г. и тогда же умер (ААЭ, т. II, с. 48, 50; Разряды, л. 838 об., 879, 903, 945 об., 989; Белокуров С. А. Разрядные записки за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907, с. 133; ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, л. 55 об.).

[8] ААЭ, т. II, с. 48.

ходилось три тысячи дворян, стрельцов и казаков.[9] Всю эту армию воевода щедро дарил жалованием и платьем, поил и кормил из своих запасов. Он добивался популярности и достиг цели: слухи о его щедрости дошли до Москвы, и служилые люди повсюду хвалили его. Правительство было не на шутку встревожено намерениями Бельского. К тому же Бельский не скрывал перед своими подчиненными пренебрежения к царю. Пусть Борис Федорович царствует на Москве, заявлял воевода, а я теперь царь в Цареве-Борисове.[10] Служилые иноземцы поспешили донести о крамольных речах Бельского в Москву. Летом 1600 г. воевода был разжалован и отозван из армии. Царь велел «покорить» его «многими позоры». «Мятежника» обесчестили, выщипав ему длинную бороду, и сослали «за приставы» в Нижний Новгород.

После коронации Борис настойчиво добивался примирения с семьей Романовых. Он сделал боярином и дворовым воеводой А. Н. Романова, недавнего претендента на корону, и произвел в окольничие М. Н. Романова.[11] Мир, однако, вышел кратковременным и непрочным. Русские источники не сообщают почти никаких подробностей, связанных с падением Романовых. Следственные материалы по делу не сохранились. Долгое время оставалось неизвестным даже время опалы на этих бояр. Заполнить этот пробел помогает вновь найденный источник — дневник польского посольства в Москве. Полный текст дневника, по-видимому, утерян. Однако в Отделе рукописей и редкой книги Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится фрагмент этого дневника в немецкой копии.

Наибольший интерес представляет дневниковая запись, датированная 26 октября (2 ноября) 1600 г. «Этой ночью, — записал один из членов посольства, — как и его сиятельство канцлер сам слышал, мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка (Кремля) с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало». Стрельцы получили от Бориса приказ захватить укрепленное подворье Романовых на Варварке. «Дом, в котором жили Романовы, — записано далее в дневнике, — был подожжен; некоторых (опальных. — *Р. С.*) он (Борис. — *Р. С.*) убил, некоторых арестовал и забрал с собой и через 10 дней Второй Романович и князь Бинский приняли смерть».[12] Информация по поводу гибели А. Н. («Второго») Романова не соответствовала действительности. Однако этот человек в самом деле стал главным обвиняемым в затеянном Борисом процессе.

Осудить Романовых помог донос их казначея В. Бартенева. Он сообщил, будто боярин А. Н. Романов хранит у себя в казне

[9] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, стлб. 1, л. 76, 85—89.

[10] Буссов К. Московская хроника. М.—Л., 1961, с. 92—93; Временник И. Тимофеева, с. 212.

[11] Разряды, л. 894—894 об.; ААЭ, т. II, с. 48.

[12] ГПБ, РО, ф. 7 (Ф. Аделунга), № 193, л. 37.

волшебные коренья для порчи царской семьи. Царь снарядил окольничего М. Г. Салтыкова с комиссией для обыска на дворе арестованных бояр. Когда зелье было найдено, дума и высшее духовенство собрались на патриаршем дворе для рассмотрения дела. В присутствии высших чинов государства царь велел М. Г. Салтыкову раскрыть найденные мешки и «то корение из мешков выкласти на стол». Улика произвела столь серьезное впечатление, что суд тотчас осудил злоумышленников.[13]

После пятнадцати лет правления Годунов не страшился открытых выступлений и готов был подавить их силой. Но подверженный суевериям, он чувствовал себя беззащитным против колдовства. Чтобы спастись от «порчи», Борис обязал подданных особой клятвой. Всяк должен был обещать на кресте «царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не посылать», «людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо».[14]

Сохранившийся отрывок дела о ссылке Романовых подтверждает, что они стали жертвами колдовского процесса. В нем процитирована такая речь пристава, обращенная к закованному в «железа» В. Н. Романову: «Вы, злодеи-изменники, хотели достать царство ведовством и кореньем».[15] Телохранитель Бориса Конрад Буссов также отметил, что опальных Романовых обвинили в намерении «извести царскую семью».[16]

В Боярской думе у Романовых нашлось много противников. Окольничий М. Г. Салтыков непосредственно участвовал в следствии об их измене. Боярин князь П. И. Буйносов-Ростовский распоряжался «на опальном дворе» Федора Романова после его ареста. Во время разбора дела в думе бояре, по словам близких к Романовым людей, «аки зверие пыхаху и кричаху». Будучи в ссылке, Ф. Н. Романов с горечью говорил: «Бояре, де, мне великие недруги, искали, де, голов наших, а ныне, де, научили на нас говорити людей наших, а я, де, сам видел то не одиножды».[17] Романовы имели все основания жаловаться на бояр. Высшая аристократия, не поддержавшая претензий Романовых во время избирательной борьбы, через два года помогла Борису расправиться с ними.

В деле Романовых можно заметить странные несоответствия. В ведовстве и хранении кореньев обличен был один Александр Никитич, наказанию же подверглись и его братья, и множество других важных лиц: князья Черкасские, Сицкие, Шестуновы, Репнины.

---

[13] ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, с. 58.
[14] ААЭ, т. II, с. 58—59.
[15] ЦГАДА, ф. 146, № 7, 1601 г., л. 30; АИ, т. II, СПб., 1842, № 38.
[16] Буссов К. Московская хроника, с. 93.
[17] ЦГАДА, ф. 146, № 7, 1601 г., л. 71—72.

Каковы были подлинные причины расправы с ними? Факты позволяют ответить на этот вопрос с достаточной определенностью. Еще до коронации Годунова за рубеж стали поступать сведения о его тяжелой болезни. Один современник метко заметил, что Борис царствовал шесть лет, «не царствуя, но всегда болезнуя».[18] Врачи оказались бессильны помочь его недугу, и царь искал спасения в молитвах и богомольях. В конце 1599 г. он не смог своевременно выехать на богомолье в Троицу, и его сын собственноручным письмом известил монахов, что причина задержки в том, что батюшка его «недомогает».[19] К осени 1600 г. здоровье Бориса резко ухудшилось. Один из польских послов, составивший рифмованное повествование о путешествии в Москву, замечает, что властям не удалось сохранить в тайне болезнь царя и в городе по этому поводу поднялась большая тревога. Для обсуждения сложившейся ситуации была спешно созвана Боярская дума, после чего Бориса, по его собственному распоряжению, отнесли на носилках из дворца в церковь, чтобы показать народу, что он еще жив.[20]

Слухи о близкой кончине Годунова породили призрак династического кризиса. Подготовляя почву для переворота, оппозиция распространяла в России и за рубежом слухи о болезненности и слабоумии наследника престола царевича Федора. Находившиеся в Москве польские послы утверждали, будто у Годунова очень много недоброжелателей среди подданных, число строгостей против них растет ото дня ко дню, но строгости не спасают положения. «Не приходится сомневаться, — писали поляки, — что в любой день там должен быть мятеж».[21]

Польские послы потратили немало усилий на то, чтобы установить причины ночного нападения на подворье Романовых. Собранная ими информация особенно интересна тем, что она исходила от московитов, симпатизировавших Романовым. «Нам удалось узнать, — записано в польском диевнике, — что нынешний великий князь (Борис. — *Р. С.*) насильно вторгся в царство и отнял его от кровных родственников умершего великого князя Никитичей Романовичей. Названные Никитичи Романовичи усилились и, возможно, снова предполагали заполучить правление в свои руки, что и было справедливо, и при них было достаточно людей, но той ночью великий князь (Борис. — *Р. С.*) на них напал».[22]

Дневниковая запись раскрывает подлинные причины гонений на братьев царя Федора. Тяжелая и продолжительная болезнь Бориса дала Романовым надежду на то, что они вскоре смогут

[18] РИБ, т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. 911.

[19] Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. М., 1842, с. 655—656.

[20] Дневник польского посольства в Москве 1600 г. — «Biblioteka Warszawska», 1896, № 3, с. 426.

[21] Там же.

[22] ГПБ, РО, ф. 7, № 193, л. 37.

вновь вступить в борьбу за обладание короной. Родня царя Федора владела несколькими укрепленными городками и обширнейшими вотчинами. Их вооруженная свита была достаточно многочисленна. По случаю болезни Годунова Романовы собрали свои военные силы в столице. В такой обстановке Борис велел верным стрелецким войскам штурмовать боярское подворье. Романовы оказали отчаянное сопротивление.

За что подверглись преследованиям многие другие знатные лица? Может быть, они были причастны к романовскому заговору? Такое предположение кажется сомнительным. Вероятно, дело было в другом. Малолетний наследник Бориса имел совсем мало шансов удержать за собой трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного царя оставалось единственное средство ее спасения. Борис постарался устранить всех возможных претендентов на трон заодно с их приверженцами. Среди романовской родни первым пострадал боярин князь Ф. Д. Шестунов. Один из его слуг донес властям на его злоумышления. Царь щедро наградил доносчика, но не стал наказывать престарелого боярина. Шестунов умер под домашним арестом своею смертью до опалы Романовых.[23] Если бы он кончил жизнь в тюрьме или изгнании, Борису непременно приписали бы еще одно убийство.

А. Н. Романова и его братьев обвинили в тягчайшем государственном преступлении—попытке извести царскую семью. Тем не менее никто из них не был приговорен к смертной казни. Борис не знал, как ему поступить. Несколько месяцев опальные оставались в столице. Наконец, судьба их решилась. Если бы царь намеревался использовать ссылку, чтобы без шума уничтожить своих противников, он непременно отправил бы туда главного претендента на трон Ф. Н. Романова. Царь же постриг его в монахи и заточил в Антониев-Сийский монастырь. Это свидетельствует о том, что у Годунова не было намерения физически устранить опаснейшего из своих соперников. Монашеский куколь спас жизнь старшему из Никитичей, но отнял у него шансы на обладание троном: расстрига не мог одеть на себя корону. Большего Борису и не надо было. Зять Федора Никитича боярин князь Б. К. Черкасский попал в тюрьму на Белоозеро. Он давно болел и потому умер довольно скоро. Другой зять Романовых боярин князь И. В. Сицкий попал в монастырь. Младшие братья Ф. Н. Романова отправились в ссылку: кто на берег Студеного моря, кто в Пермский край, кто в Сибирь. Некоторые ссыльные получили разрешение взять к месту поселения по холопу. Опале подверглись князь А. Репнин, дворяне Карповы и т. д. Александр, Михаил, Василий Романовы погибли в изгнании. Их смерть поспешили приписать тайному приказу царя. На самом же деле удивительна была не гибель ссыльных, а то, что неко

[23] ПСРЛ, т. XIV, с. 52.

торые из них уцелели. Осужденных везли за тысячи верст в Сибирь, либо на берег Студеного моря по бездорожью, в тяжких цепях, нередко в лютые морозы, кормя скудной пищей.

Как только кризис в Москве миновал, царь Борис смягчил ссыльным режим заключения. Старца Филарета (Ф. Н. Романова) велено было содержать в монастыре так, чтобы ему «не было нужи». Дети Филарета и вдова его брата А. Н. Романова получили разрешение вернуться с Белоозера в одну из родовых вотчин. Оставшиеся в живых И. Н. Романов, И. Б. Черкасский и Сицкие в 1602 г. получили прощение и были возвращены на службу. Годунов учинил следствие по поводу жестокого обращения приставов с больным В. Н. Романовым.

В то время как розыск об измене Романовых подходил к концу, царь отставил от дел печатника и посольского дьяка В. Я. Щелкалова. Он оказался не у дел с лета 1601 г. Современники утверждали, будто дьяк утратил и думные чины, и все имущество.[24] Но, кажется, они были не вполне правы. Прошло три года и думный дьяк В. Я. Щелкалов выставил в поле против самозванца полсотни вооруженных воинов из своих обширных вотчин.[25] Как видно, опальный был к тому времени прощен.

Некогда Борис смог устоять в критические для него годы только благодаря поддержке сначала Б. Я. Бельского, а затем Романовых и Щелкаловых. Все они оказались в оппозиции Годунову, когда разгорелась борьба за трон. Теперь Борис решительно устранил со своего пути всех, кто когда-то способствовал его успеху.

Бывший опричник Борис действовал в отношении противников совсем не так, как Иван Грозный. Тем не менее расправами он немало скомпрометировал себя в глазах современников. После воцарения Романовых летописцы не жалели красок, чтобы расписать злодейства Годунова и представить членов опальной семьи в ореоле мученичества. Из летописей драматический эпизод перекочевал на страницы исторических и литературных произведений. В трагедии «Борис Годунов» великий поэт устами исторических Пушкиных осудил весь режим и образ правления Годунова:

Афанасий Пушкин

... Он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет...
...Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там — в глуши голодна смерть иль петля.

---

[24] Временник И. Тимофеева, с. 73.

[25] Роспись русской армии 1604 г. — ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, № 1074, столпик 12, л. 43. Роспись подготовлена к печати А. Л. Станиславским.

В устах врагов Бориса такая оценка вполне уместна. Но она поражает своей пристрастностью. Картина выдержана в самых мрачных тонах, что лишает ее достоверности. На деле режим Годунова весьма мало напоминал террористические методы управления царя Ивана IV. Как политик Борис оказался много выше своего предшественника и даже в самые критические моменты не прибегал к погромам, резне и кровопролитию. Его опалы отличались кратковременностью. Участь семьи Пушкиных может служить лучшим тому примером. До царствования Годунова Пушкины никогда не допускались в Боярскую думу. Борис нарушил традицию, пожаловав в думные дворяне Е. М. Пушкина. Своим успехом последний был обязан скорее всего родству со знаменитым М. Скуратовым. Во всяком случае, когда Малюта погиб у стен шведской крепости, царь Иван IV поручил погрести его тело не его братьям, находившимся под рукой, а Е. М. Пушкину, который и доставил тело Скуратова в Иосифов-Волоколамский монастырь и пожертвовал на помин его души различное имущество.[26] Опала Бельского в 1600 г. совпала по времени со ссылкой Пушкиных в Сибирь. Будучи воеводой в Тобольске, Е. М. Пушкин умер. Однако Борис вскоре же сделал думным дворянином его родного брата. Прочим Пушкиным разрешили покинуть Сибирь, и они получили обычные служебные назначения.[27]

При Годунове подозрения в государственной измене навлек на себя боярин князь И. И. Шуйский. Его слуги подали донос на господина «в коренье и в ведовском деле». Борис имел прекрасный повод для расправы со всем родом Шуйских. Но он предпочел взглянуть на дело сквозь пальцы. И. И. Шуйский, возможно, лишился части земель, но избежал более серьезного наказания и даже не был отставлен от службы.[28]

Вопреки традиционным представлениям, боярские верхи были далеки от того, чтобы объединиться с крестьянскими низами в своей оппозиции режиму Годунова. Напротив, чем явственнее становились признаки надвигавшейся социальной катастрофы, тем больше сплачивались верхи вокруг монарха. Неудачная война с самозванцем и внезапная смерть Бориса резко изменили ситуацию.

---

[26] ЦГАДА, ф. 181, № 141, л. 75 об.

[27] Подробнее см.: Скрынников Р. Г. Борис Годунов и предки Пушкина. — «Русская литература», 1974, № 2, с. 131—134.

[28] Опись архива 1626 г. — ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 2, л. 430.

А. И. Копанев

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЧЕРНОМ КРЕСТЬЯНСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ XVI—XVII ВВ.

Цель статьи — указать основные законодательные памятники о черносошном землевладении северных крестьян. Чтобы было ясно последующее изложение, сделаем несколько предварительных замечаний.

Давно ведутся споры, да и сейчас нет единодушия относительно природы крестьянского землевладения. Одни историки, и их явное меньшинство, считают, что земли, не входившие в состав собственно феодальных владений, являлись собственностью крестьян, населявших эту землю, иначе говоря: черносошные северные крестьяне, не захваченные феодалами, были собственниками земли. Другие историки, и их большинство, считают, что черные земли — это разновидность феодальной собственности. Собственником этих земель был князь или царь как глава феодального государства, а черносошные крестьяне являлись не собственниками, а лишь владельцами своих наделов. Есть еще третья точка зрения так называемой разделенной собственности, согласно которой черносошная земля находилась в руках двух собственников — крестьянина и феодального государства.

Автор данной статьи является сторонником первой точки зрения, т. е. считает черносошного крестьянина собственником своей земли. Основание для такого мнения он находит в тысячах и тысячах крестьянских поземельных актах, фиксирующих без какого-либо вмешательства со стороны государства, т. е. совершенно свободно, самые различные сделки на земли: куплю-продажу, дарение, передачу в качестве приданого, обмен, вклад и т. д. Все эти сделки исходят из предпосылки наследственности крестьянского владения в семье и иногда фиксируют владение 3—4 поколений. В них проявлялось в полной силе «право индивида или семьи» использовать средства производства (землю) «своей властью и в своем интересе», как говорят

юристы, видящие в этом один из существеннейших признаков собственности.

Можно ли считать эту вековую принадлежность земли крестьянину, на которую он имел полное право распоряжения, его владением? Нам представляется, что оснований для этого нет. Вот как определяет владение Ленин в «Речи по аграрному вопросу 22 мая 1917 г.»: «Владение еще не есть собственность, владение есть временная мера и владение каждый год переменяется. Крестьянин, который получает в аренду кусочек земли, не смеет считать, что земля его».[1] Следовательно, В. И. Ленин выделяет для владения два момента: а) временность и б) невозможность для крестьянина считать эти земли своими. То и другое, как видим, совершенно не соответствует статусу земель черносошного крестьянина, для которого состояние «временности» совсем отсутствует и характерно осознание земли как своей, которой он может распорядиться по своей воле. Что же касается собственности на землю государства, своеобразной национализации земли в Московском государстве, то В. И. Ленин считал ее вполне определенно сомнительной. В докладе об Объединительном съезде В. И. Ленин, говоря о национализации земли как программном требовании, вскрыл неосновательность утверждений Г. В. Плеханова, что «национализация земли была экономической основой Московской Руси допетровской эпохи» и поэтому неприемлема для революционеров из-за опасности реставрации. В. И. Ленин писал: «Взгляните сначала на эту „национализацию в московской, допетровской Руси". Не будем уже говорить о том, что исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь. Говорить о национализации земли в допетровской России серьезно не доводится, — сошлемся хотя бы на Ключевского, Ефименко и др.».[2] Какие места из сочинений указанных историков имел в виду В. И. Ленин — не известно. Приведем здесь, однако, цитату из А. Я. Ефименко, которая, на наш взгляд, подтверждает мысль, высказанную В. И. Лениным. А. Я. Ефименко на основе изучения богатого актового материала XV–XVII вв. в книге «Исследования народной жизни» писала: «Владел ли крестьянин целой деревней или даже несколькими деревнями... владел ли он только участком, жеребьем, долей деревни — он одинаково был собственником своей земли».[3] И действительно, говорить о национализации земли в таких условиях, по справедливому выражению В. И. Ленина, «не доводится». Поэтому исходить при изучении крестьянских поземельных отношений в черносошной деревне из посылки, что

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 179—180.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 14.

[3] Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1. М., 1884, с. 250.

собственником земли был князь или царь, у нас нет оснований. Отсюда очевидный вывод — собственником ее был крестьянин. Однако признание черносошного крестьянина собственником своего надела недостаточно, так как наряду с этим как член общины крестьянин имел право пользоваться общинными землями и угодьями. «Компромисс между общинным и частным землевладением»[4] — сосуществование этих двух форм крестьянского землевладения — пронизывает все поземельные отношения черносошных крестьян.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению тех юридических норм, которые устанавливались для черносошных крестьян в законодательстве XV—XVII вв.

О черносошном землевладении говорит Судебник 1497 г. Ст. 63, определяющая давность по земельным искам, гласит: «А взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре, или боярской на монастыре, или монастырской на боярине, ино судити за три годы, а дале трех годов не судити. А взыщет черной на черном, или поместник на помесчике, за которым земли великого князя, или черной или сельской на помесчике, или помесчик на черном и на сельском, ино судити потому ж за три годы, а дале трех годов не судити. А взыщут на боярине или на монастыри великого князя земли, ино судити за шесть лет, а дале не судити». Как видим, в статье фигурируют наряду с четырьмя формами феодального землевладения — боярско-вотчинным, монастырским, поместным и дворцовым — и землевладение черное, т. е. землевладение черносошных крестьян. Причем крестьянин так же правоспособен в отношении своей земли, как и другие землевладельцы: он мог вчинять иск о земле не только равному себе черносошному крестьянину, но и феодалу — боярину, монастырю, помещику. На иски между черносошными крестьянами, крестьянами и помещиками распространялся тот же трехлетний срок, что и на иски феодальных владельцев. Лишь дворцовое ведомство в отношении своих исков к боярам и монастырям пользовалось привилегией — расширенным сроком давности (в 6 лет). Имущественная дееспособность и правоспособность черносошного крестьянина, выявляющиеся в его действиях по защите своих земельных владений по ст. 63, находили свое выражение: а) в свободном использовании их крестьянином «в своем интересе и по своей воле» и б) в различных формах распоряжения. Ст. 63, следовательно, была юридическим основанием для крестьянина в защите своей земельной собственности.

Нормы ст. 63 Судебника 1497 г. сохранены полностью Судебником 1550 г. (ст. 84), следовательно, юридическое положение черносошных крестьян, хотя они численно и уменьшились, к тому времени оставалось прежним. Судебник 1550 г.

[4] Ленинский сборник, XIX. М.—Л., 1932, с. 31.

предоставляет черным крестьянам то же право отстаивать свои земли в суде, что и Судебник 1497 г.

И крестьяне пользовались своим правом. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные дела конца XV — начала XVI в., когда крестьяне предъявляли иски к монастырям о захвате ими волостных земель. Такие дела возникают и позднее. Так, вскоре после издания Судебника 1550 г. крестьяне Оштинской волости возбудили дело против помещика К. И. Скобельцина, который со своими людьми «пашет их волостную землю, перелезши через межу». Правительство оградило крестьянские земли, обязав местные власти развести «волостную землю от поместной».[5] Возникали земельные дела и между крестьянами. Так, староста Шимоозера в ноябре 1556 г. жаловался, что крестьяне Оштинской волости «в землях во дворах и во всяких сплетках» обращаются к судебным органам, а на них, шимоозерцов, накладывают судебные расходы.[6] Возникающие поземельные дела как между самими черносошными крестьянами, так и между ими и феодалами свидетельствуют о существовании реальной собственности крестьян на их наделы, признаваемой обоими Судебниками.

Выше мы говорили, что волощане имели земли в общем владении. Косвенное отражение этот факт нашел в Судебниках в статьях о крестьянском отказе. Обе статьи (ст. 57 Судебника 1497 г. и ст. 88—1550 г.) начинаются со слов об отказе крестьян «из волости в волость» (в первом, правда, второе слово опущено). Что понимать под волостью? Это может быть феодальное владение («волостка» писцовых книг), но может быть и крестьянская волость — община. Понимание слова «волость» в последнем смысле расширяет применение нормы об отказе на черносошную волость. И это действительно было так. Вот яркий пример. В 1555 г. представители черных станов Ржевы пустой жаловались на соседних помещиков, что они «вывозят за себя крестьян из Ржевы из черных деревень, не по сроку, по вся дни, безпошлинно», а когда отказчики из черных деревень приезжают к ним «отказывать в ... черные деревни во Ржевские, которые крестьяне похотят итти жити в те черные деревни, и те деи дети боярские отказчиков бьют и в железа куют, а крестьян де их за себя не выпущают... а поимав их бьют, а пожилое на них емлют не по Судебнику, рубли по 5 по 10».[7] Итак, черносошные волости перезывали в Юрьев день жильцов-крестьян даже из поместий, посылая своих представителей-отказчиков, и платили пожилое. Это обстоятельство показывает, что волости имели в своем общем владении определенные земли, которые предназначались юрьевским новоприходцам, имели и общественные суммы для уплаты в таком

[5] ДАИ, т. I. СПб., 1846, № 51, XV.
[6] Там же, XVII.
[7] Там же, № 56.

случае пожилого. Включение волости в качестве стороны, участвующей в юрьевских операциях не только в пассивной, но и в активной роли, подтверждает юридическое значение волости (юридическое лицо), а также косвенно свидетельствует о признании в законодательстве факта существования в волости земель, находящихся в общем пользовании, и признания прав волости ими распоряжаться.

Разобранные статьи обоих судебников, упоминающие прямо черносошные земли или их несомненно подразумевающие, выясняют их юридическое положение как собственность крестьянскую.

Наиболее полную сводку норм права относительно черносошного землевладения мы находим в третьем Судебнике — Судебнике 1589 г.— царя Федора. Возникнув в Подвинье (в крестьянской среде) в результате переработки Судебника 1550 г. и некоторых указов применительно к практике волостного суда, базирующейся на обычном праве, Судебник 1589 г. многосторонне отразил особенности жизни русского Севера. По нему мы можем судить не только о судоустройстве и судебном процессе конца XVI в., но и о правовых основах хозяйственной деятельности крестьянина. Нормы Судебника 1589 г., регулирующие поземельные отношения среди черносошных крестьян, дают возможность охарактеризовать юридическую природу крестьянского землевладения.

Очень важное значение имеет для нас фиксация в Судебнике 1589 г. права частной собственности крестьянина на землю, на свой надел, на свою деревню. По ст. 165 такой собственностью является земля, перешедшая от отца к детям. «А хто после живота своего отпишет деревню детям, то им вотчина ввек». Употребление термина «вотчина» применительно к деревне, ее части или другому земельному участку наблюдается повсеместно в поземельных актах. Крестьянин именует свою землю «вотчиной своей», «отца своего вотчиной» или «деда и отца своего владением», «куплями отца», «деда», «матки» и т. д. Термин «вотчина» под пером составителя Судебника 1589 г. имел одно значение — собственность. Переход крестьянского надела по женской линии (дочери), закрепленный ст. 190 («а которой человек умрет без духовные грамоты, и не будет у него сына, ино статки все и землю дочере»), лишь подчеркивает незыблемость принципа частной собственности. По ст. 163 крестьянин мог продать вотчину, а купивший (по ст. 66, 167) перепродать, заложить или променять ее третьим лицам, без какого-либо вмешательства, в том числе и государственных органов. Категорическое предписание ст. 161 скупать наезжие пашни («а хто наездом деревню пашет, и ему больше трех годов не пахати наездом; либо скупать, либо сподавати с суда и з жеребия») исходит из того же представления о собственности: через 3 года земля, паханная наездом

с разрешения волости, должна приобрести статус собственности Крестьянин и по Судебнику 1589 г. мог защищать свою собственность. «А взыщет крестьянин на крестьянине, ино судити за 3 годы. А крестьянин на землю суда не поставит в 3 годы и не бьет челом о обиде, и ему дале того не давати» (ст. 150). Как видим, Судебник 1589 г. следовал за разобранными статьями судебников 1497 и 1550 гг. (там формула звучала «...а взыщет черной на черном»), что свидетельствует об устойчивости юридического статуса черносошных земель.

Детально в Судебнике 1589 г. разработаны нормы, относящиеся к общинной собственности. В общем владении находился лес. В ст. 177 говорится, что за деревенскими межами шли общие леса («вопчей лес царев и великого князя»), которыми деревни не владели. Такой «вопчей лес» разрешалось распахивать («а черной лес пахати в суземке просто, без делу где не молодь, хто сколько может») крестьянам всех деревень. Так появляются «отхожие пожни», которые уже как частная собственность (собственность результат вложенного труда) охранялись от потрав ст. 171 Судебника. Отзвук волостной общности очевиден и в норме Судебника 1589 г. об отказе в потраве пострадавшему после Семенова дня, т. е. после 1 сентября. («А протрава до Семена дни, а после Семена дни протравы нет»). Следовательно, скот одной деревни после «Семена дни» мог пастись по полям другой. В актах говорится об разгораживании полей. По актам известно, что волость владела охотничьими угодьями. Но часть их со временем переходила во владение отдельных деревень, т. е. становилась собственностью деревенских общин. По ст. 159 следовало делить «по-вытно по-купчим» земли деревни и «путики». Правда, ст. 176 еще оговаривается право промысловикам «дальних деревень» ходить к угодьям и «путикам» «иных деревень», но только с обязательного согласия владельцев последних. Это, конечно, рудимент более раннего владения угодьями более широким коллективом, чем деревня. Судебник регулирует отношения между складниками-соседями, исходя при этом из общности поземельной деревни. Так, «молоди», земли, поросшие небольшим лесом, соседи могли вновь распахивать лишь сообща, по разделу, с тем чтобы ранее заложенный труд приносил выгоду всем (ст. 174). Определял Судебник и передел земли в деревне, если кто-либо из складников посчитает свою долю не соответствующей его правам — купчим грамота (ст. 159), и устанавливал компенсацию владельцу участка в случае, если его земля будет занята хоромами другого хозяина (ст. 162). Итак, Судебник 1589 г. в юридических нормах очень полно отразил особенности крестьянского землевладения — сочетание частной собственности с собственностью общинной.

Конечно, крестьянская собственность не была некой незы-

лемой категорией. Судьба черносошных земель в России, которые исчезли почти к концу XVI в. в центре и остались лишь в северных областях, свидетельствует о неустойчивости крестьянского землевладения. Потеря крестьянами своей собственности в результате политического акта правительства заурядное явление. Акты свидетельствуют, что крестьяне это ясно сознавали. В них часто оговаривалось, что условия сделки могут быть изменены, если «государь прикажет тое моей (земли) на себя взяти». Например, в 1614 г. царь указал отписать на себя земли сольвычегодских крестьян: «Если они перед писцами „будут лгати", деревни, починки и сельца „велим отписывать"».[8] Отписка в данном случае — «кара», а не проявление неких собственнических прав государства.

Рассматривая законодательство о крестьянском землевладении в XVII в., можно заметить, что правительство стремилось оградить фонд тяглых земель от захватов их нетяглыми элементами и в известной степени сузить право распоряжения землей крестьянами. Так, ранее мая 1623 г. был издан указ о запрещении черносошным крестьянам продавать земли монастырям, церквам и давать по душе, а также запрещалась купля-продажа в крестьянской среде. Однако последняя норма настолько противоречила практике свободного обращения земли в черносошной среде, что уже в мае 1624 г. она была отменена. По челобитью устюжан царь и патриарх их «пожаловали, велели им меж себя деревни свои продавати и покупати и в заклад давати тутошным тяглым людям».[9] В следующем 1625 г. правительство на запрос устюжских и сольвычегодских писцов, как поступать в случаях, когда крестьяне, взяв землю на льготу или на оброк, превращали ее в вотчины, продавали и т. д., указывало, что 40-летнее владение оброчной землей превращало ее в собственность владельца, т. е. пошло на встречу стремлениям крестьян расширить право собственности на оброчные земли. Применяя норму о родовом выкупе заложенных и проданных вотчин к оброчным землям, находящимся в руках крестьян, правительство, таким образом, признавало вотчинный характер прав крестьян в черносошных районах на их земли.

Веками бытовавший взгляд крестьян на свои земли как свою вотчину свел на нет попытки правительства приостановить обращение черносошных земель. М. М. Богословский установил, что к середине XVII в. запрет продажи и заклада черных земель церквам, монастырям, подъячим, торговым людям гостиной сотни и другим нетяглым людям был распространен на все Поморье.[10] Это не был полный запрет обращения чер-

[8] Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. I. М., 1913, с. 23.
[9] Там же, с. 279.
[10] Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере, т. I. М., 1909, с. 59.

ных земель, так как он не распространялся на сделки между крестьянами. Они в течение XVII в. ограничению не подвергались. Правда, 20 июня 1649 г. был издан указ, запрещающий земельные сделки между черными крестьянами в Заонежье и предписывающий возвратить отчужденные земли прежним владельцам. Однако вряд ли он может быть перенесен на все Поморье. Кстати, уже в сентябре того же года указ был отменен в части возврата земель прежним владельцам, и действие его по документам не прослеживается. Во второй половине XVII в. запреты передавать крестьянские земли в монастыри, церкви и т. д. тоже выполнялись слабо. Л. Г. Дубинская в своем интересном обзоре материалов Устюжской четверти 1675—1700 гг. приводит грамоту, разосланную из Устюжской четверти по городам в 1690 г. Она гласила: «... Поморским посадским людям и уездным тяглым... своих земель и деревенских участков и всяких угодий... архиереям в дом и в монастыри и к церквам и церковным причетникам и монастырским слушкам и именитым людям Строгановым и гостем и Гостиньи сотни и всяких чинов торговцам не продавать и не закладывать, и во всякие крепости не укреплят».[11] Грамота, разумеется, составлялась на основе законодательства, но ее появление как раз свидетельствовало, что черносошные земли попадали в руки указанных беломесцев. Следовательно, указы и запреты, действовавшие, по словам Богословского, в середине XVII в., не осуществлялись во второй половине XVII в. Л. Г. Дубинская, исходя из документов последней четверти XVII в. центрального учреждения, ведавшего Севером, приходит к заключению: «Источники дают право говорить о свободном фактическом распоряжении крестьянами землею, находящейся в их владении — продаже земли и закладах».[12]

Приведенный выше обзор законодательных памятников о черносошном землевладении XVI—XVII вв. выявляет, как нам представляется, юридическую основу свободы крестьянского распоряжения их землями.

---

[11] Дубинская Л. Г. Материалы Устюжской четверти 1675—1700 гг. по истории северных уездов. — В кн.: Северный археографический сборник, вып. 1. Вологда, 1970, с. 500.

[12] Там же, с. 499.

Л. В. Черепнин

ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ 1632 и 1634 гг.

Правление Михаила Федоровича — время расцвета земских соборов. Их деятельность изучена недостаточно, поэтому обращение к данной теме закономерно.

В 1632—1634 гг. разразилась война между Россией и Польшей.[1] Русская армия под предводительством М. Б. Шеина была брошена под Смоленск. Международные отношения складывались неблагоприятно для позиции Русского государства в этой войне. Расстраивался союз со Швецией против Речи Посполитой. Нападения на русские границы крымских татар отвлекали военные силы России от сосредоточения внимания на задачах, стоявших перед смоленским фронтом.

Внутри страны было неспокойно. Выявились социальные противоречия между боярами и рядовыми служилыми людьми, и вылился наружу основной классовый антагонизм между землевладельцами и крепостными крестьянами, поддерживаемыми городским плебсом. Б. Ф. Поршнев подверг специальному изучению крестьянско-казацкое движение 1632—1634 гг. под предводительством сначала крестьянина Болдина монастыря Дорогобужского уезда Ивана Балаша, а затем его соратников и последователей атамана Анисима Чертопруда и др.[2] Участники этого движения вели партизанскую войну против сил внешнего врага и борьбу с русскими вотчинниками и помещиками. Лагерь повстанцев расширялся, ибо в него вливались ратные люди из армии Шеина. В январе 1634 г. Анисим Чертопруд побывал в Москве, где встретил сочувственное отношение со стороны низов посада, боярских холопов, крестьян. Явившийся в Москву в феврале 1634 г. другой атаман Иван Теслев

[1] Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1918.

[2] Поршнев Б. Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. — «История СССР», 1957, № 5, с. 112—140.

подговорил многих холопов и жителей черных слобод к побегу.

11 ноября 1632 г., когда московские власти были уже достаточно осведомлены о движении Балаша, Земский собор, заседавший в Столовой палате, рассмотрел вопрос о сборе с населения «запросных» и «пятинных» денег на жалованье ратным людям.[3] Об этом говорится в нескольких источниках. Наиболее краткая информационная запись помещена в «Дворцовых разрядах»: «Во 141 году, ноября в 11 день, в воскресенье, в Столовой был государь и святейший государь патриарх на соборе для денежного сбору ратным людем на жалованье. И с того числа указал государь и святейший государь патриарх на Москве сбирать денги... с бояр, с окольничих, и с дворян, и с дьяков, и с гостей, что кто даст, да с гостей же и с торговых людей пятую денгу. А во все городы для тех же запросных и пятинных денег указали послать властей и дворян и подьячих...».[4] Из приведенного текста трудно вывести какое-либо определенное суждение о том, что произошло. Лаконизм записи дает право лишь на утверждение, что состоялся собор, санкционировавший новый налог. Можно догадываться, что в угрожающих господствующему классу условиях развернувшегося наступления на Россию внешнего врага и поднимавшегося восстания социальных низов, которое могло перерасти в новую крестьянскую войну, сословные представители поддержали правительство в его требованиях средств на содержание армии. Однако из «Дворцовых разрядов» неясно, как собиралось и проводилось совещание. Но имеются более полные источники.

Сохранились (в столбце Разрядного приказа) два экземпляра речи на соборе, составленной от имени царя и патриарха: «Указал государь и отец ево государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии говорити всяких чинов людем».[5] Один экземпляр черновой, другой — правленый с него.[6] Черновому тексту речи предшествует указ о созыве на собор «всяких чинов людей Московского государства».[7] Точной даты собора нет; очевидно, число должны были проставить, а пока указали лишь месяц (ноябрь). Отсюда можно заключить, что собор еще должен был собраться, а приведенный нами документ — проект выступления правительства. В правленном (побеленном) экземпляре первый лист отсутствует, поэтому утрачен и указ о соборе.

---

[3] Сташевский Е. Д. Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московского государства. — ЖМНП, 1912, кн. 4, апрель, с. 248—319.

[4] Дворцовые разряды, т. II. СПб., 1851, стб. 299.

[5] ЦГАДА, ф. 210, Разные столбцы, № 33, л. 18. — Этот столбец историками земских соборов не использован.

[6] Там же, л. 2—17, 18—37.

[7] Там же, л. 18. Перечислены: «весь духовный чин», бояре, окольничие, думные люди, стольники, дворяне, дьяки, гости, торговые люди.

Текстуально оба экземпляра рассматриваемого документа между собой близки. Расхождений мало. Однако подготовка документа к совещанию шла, и следы ее налицо:[8] уточняются обращения к отдельным сословиям.

Проект выступления на земском соборе правительства конструктивно отличается четкостью. В нем выделяются достаточно отчетливо четыре основных момента: 1) историческая справка о русско-польских отношениях; 2) современное международное положение России и 3) ее внутренние ресурсы; 4) обращение к сословиям. Это обычная, уже достаточно разработанная схема речей государственных деятелей, открывавших заседания земских соборов. В исторической справке был собран материал по обвинению польских властей в «неправдах» и «обидах» (умаление царского титула, незаконное наименование русским царем Владислава, пограничные грабежи, захваты, столкновения, натравливание на Русь крымских татар). Весь этот материал приводится в обоснование неизбежности русско-польской войны.

Далее дается анализ военного потенциала России, говорится о переброске войск в пограничные с Польшей места, о найме «в поморских и немецких в розных землях» полковников, ротмистров и ратных людей. Подчеркивается международное значение этих акций русского царя: наемным ратникам «позволили ... ити к царскому величеству в службе поморские короли и вольных земель владетели и князи для великого государя ево царсково величества дружбы и любви, и ведая неправду и крестное преступление прежнево польсково Жигимонта короля и детей ево...».[9]

Ведение войны требует денег, «государевой денежной казне без прибавки» не обойтись.[10] Так проект речи подводит к выводу о необходимости привлечь сословия к выделению средств на содержание армии. Правительственный запрос адресован порознь к трем разрядам населения: духовенству, светским феодалам, гостям и торговым людям. Первым двум разрядам предложено дать «денег как кому мочь» («сколько кому мочно»), торгово-промышленному населению — пятую деньгу «с животов и промыслов». В качестве довода за обло-

---

[8] В черновике выпущена фраза: «Да они ж бы [бояре, окольничие и пр.] отпустили в полки с своих с поместных и вотчинных земель своих ратных людей конных и пеших со всяким своим подъемом» (л. 35). Этой формы в побеленном тексте нет. В правленом экземпляре зачеркнуты два предложения: «А после тово говорить, чтоб власти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии самодержцу на жалованье ратным людем дали своих келейных денег как кому смочь. А великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии царскому величеству наперед своих домовых денег 30 тысяч дал, и ныне как он великий государь укажет» (л. 14—15).

[9] ЦГАДА, ф. 210, Разные столбцы, № 33, л. 27.

[10] Там же, л. 33.

жение указывается на то, что «для нынешние службы никаких поборов з земли не имано».[11] Тем самым обосновывается идея о единстве интересов и общей материальной ответственности государственной власти и «земли».

Текстологический анализ черновика проекта показывает, что его концовка приписана (очень неразборчиво) позднее. В ней много поправок и зачеркиваний. Здесь дается и идейное обоснование войны. Проект указывает несколько стимулов, побуждающих воевать с Польшей: 1) «для государевой чести»; 2) «для истинные... православные крестьянские веры»; 3) «для избавления всех... православных крестьян»; 4) «для разширения и свободы всего Московского государства»; 5) «во отомщение многим их польским и литовским прежним и нынешним неправдам и неповинной крестьянской крови».[12] Из этих пяти моментов (защита православия, избавление русских людей от польского владычества и гнета католицизма, расширение территории и обеспечение независимости Русского государства, возмездие польским властям за враждебные действия, отстаивание чести царского имени и титула) на первое место выдвигается вопрос о государевом престиже.

Это одно из положений официальной политической доктрины, с которым самодержавие выступило на международной арене, отстаивая свой суверенитет. Очень интересно, что данная доктрина прозвучала и внутри страны на ее высшем сословно-представительном органе. Земский собор являлся для правительства не только местом, где решались с участием сословий военные и финансовые вопросы, но и форумом идейной пропаганды, создания общественного мнения. Правительство хотело внушить сословиям, что, отдавая денежные средства на борьбу за «государеву честь», они обеспечивают условия существования монархии с сословно-представительным строем.

Материал о том, как прошел собор, косвенный и очень глухой. В царской грамоте от ноября 1632 г. в Кириллов монастырь и в наказе князю Д. М. Пожарскому о сборе денег на жалованье ратным людям говорится, что об этом принято решение на соборе. Его участники «челом ударили» — церковные «власти» «келейных своих денег дали неоскудно», светские «власти» на соборе говорили, что «они вспоможенье ратным людям денег дадут».[13]

Ссылку на соборный «приговор» и «соборное уложенье» 1632 г. находим в решении более позднего собора (1634 г.).[14]

---

[11] Там же, л. 34—35.

[12] Там же, л. 36.

[13] ААЭ, т. III. СПб., 1836, с. 309—310, № 211; с. 312—314, № 213; Книги разрядные, т. II. СПб., 1885, с. 480—487.

[14] Акты, относящиеся к истории земских соборов. Под ред. Ю. В. Готье. М., 1909, с. 33, № IX.

Из приведенных текстов создается впечатление, что «соборное уложенье» 1632 г. явилось результатом свободного волеизъявления сословий.[15] В действительности дело обстояло не так. Из материалов по сбору «пятины» видно, что сборщики наталкивались на сопротивление населения, старавшееся избежать платежа.

Потребовался новый собор по вопросу о «пятинных» и «запросных» деньгах.[16] Он был созван по царскому указу 28 января 1634 г. и состоялся в Столовой избе 29 января 1634 г.[17]

Исследователям прежде всего бросалась в глаза незначительность срока, потребовавшегося для созыва собора — одни сутки. Н. П. Загоскин делал отсюда вывод, что совещание 1634 г. было не новым собором, а новым заседанием собора, созванного в 1632 г. В подтверждение своей мысли Загоскин ссылается на упоминание в Соборном акте 1634 г. «первого собора», который начал свою деятельность в 1632 г. и (как думает ученый) не был тогда же распущен, а существовал еще год с лишним.[18] В. Н. Латкин привел еще один довод в подтверждение мысли Загоскина: имеющееся в тексте 1634 г. выражение «...а в прошлом во 141 году... по приговору вас властей, и бояр, и думных и всяких чинов людей...» понимается им как обращение к членам собора, сохранившим свои полномочия с 1632 по 1634 г.[19]

Однако против этих соображений могут быть приведены (и приводятся) возражения. Если указ о соборе был издан 28 января 1634 г., то это не значит, что к нему не готовились заранее. О том, что готовились, видно хотя бы из того, что вступительная речь для него была существенно переработана по сравнению с текстом 1632 г. Наименование собора 1632 г. «первым» отнюдь не означает, что это было первое заседание сессии, затянувшейся до 1634 г. Скорее имеется в виду, что это первый (вполне самостоятельный) собор по вопросу о Смоленской войне. Местоимение «вас» в обращении к членам со-

[15] Четкости и единообразия в указании сословий, сословных групп, «чинов» в разных документах о соборе 1632 г. нет. Так, в наказе Пожарскому и в грамоте в Кириллов монастырь указаны люди гостиной, суконной, черных сотен. Но они отсутствуют в проекте вступительной речи и в «Дворцовых разрядах», где выступают под более общим наименованием «торговые люди».

[16] Карпачев А. М. Пятина 1634 (142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства. — «Исторические записки», 1950, т. 33, с. 232—258.

[17] ЦГАДА, ф. 210. Белгородский стол, № 48, л. 276—306; СГГД, ч. III. М., 1822, с. 342—347, № 99; ААЭ, т. III. с. 365—370, № 242; Книги разрядные, т. II, стб. 611—621; Акты, относящиеся к истории земских соборов, с. 30—34, № IX.

[18] Загоскин Н. П. История права Московского государства, т. 1. Казань—М., 1877, с. 260.

[19] Латкин В. Н. Земские соборы Древней Руси. СПб., 1885, с. 178, прим. 1. См. также: Стратонов И. А. Заметки по истории земских соборов. Казань, 1912, с. 117—119.

бора 1634 г. со ссылкой на приговор, вынесенный в 1632 г., отнюдь не обязательно понимать так, что речь идет о персональном совпадении участников двух соборов. «Вы» — это представители сословий, из которых одни были на соборе в 1632 г., другие — в 1634 г.,[20] а некоторые, возможно, присутствовали на обеих совещаниях. Но нет оснований говорить, что с 1632 по 1634 г. проходила соборная сессия. И нет оснований думать, что восстанавливалось положение начала царствования Михаила, когда Земский собор был непрерывно действующим органом.

Можно, конечно, предположить, что созванный в 1632 г. собор должен был существовать до конца Смоленской войны, но данные для такого предположения отсутствуют. Перед собором 1632 г., стояли две задачи: 1) идейное обоснование необходимости войны с Польшей и 2) санкционирование сбора «пятой деньги». Обе задачи он выполнил. Военные неудачи и осложнения с взысканием с населения «пятой деньги» были причиной созыва другого собора (1634 г.). Среди столбцов Разряда сохранился соборный акт.[21] Структурно он состоит из 5 частей: 1) указ о созыве собора; 2) речь от имени царя и патриарха; 3) перечень присутствовавших сословных групп; 4) изложение их речей; 5) царский указ о сборе «пятинных» и «запросных» денег. Эта структура совпадает с той, которую выше мы восстановили по ряду более поздних документов для соборного акта 1632 г. И вообще это установившийся трафарет.

Соборное совещание происходило в беспокойное для правительства и господствующего класса время. Прошла всего неделя после того, как в Москве побывал Аникиш Чертопруд, и настроение было здесь очень тревожное.

Интересно отметить присутствие на соборе большого числа духовенства. Поименно перечислены четыре митрополита, пять архиепископов, один епископ и (глухо) «власти ж черныя, архимариты и игумены, которые на Москве и из городов к Москве приехали, и весь освященный собор».[22] От церковных «властей» ждали, что они пополнят своими «келейными деньгами» царскую казну, а духовным авторитетом побудят к денежным взносам светских «чинов». Недаром в правительственной речи сказано, что «нынешнее прямое даяние приятно будет

[20] Заозерский А. И. К вопросу о составе и значении земских соборов. — ЖМНП, 1909, кн. 7, с. 328—329.

[21] ЦГАДА, ф. 210. Белгородский стол, № 48, л. 276—306; Акты, относящиеся к истории земских соборов, с. 30—34, № IX. — Акт 1634 г., — по-видимому, проект, заготовленный до собора и для собора и отредактированный после собора. Это видно из такой текстуальной правки. Слова: «а собору быти в Столовой избе...» переделаны: «а собор был в Столовой избе...». Фраза: «а на соборе при государе говорити речь» исправлено: «а на соборе при государе говорена речь...».

[22] Акты, относящиеся к истории земских соборов, с. 34.

самому содетелю богу».[23] Идейно-моральное воздействие церкви особенно было нужно государственной власти в тот момент, когда до самой столицы долетели раскаты классовой борьбы. Как обычно, названы (не персонально) светские феодалы. Интересно детальное перечисление категорий посадских людей — основных плательщиков «пятой деньги»: «гости, и гостныя, и суконныя сотни и черных сотен торговые всякие люди»[24] (имен их нет). Были ли на соборе выборные — неизвестно.

Результаты обсуждения поставленных на соборе вопросов изложены сухо, лаконично. Правительство, добиваясь новых денежных средств, указывало, что взимание «пятины» по соборному приговору 1632 г. не оправдало себя, так как многие гости и торговые люди «давали пятую деньгу неправдою, не по соборному уложению, не против своих промыслов и животов». Стремясь формировать сознание соборных представителей и побудить их действовать в нужном ему направлении, правительство использовало ряд агитационных приемов, в частности ссылку на историческую традицию. Во вступительной речи подчеркивалось, что при взыскании «пятины» в первые годы после «Смуты», когда «люди были перед нынешними во всех своих животах и в промыслах нынешняго гораздо скуднее»,[25] «денежныя казны перед нынешним сбором собрано было многим больше».[26] Это был призыв к чувству патриотизма.

Придавая значение средствам идейного воздействия на сословия, правительство уделило внимание подготовке «речи», которая была «говорена» на соборе 1634 г. По сравнению с «речью» 1632 г., послужившей ее основой, в ней появился новый раздел, подсказанный ходом исторических событий. Он касается армии М. Б. Шеина — ее первоначальных успехов и последующего распада. Последнее обстоятельство объясняется нападениями на русские земли, по проискам польских властей, крымских татар, повоевавших поместья и вотчины и захвативших в плен семьи служилых людей, бывших под Смоленском, в силу чего они «из-под Смоленска разъехались».[27] Характерно, что о «Балашовщине» как одной из причин «разъезда» ратных людей, влившихся в ряды «вольных казаков», правительство не сочло нужным упоминать.[28] Говорить об этом на таком ответственном форуме, как Земский собор, казалось опасным.

В правительственном выступлении 1634 г. гораздо большее внимание, чем в «речи» 1632 г., уделено религиозному вопросу.

---

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Эта фраза вставлена в текст сверху строки, вероятно, при редактировании: значит, над ним работали, искали убедительных формулировок.

[26] Акты, относящиеся к истории земских соборов, с. 33.

[27] Там же, с. 32.

[28] Поршнев Б. Ф. Указ. соч. — «История СССР», 1957, № 5, с. 157.

Если в 1632 г. главное внимание было сосредоточено на борьбе с Польшей за «государеву честь», то теперь подчеркивается опасность искоренения польскими захватчиками «православной христианской веры греческого закона».[29]

Позиция соборных представителей изложена очень лаконично. Участники совещания «говорили», что они «денег дадут, смотря по своим пожиткам, что кому мочно дать».[30] Очевидно, правительство получило подтверждение решения 1632 г., но в формулировке, весьма неопределенной.

На основе соборного приговора 4 февраля 1634 г. был издан государев указ о поручении боярину князю Б. М. Лыкову, окольничему В. Г. Коробьину, чудовскому архимандриту Феодосию и дьякам М. Неверову и Н. Петрову провести сбор «запросных» и «пятинных» денег.[31] Порядок взыскания подробно регламентирован в наказе, выданном данным лицам 18 февраля.[32]

Несколько смущает длительность времени (если принять во внимание нужду государства в средствах на жалованье ратным людям) между датой собора (29 января) и датой царского указа на основе соборного уложенья. Может быть, собор заседал не один день, и тогда выражение «а собор был генваря ... в 29 день» надо понимать как «начался».

Таковы некоторые наблюдения над деятельностью соборов 1632 и 1634 гг.

---

[29] Акты, относящиеся к истории земских соборов, с. 33.
[30] Там же, с. 34.
[31] Там же.
[32] ЦГАДА, ф. 210. Белгородский стол, № 48, л. 307—320; ААЭ, т. III, с. 372—374, № 245; Книги разрядные, т. II, стб. 621—627.

А. Г. Маньков

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН ПО УЛОЖЕНИЮ 1649 г.

Общепризнанным является тот факт, что Уложение 1649 г. признало крестьян и бобылей «с племенем вместе» вечно крепкими их владельцам по писцовым и переписным книгам и в силу этого отменило урочные годы сыска беглых. В литературе вопроса имеет место тенденция рассматривать правовое положение крестьян по Уложению 1649 г., главным образом в рамках его XI главы «Суд о крестьянах», а ее основной смысл сводить к вышеуказанной норме.[1] В советской историографии вопрос о роли Уложения в судьбе русского крестьянства рассматривается шире, с привлечением данных не только XI главы.[2] Однако общего анализа всех норм Уложения, касающихся крестьянства, до сих пор не предпринято. Ставя эту задачу, мы должны оговориться, что в рамках небольшой статьи ее можно решить лишь в общей и суммарной форме.

Подсчет позволяет установить, что статьи, говорящие о крестьянах, находятся в 17 из 25 глав Уложения. Общее количество их составляет более 100.[3] Существенно, что законодательные нормы о крестьянах представлены в наиболее важных разделах Уложения, регулирующих как базисную, так и надстроечную сферы. Это означает, что от жизнедеятельности

[1] По мнению Ю. В. Готье, «вся эта глава есть устав о беглых». «Это была задача Уложения и оно ее выполнило». «Никаких других целей касательно крестьянства оно себе не ставило» (Великая реформа, т. 1. М., 911, с. 31).

[2] Греков Б. Д. Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954, с. 374—390. — Там же см. свод мнений историков о значении Уложения в истории крестьянства; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 174—80.

[3] Точно 111 статей. Если же учесть, что широко распространенный термин «люди» (дворовые, деловые и т. п.) подразумевал не только холопов, но и крестьян, а, кроме того, многие процессуальные нормы касались и крестьянства, то становится очевидным, что удельный вес правовых норм, относящихся к крестьянам, был значительно выше.

крестьянства зависели многие сферы общественной и государственной жизни феодального строя.

Монопольное право владения крестьянами закреплялось в Уложении за всеми категориями служилых чинов по отечеству (XI, 1).[4] Закон о наследственном (для феодалов) и потомственном (для крепостных) прикреплении крестьян с вытекающим отсюда правом бессрочного сыска беглых являлся наиболее крупной и радикальной нормой Уложения. Он распространен на все категории крестьян и бобылей. Уложение выделяло по терминологии нашего времени две основные разновидности крестьян — частновладельческих и государственных, провозглашая прикрепление черносошных крестьян к своим наделам наряду с прикреплением крестьян помещичьих и вотчинных. Основанием прикрепления тех и других становились писцовые книги 1626 г. (XI, 1, 2). Правительство, следовательно, пошло дальше обещаний, данных в наказе писцам 1646 г.[5] Для периода после 1626 г. устанавливались дополнительные основания крепостной зависимости — отдельные или отказные книги, в которых крестьяне и бобыли или их дети записаны «по новым дачам» «после тех писцовых книг» (XI, 2). Основанием возврата крестьян, бежавших как с черносошных, так и с частновладельческих земель, признавался факт записи их самих или их отцов в писцовых книгах 1626 г. Возврату подлежали одновременно жены и дети беглых (XI, 1, 2, 3).

На будущее время наряду с писцовыми книгами 20-х годов в качестве основания крепостной зависимости устанавливались переписные книги 1646—1648 гг. По этим книгам Уложение распространяло потомственную крепостную принадлежность по прямой нисходящей до четвертого колена (правнуки) и по боковой нисходящей до третьего колена (дети племянников), включая жен и мужей. В силу того, что переписные книги учитывали мужскую часть крестьян и бобылей всех возрастов, правительство рассматривало их, как наиболее точный по своим данным документ (XI, 24). Помимо книг Уложение признало законными «полюбовные» сделки на беглых крестьян и бобылей (XI, 8), а на будущее время — отказные, отдельные книги, выписи из переписных и иных книг, а также поступные, духовные, купчие и иные акты сделок на крестьян. Регистрация в приказах всех сделок на земли с крестьянами и на крестьян без земли становилась обязательной. С Уложением 1649 г. связано, следовательно, установление зарегист

---

[4] Здесь и далее в скобках римской цифрой указана глава Уложения, арабской — статья данной главы.

[5] В ответ на челобитную дворян 1645 г. о ликвидации урочных лет сыска беглых крестьян наказ обещал прикрепление крестьян и сыск беглых без урочных лет на основании переписных книг 1646—1648 гг. (ААЭ, т. IV СПб., 1836, № 14).

рированных в приказах и санкционированных государством документальных оснований крепостной неволи. Те же основания прикрепления распространялись и на бобылей. Тем самым Уложение завершило процесс правового сближения бобылей с крестьянами.[6]

Высокий удельный вес поместного землевладения, которое до середины XVII в. даже преобладало над вотчинным, определил первенствующую роль прикрепления крестьян к земле, а не к ее владельцу. В Уложении крестьянин выступает как органическая принадлежность поместья и вотчины независимо от личности землевладельца. Этот вывод следует из запрета переводить крестьян из поместий в вотчины даже в пределах одного владения (XI, 30). Мена земельных владений между феодалами допускалась при условии равного состояния имений — пустое на пустое и жилое на жилое, т. е. без крестьян и с крестьянами (XVI, 3, 4, 5, 7).

К середине XVII в. крестьянин был уже объектом феодального права, круг правомочий феодала в отношении крестьян был достаточно широк, и наряду с этим крестьянин обладал как субъект права определенными правами владения своим наделом и хозяйством. Основу этого составляло признание законом экономической связи феодального владения с крестьянским хозяйством, что очевидно из защиты имущества крестьянина от произвола феодала (XVI, 45). При переходе по судебному иску поместья или вотчины из одних рук в другие устанавливалось возмещение в двойном размере ущерба, причиненного крестьянам их прежним владельцем (XVI, 37). Закон защищал крестьянский хлеб от потравы (X, 208). Вообще законодательство XVII в., включая Уложение, рассматривало крестьянина и его имущество в неразрывном единстве. Отсюда категорическое требование закона возвращать беглых крестьян вместе с имуществом (XI, 1, 3, 9, 10). Едва ли правы те историки, которые на данном основании считают, что имущество крестьянина было собственностью помещика.[7] Приводя свод мнений историков по этому поводу, А. В. Венедиктов усматривает в такой постановке вопроса противоречие основному принципу феодального строя — наделение непосредственного производителя средствами производства и наличие у крестьянина единоличной собственности на орудия производства.[8] Придерживаясь этой же точки зрения, мы можем указать и на некоторые особенности правового решения данного вопроса в самом Уложении. Закон в одинаковой мере требовал возвра-

---

[6] О предшествующем этапе развития бобыльства см.: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 185—209; Шапиро А. Л. Бобыльство в России в XVI—XVII вв. — «История СССР», 1960, № 4, с. 49—68.

[7] См., напр.: ПРП, вып. VI. М., 1957, с. 175.

[8] Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948, с. 240.

щения крестьян с имуществом независимо от того, из каких земель они бежали — частновладельческих или черносошных. Черносошные крестьяне сидели на земле, принадлежавшей государству, но дворы, инвентарь и другое имущество крестьянского двора — все это было собственностью крестьян. Наконец, поскольку с отменой урочных лет сыск беглых становился бессрочным, возврат беглого с имуществом через большой промежуток времени мог означать, что крестьянин возвращался с имуществом, приобретенным на новом месте у нового хозяина. Закон не оговаривал, что последний лишался крестьянского имущества в виде санкции за держание беглого (как, например, это оговорено относительно ссуды — XI, 23). Имущество и в данном случае принадлежало крестьянину.

На той же основе имела место фактическая принадлежность земли крестьянину. Особенно ясно это прослеживается на черносошных землях. Крестьяне и крестьянские общины закладывали и продавали земли (с передачей податных обязанностей), выступая нередко в качестве истцов и ответчиков в спорах о земле.[9]

Закон не ставил преград крестьянину в сфере его непосредственной производственной деятельности. Поместный и вотчинный крестьянин в дополнение к своему наделу имел право на оброчное держание сенных покосов, бобровых гонов и других угодий. Неприкосновенность оброчных держаний оговаривалась в законе (XVII, 23). Однако за пределами сельскохозяйственного производства законодатель ограничивал хозяйственную деятельность крестьян. В целях охраны сословных интересов посадского населения была запрещена крестьянская собственность на посадах — на дворы, лавки, промысловые заведения (XIX, 5, 15). Торговля крестьян в городах разрешалась только с возов и стругов (XIX, 18). Но в тех же целях были конфискованы в пользу посадов и белые слободы феодалов (XIX, 1, 5, 7). В отличие от частновладельческих, черносошные крестьяне имели более широкие права хозяйственной деятельности. Наряду с посадскими людьми они получали право брать на откуп таможни, кабаки и другие статьи государственного дохода. Частновладельческие крестьяне лишались этого права (XVIII, 23).

Ролью крестьянина в сельскохозяйственном производстве и заинтересованностью феодалов в обеспечении его функционирования объясняется стремление законодателя сохранить крестьянскую семью. Все законоположения о возврате крестьян и крестьянок, вступивших в брак в бегах, предусматривали возврат или (при отсутствии законных для него оснований) оставление на новом месте всей семьи (мужа, жены, малолет-

[9] Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 103—137.

ших детей) (XI, 3, 12, 13, 15, 18). При возврате беглых, вступивших в брак за рубежом, в целях сохранения семьи применялась жеребьевка между владельцами мужа и жены (XI, 34). При выдаче девок или вдов замуж в другое имение обязательно было оформление отпускной и выплата вывода «по договору» (XI, 19). Принадлежность крестьянки помещику определялась по отцу или по мужу, поскольку только мужчины вносились в писцовые и переписные книги и другие акты крепостной зависимости.

В обстановке роста крепостнических отношений экономическая связь крестьянского и помещичьего хозяйства получала выражение в правовой сфере в форме растущих правомочий феодала на землю и крестьян с их имуществом. Отсюда вытекала материальная ответственность крестьянина за своего помещика. От дворянина, стоявшего на правеже и не погашавшего долга более месяца, могли быть отобраны «в истцов иск» его дворы и имущество или имущество его людей и крестьян (X, 122). Закон, следовательно, рассматривал материальное взыскание с имущества крестьян как санкцию, равную по значению взысканию с самого феодала. Однако грабеж крестьянского хозяйства со стороны самого помещика пресекался законом (XVI, 45).

Не только имущество крестьянина, но и его правовой статус и сама жизнь ограждались законом от крайнего проявления своеволия феодалов. Запрещалось превращать в кабальных холопов и закреплять ссудой своих крестьян, бобылей и членов их семей (XX, 113). Тот же запрет распространялся и в отношении чужих беглых крестьян (XI, 23; XX, 6) и наймитов из крестьян (XI, 32).

Уложение карало за убийство крестьянина, но подходило к определению санкции дифференцированно — в зависимости от мотивов преступления и социальной принадлежности убийцы. За убийство чужого крестьянина в драке или в пьяном состоянии, но без умысла феодал отдавал хозяину убитого лучшего своего крестьянина с семьей и имуществом, а сам подвергался тюремному заключению «до государева указу» (XXI, 71). Если убийцей при тех же обстоятельствах был крестьянин, то он подвергался наказанию кнутом и передавался с семьей и имуществом взамен убитого крестьянина (XXI, 73). В таком различии санкций нашел отражение характерный для феодализма принцип права — привилегии. И лишь предумышленное убийство крестьянина влекло смертную казнь убийцы, независимо от его социальной принадлежности (XXI, 72, 89). По Уложению частновладельческий крестьянин был прежде всего крепостным. На этом основании устанавливалось, что дворяне «за крестьян своих ищут и отвечают ... во всяких делех, кроме татьбы и разбою, и поличного, и смертных убийств» (XIII, 7). Эта общая и емкая формула открывала

широкий простор для внутривотчинного судопроизводства феодалов,[10] определяя вместе с тем четкую границу между частной и публичной юрисдикциями. При обнаружении, например, разбойников и татей среди своих крестьян владелец имения был обязан, не прибегая к самосуду, привести таких крестьян «в губу». В случае отказа выдать крестьян публичной власти и применения самосуда закон предписывал «у такова помещика за такое воровство отняти поместья, и отдати в роздачу. Да на них же велеть доправити исцовы иски» (XXI, 79). В этом смысле законодатель рассматривал феодалов в качестве низшего звена феодально-крепостнической государственной машины.

Вышеуказанное ограничение прав крестьян в процессе лишало их дееспособности по значительной массе дел. Однако, как следует из той же статьи, по уголовным делам крестьянин оставался субъектом преступления. Но и в ряде гражданско-правовых деяний крестьянин выступал в качестве лица, обладавшего определенной правоспособностью. Со стороны людей разных чинов (не дворян) ему мог быть предъявлен материальный иск, как в равной мере и крестьянин мог вчинить истец тем же лицам (XIII, 3).[11]

Подсудность крестьян вне компетенции поместно-вотчинной юрисдикции осуществлялась по гражданским искам посторонних лиц и по уголовным делам в тех приказах, «где кто сидим». В поземельных спорах—за нарушение межи между владениями или внутри волости между наделами — крестьянин нес равное с другими лицами наказание — битье кнутом.

Уложение предусматривало различные формы участия крестьян в следственном и судебном процессах. Наряду с другими лицами крестьяне могли быть участниками повального обыска (X, 161). А крестьяне дворцовых и черных волостей при споре с феодалами о межах могли ссылаться на показания окольных людей (X, 235). Истец или ответчик имел право ссылаться на показания крестьян (не менее чем на десять человек) в исках, не превышающих 20 р. (X, 159). По показаниям крестьян о незаконном взимании с них мыта и мостовщины при транспортировке ими господского имущества мытчики возмещали ущерб втрое (IX, 3).

Закон допускал доносы крестьян на своих господ в случаях их замыслов об измене или причинении зла государю, но тре-

---

[10] В пределах вотчин и поместий юрисдикция феодалов не регламентировалась законодательством и фактически была весьма разносторонней (см. Заозерская Е. И. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. сб. IV. М., 1960; Петрикеева Д. П. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967, с. 155—163).

[11] Иски не могли превышать сумму в 20 р. во всех городах, кроме низовых и тех, где при воеводах были дьяки (XIII, 3).

бовал непреложных доказательств под угрозой наказания за ложный «извет» (II, 13).

Признавались достаточными показания крестьян и холопов, полученные под пыткой, если они совпадали с показаниями на предварительном допросе (XX, 25; XXV, 14). Классовый характер феодального суда очевиден из способов применения средств дознания. При доносе каких-либо лиц на дворянина и его людей и крестьян в разбое первыми подвергались пытке оговоренные люди и крестьяне, если предварительная стадия в виде очной ставки не выясняла дела. Однако показания людей и крестьян под пыткой о причастности их господ к разбою служили основанием назначения пытки и самим господам. С другой стороны, привод дворянином своих людей и крестьян с обвинением их в разбое и татьбе служил достаточным основанием назначения им пытки даже при отсутствии других свидетельских показаний (XXI, 47, 48). Судебную пошлину крестьянин платил на общих с представителями других сословий основаниях.

О наличии у крестьянина определенных гражданских прав говорит шкала штрафов за бесчестье, построенная в полном соответствии с иерархией феодального общества, на низшей ступени которого нашлось место крестьянину. Степень наказуемости за бесчестье была пропорциональна положению оскорбленного. Уложение узаконяло в данном случае большую дифференциацию наказаний: от выдачи головой за оскорбление патриарха, от возмещения 400 р. за оскорбление митрополита до 1 р. за оскорбление крестьянина. Вопрос об уплате бесчестья крестьянам выделен в статью, которая устанавливала выплату бесчестья всем людям не дворянского происхождения — от именитых людей Строгановых, гостей и через различные категории городского населения до крестьян. И здесь дифференциация была большой. За бесчестье Строгановым полагалось 100 р., гостю — 50 р., а крестьянину — 1 р. (X, 94). Единый размер бесчестья для черносошных и частновладельческих крестьян подчеркивает общность их социального положения. В отношении крестьян вопрос о бесчестьи сопряжен в законе с вопросом об увечьи. Увечье квалифицировалось одновременно и как бесчестье и каралось штрафом в пользу потерпевшего по 10 р. человеку; за битье крестьянина без причинения увечья назначался штраф в размере 2 р. (X, 94).

Важнейшей задачей Уложения и прежде всего его XI главы была борьба с побегами крестьян. Отмена урочных лет сыска беглых обеспечила господствующему классу, его основной массе — дворянству — возвращение беглых крестьян. Этому способствовало и законодательное закрепление широкого круга документальных оснований сыска (писцовых и переписных книг, актов пожалования крестьян и сделок на них и т. п.). Сыграло определенную роль и установление ответственности за

прием беглых под страхом взимания штрафа в размере 10 р. в год за каждого крестьянина (XI, 9, 10). В порядке борьбы с побегами, как следует из всего комплекса материалов, правительство ставило целью исключить возможность получения беглыми крестьянами убежища.

Уложение разработало правовые основы сыска беглых крестьян и бобылей и тем самым создало условия для сыска массового, обезличенного и государственно-организованного, который и получил развитие во второй половине XVII в.[12]

Из сказанного следует, что Уложение 1649 г., завершив юридическое оформление крепостной зависимости для всех категорий крестьян, хотя и в разной мере, одновременно создавало правовое ограждение сословно-классовой целостности крестьянства как одного из основных классов того времени, стремясь замкнуть крестьянство в сословных рамках, законодательно ограждая его от своеволия феодалов и преграждая переход крестьян в другие состояния — в посад, в служилые люди по прибору и т. п. Будучи в социально-правовом отношении приниженным классом — сословием, от которого господствующий класс был отделен значительными перегородками права — привилегии, — крестьяне тем не менее обладали правом собственности на свое имущество, включая орудия производства, а так же определенными правомочиями и дееспособностью, что обеспечивало для той поры устойчивое равновесие и функционирование всей феодально-крепостнической системы.

---

[12] Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.—Л., 1962, с. 22—119.

И. П. Шаскольский

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОСНОВАНИЯ ПЕТЕРБУРГА[1]

Существует весьма распространенное мнение о том, что основание Петербурга было случайным событием. Петербург будто бы был основан потому, что Петр I захотел строить город именно в данном месте. Но могло ли быть, чтобы основание такого крупнейшего города и столицы было только актом державной воли монарха, только актом монаршего произвола?

Вообще подобные случаи возможны. Но города, основанные таким образом, нежизненны. То же случилось бы и с Петербургом, если б выбор места был делом случайным. Однако Петербург и после Петра, и после его искусственной поддержки продолжал расти, крепнуть, развиваться и как главный порт страны, и как крупнейший промышленный и торговый центр, и как центр культурной жизни, и т. д. Значит, место было выбрано очень точно; значит, глубокие внутренние предпосылки заранее предопределили это место для постройки великого города.

Уже в XIX в. существовало правильное воззрение на этот вопрос. А. С. Пушкин писал:

> Природой здесь нам суждено
> в Европу прорубить окно...

Почему же именно здесь?

Когда рассказывается о предыстории Петербурга, прежде всего всплывают в памяти Невская битва, другие войны со шведами, шведская интервенция начала XVII в. и захват Ижорской земли и т. д. Но эти события для предыстории Петербурга имели в конечном счете второстепенное значение; не они предопределили основание здесь этого города.

Создание Петербурга было подготовлено всем ходом многовекового развития страны. Главными предпосылками были глубокие социально-экономические процессы, процессы расселе-

[1] Проблема основания Петербурга рассматривается в кн.: Мавродин В. В. Петр I. М., 1948, с. 136—149.

ния по Восточно-Европейской равнине и ее освоения. А из политических событий, как это ни странно покажется на первый взгляд, решающее значение имели не битвы со шведами на Неве, а военные события на далеком юге, за тысячи верст от Невы, — набеги половцев и других кочевых народов, а затем нашествие татар и даже захват Константинополя турками. Вот что в конечном итоге предопределило основание в устье Невы крупнейшего порта и экономического центра страны.

Первой исторической предпосылкой основания Петербурга было расселение славянских племен по равнине Восточной Европы. Восточнославянские племена к IX—X вв. расселились в бассейне Днепра, в верховьях Западной Двины и Волги, в бассейне Ильменя и Псковского озера. Все эти земли — внутренние, в основном лежащие в стороне от морей. Северная половина этой территории тяготеет к Балтийскому морю, которое глубже всего вдается в пределы Русской равнины именно в восточной оконечности Финского залива, у устья Невы; здесь — ближайший для этой территории пункт морского побережья. И пункт этот был связан удобными водными путями со всеми восточнославянскими землями.

Второй предпосылкой были великие водные пути древности, проходившие через Неву в IX—XI вв.

Недавно была сделана попытка подвергнуть сомнению самый факт существования Великого водного пути «из варяг в греки», и в частности пути по Неве.[2] Порочность этого построения очевидна из следующих фактов: 1) существует совершенно бесспорное свидетельство летописца, современника Великого водного пути «из варяг в греки», видевшего этот путь своими глазами; 2) существовал второй великий водный путь — Волжский — из Каспийского в Балтийское море, в своем начале также проходивший по Неве и возникший еще раньше, в начале IX в. Существование Волжского пути доказывается письменными свидетельствами, а также многочисленными кладами арабских монет на Аландских островах, на Готланде и побережье Швеции, на южном и западном берегах Балтийского моря.

Великий водный путь «из варяг в греки», известный по многочисленным письменным и археологическим данным, на протяжении трех веков проходил по Неве. Известен, кстати, и его точный маршрут из Невы в Балтийское море.[3]

Славянские племена первоначально расселились по всей Русской равнине от Черного до Балтийского морей. В период существования Киевского государства основная часть заселенной русскими территории тяготела к теплым южным морям, к Черному и Азовскому. Об этом свидетельствуют походы Ас-

[2] Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки. — В кн.: Вопросы географии, вып. 20. М., 1950, с. 239—270.

[3] Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море. — В кн.: Географический сборник, III. М.—Л., 1954, с. 146—159.

кольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава, Владимира, киевских князей, стремившихся к Черному морю, нападавших на Болгарию, Крым и даже Константинополь.[4] Древняя Русь тяготела к югу, стремилась встать прочно у Черного моря; недаром его называли тогда «Русское море». На северных берегах Черного моря имелось в ряде мест русское, славянское население (уличи и тиверцы в низовьях Днестра и Буга; русское население Саркела и Тмутаракани). Была реальная возможность развития Руси в сторону юга, но этому помешали набеги кочевых народов южных степей.

Сначала половцы (с XI в.) заняли южные степи, отрезали основные русские земли от Черного и Азовского морей. Русское население Причерноморья и Приазовья ушло на Киевщину; ушли из Саркела, Тмутаракани и др. Кочевые народы перерезали сообщение по Днепру с Черным морем. Великий водный путь «из варяг в греки» прекратил свое существование. Больше того, уже половцы, разоряя южные окраины русских земель, стали отодвигать южную границу заселенной русскими территории к северу. Эти процессы окончательно закрепились во время нашествия татар. Они в XIII в. прочно заняли южнорусские степи, и с этого времени Русь была надолго отрезана от южных морей.

Южнорусские земли потерпели чудовищное разорение и опустошение; Киев и многие другие города лежали в развалинах. Происходит «наступление» степи на север, отступление на север южной границы заселенной русскими территории. А затем на протяжении ряда веков в южных степях господствовали крымские татары (XIII—XVIII вв.). Они не пускали русское население, русскую крестьянскую колонизацию к югу, к южным морям.

Окончательно закрепилось такое положение в результате крушения Византийской империи и захвата Константинополя турками, которые стали поддерживать татарский заслон в южнорусских степях. С этого времени на несколько веков Россия не могла пробиться к южным морям: и татары, поддерживаемые турками, не пускали Россию к Черному морю; и даже выход к Черному морю сам по себе ничего не мог дать, ибо Черное море было прочно заперто турками.

Эти события на многие века определили географическое направление развития страны. Когда пришел в упадок Киев, когда кочевые народы отрезали Русь от Черного и Азовского морей и стали теснить русское население к северу, Киевская земля перестает быть главным политическим, экономическим и культурным центром страны. Центры политической жизни, экономики и культуры, основные районы, заселенные русской народно-

---

[4] Мавродин В. В. 1) Начало мореходства на Руси. Л., 1949, с. 27—104; 2) Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955.

стью, перемещаются к северу, в бассейн верховьев Волги и волжско-окского междуречья, во Владимиро-Суздальскую землю, где затем вырос новый центр России — Москва.

Москва XIV—XVI вв. находилась в южной половине заселенной русской территории, лежала сравнительно недалеко от границы степи. Вырастает значение всех северных русских земель, в частности Новгорода.

Для торговли, для культурных и политических связей с Западным миром после преграждения южного пути остается один путь — через Балтийское море. Он и стал с XII—XIII вв. главным «окном» на Запад, основным путем внешней торговли, политических и культурных сношений; велись эти сношения в значительной мере через Неву. Формально через Неву торговал Новгород, фактически же все русские земли, ибо Новгород вел торговлю не только своими товарами, но товарами всех основных русских земель.

Присоединение Новгорода в конце XV в. к Московскому государству создало условия для дальнейшего развития Невского пути. Растут связи с внутренними областями страны; растет и освоение края.

Появляется в московское время качественно новое явление: на Неве у моря возникло русское торговое поселение — Невское устье — зачаток русского торгового города и порта у ворот Балтики. По-видимому, это селение стояло на устье Охты.[5]

Исторический процесс, ведший к созданию большого русского торгового города и порта в устье Невы, был искусственно прерван шведской интервенцией начала XVII в. По Столбовскому миру 1617 г. шведская граница отрезала Россию от Невы, от выхода к Балтийскому морю. Тем не менее у нас есть данные,[6] что, несмотря на все препятствия, чинимые шведами, русские торговые люди (новгородцы, тихвинцы, олончане, ладожане) продолжали в течение всего XVII в. вести торговлю с Западом через Неву.

К концу XVII в. для России вопрос о выходе к Балтийскому морю приобрел жизненно важное значение: на юге страна по-прежнему была безнадежно отрезана от морей; основные заселенные и развитые территории России тяготели к Балтийскому морю. Устье Невы было наиболее нужным для России пунктом Балтийского побережья. Именно потому сюда направлен был удар петровских войск; именно потому здесь сразу стали стро-

---

[5] Очерки истории Ленинграда, т. 1. М.—Л., 1955, с. 18.

[6] См. многочисленные документы о прямой русской торговле со Швецией в XVII в. через Неву, опубликованные в сборнике «Русско-шведские экономические отношения в XVII в.». М.—Л., 1960, № 31, 53, 63, 74, 86, 88, 91, 95, 96, 156—160, 168, 169, 174, 180 и др.; см. также: Шаскольский И. П. Русское мореходство на Балтийском море в XVII в. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971, с. 148—156.

ить порт и город. Именно потому здесь, в пункте, наиболее удобном для политических связей с Европой, стали строить столицу России. Глубокие внутренние причины, обусловившие создание здесь Петербурга, обусловили и его бурный рост и процветание на протяжении последующих веков.

Когда в конце XVIII в. рухнуло Крымское ханство и русские войска заняли северные берега Черного и Азовского морей, когда Россия вышла к Черному морю и стала осваивать его берега, когда стало быстро расти экономическое значение юга России, Петербург был уже столь важным политическим, экономическим и культурным центром, были уже настолько налажены экономические и иные связи основных областей нашей страны через Петербург с Европой, что уже не могло быть и речи об ориентации развития страны вновь в сторону южных морей.

Таковы основные историко-географические предпосылки, обусловившие основание в устье Невы крупнейшего политического, экономического и культурного центра страны.

А. М. Шабанова

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОВИННОСТИ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Важной задачей советской исторической науки является изучение форм, размеров и эволюции феодальной ренты крестьян России в период феодализма. Исследование вопроса осложняется необычайным разнообразием хозяйственного и юридического положения отдельных категорий крестьян в феодально-крепостническом государстве, длительностью господства феодально-крепостнической системы. В этих условиях большое значение приобретают локальные исследования феодальных повинностей как разных категорий крестьян, так и отдельных феодальных владений, ибо они дают исходный материал для обобщений.[1] Фонды Александро-Свирского монастыря довольно подробно рисуют размеры государственных и владельческих повинностей монастырских крестьян в первой четверти XVIII в.[2] Особенный интерес представляет анализ документов, позволяющих выявить объем и номенклатуру государственных платежей и работ, ибо вотчины монастыря находились в северо-западном районе России, где в начале века развернулись широкие строительные работы и, кроме того, они были расположены в непосредственной близости от театра военных действий периода Северной войны.

Население бывшей Обонежской пятины ощутило во всей полноте наступление феодального государства на жизненные права трудящихся масс. Подобно населению всей страны, наибольшие отягощения оно терпело от рекрутской повинности и всякого рода поборов и работ для нужд армии и флота. За 20 лет — 1705—1725 гг. — состоялись 39 наборов рекрут. Зна-

[1] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954, с. 154—168; Тихонов Ю. А. Феодальная рента в помещичьих имениях Центральной России в конце XVII — первой четверти XVIII в. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 199—214.

[2] Архив ЛОИИ, ф. 3, оп. 1 и 2.

чительная часть годного к военной службе мужского населения Олонецкого уезда была взята в армию.[3] Требовались большие денежные затраты, чтобы снарядить солдат. Крестьяне вотчины, «окабаливая головы своя и закладывая всякую свою борошен», давали «им подмогу большую, платье и обувь, и оружие новое». Каждый солдат обходился в 8 р. — сумму огромную по тому времени.[4]

Обременительной была подводная повинность. Вместе с жителями Новгородского и Олонецкого уездов александро-свирские крестьяне перевозили солдат, боеприпасы, различные грузы к местам боев, выделяли подводы и людей для сооружения, а потом и эксплуатации дороги от Архангельска в Приладожье. Работали они и на корабельных верфях и Олонецких заводах. Подводы брали в любое время года. Особенно пагубно отражался на хозяйстве крестьян уход в подводчики весенней и летней порой. Отбывание подводной повинности приводило к массовой гибели людей и скота. Уже первые высылки подвод осенью 1700 г. привели к значительному запустению монастырских сел.[5] По неполным данным, в течение одного года (с осени 1700 г. по осень 1701 г.) крестьяне вотчины 5 раз отряжали подводы с подводчиками для перевозок боеприпасов к Новгороду, Нарве (Ругодиву), Пскову. Осенью 1700 г. было затребовано к Новгороду по одной подводе с двора. Тогда же «немалое число подвод» было отправлено под Ругодив. В марте, июне, июле 1701 г. возили военные грузы и солдат под Псков. В марте и июне брали по одной подводе с каждого второго двора, в июле выслали от вотчины 20 подвод.[6] 1702 г. был наполнен непрерывными высылками. В весенне-летнюю пору все крестьяне «без остатку» трудились на перевозке ядер и пушек с заводов Бутенанта.[7] В июне—июле правительство провело в Карелии массовую мобилизацию крестьян и подвод для строительства «осударевой дороги», а в августе, когда дорога была построена, несколько тысяч крестьян Обонежья и 2000 подвод были заняты на переправке 2 фрегатов и 4000 войска от Нюхотской бухты до Повенца. С александро-свирских крестьян взяли по одной подводе с каждого второго двора.[8]

Крестьяне, уходившие с подводами, снабжались деньгами, продуктами и одеждой. «Подмога» собиралась с населения вотчины и составляла большую по тем временам сумму — 6 р. в месяц каждому подводчику.[9] Вследствие того, что высылки подвод производились слишком часто и в больших количествах,

[3] Там же, оп. 1, к. 12, д. 2, л. 20.
[4] Там же, к. 8, д. 130, ст. 2; к. 11, д. 2, л. 53.
[5] Там же, оп. 1, к. 8, д. 133, л. 1; к. 8, д. 130, ст. 1; оп. 2, д. 230, л. 1.
[6] Там же, оп. 1, к. 8, д. 120, л. 1; д. 103, л. 1; д. 106, л. 1; к. 12, д. 2, л. 20.
[7] Там же, к. 8, д. 130, ст. 1.
[8] Там же, к. 8, д. 133, л. 1.
[9] Там же, к. 8, д. 120, л. 1.

крестьяне, чтобы «подняться отпустить подводы», были вынуждены занимать деньги и продовольствие у монастыря. Когда летом 1702 г. жители Кондужской волости и Подбережья «по раскладу» снарядили 41 подводу в Заонежье, они обратились к архимандриту с просьбой выдать им «на кабалу» из монастырской казны 100 р., потому что «подняться... нечем».[10]

Весной 1701 г. для нужд армии у населения Олонецкого уезда произвели изъятие судов разных типов.[11] В прифронтовых Новгородском и Олонецком уездах концентрировалось значительное количество войсковых соединений, содержание которых в основном ложилось на местное население. По дорогам, проходившим через вотчины Александро-Свирского монастыря, непрерывно шли конные и пехотные полки, прогонялись и драгунские, и подъемные лошади. Всем им нужно было давать хлеб и другие продукты питания, фураж лошадям, бесконечное количество подвод и подводчиков для различных перевозок. Зачастую крестьяне даже не получали «отписок» в приеме у них продуктов и отбывании повинностей, а если и получали, то это «излишнее тягло» не учитывалось при выплате государственных повинностей. Специальными царскими указами весной 1701 г. в дворцовых и духовных вотчинах прифронтовых уездов были определены на постой на несколько месяцев 24 тыс. лошадей. Для присмотра потребовалось приставить к ним значительное число крестьян и заготовить фураж — 24 тыс. четвертей овса, 8000 копен мерных сена. Сбор с каждого крестьянского двора составил: овса более четверти, сена более половины мерной копны.[12]

В условиях военного времени на северо-западе страны развернулось широкое строительство. В 1702—1703 гг. шло сооружение корабельных верфей — Сясьской, Олонецкой, Лодейнопольской, близ Шлиссельбурга. В конце 1702 г. были заложены первые камни в фундаменты нескольких предприятий системы Олонецких заводов. В 1703 г. начато строительство Петербурга. Строившиеся и действующие объекты обеспечивались трудом многих тысяч приписных крестьян страны.

Первая четверть XVIII в. характеризовалась непомерным усилением феодально-крепостнического гнета по всей стране, но положение крестьянства северо-запада России оказалось особенно бедственным.[13] В 1702 г. крестьяне Александро-Свирской вотчины вместе с лошадьми непрерывно высылались «на Сясьское устье к корабельному строению». Не подействовала жалоба крестьян, писавших, что у них «клячи... многие пере-

---

[10] Там же, к. 8, д. 133, л. 1.

[11] Там же, к. 8, д. 130, ст. 1.

[12] Там же, к. 8, д. 122, л. 1; д. 99, л. 1. Копна мерная содержит 7 возов «самых добрых битых».

[13] Очерки истории СССР, с. 159—185.

пропали, а которые и осталые и на тех возить ничего не мочно».[14] В 1703 г. население Олонецкого уезда, в том числе и Александро-Свирской вотчины, приписали к Олонецкой верфи, а в 1704 г., когда большую часть жителей уезда определили обслуживать строившиеся Олонецкие заводы, крепостные монастырской вотчины продолжали работать на Олонецкой верфи и одновременно посылать людей в заводские работы. Людей и лошадей брали то с пяти, то с трех дворов по одному человеку вместе с лошадью. Нередко мобилизовались все взрослые мужчины.[15]

Помимо разного рода работ государство требовало с населения окладные и запросные сборы. В 1701 г., по имеющимся данным, александро-свирские крестьяне выплатили с одного двора: окладного хлеба (провианта) по 1,5 четверика ржаной муки, стрелецкого хлеба по 3 четверика ржи и овса, полуполтинного сбора по 8 алтын 2 деньги. С крестьян духовных и дворцовых вотчин в 1701 г. взяли деньги на 18 000 седел по 0,2 деньги с двора.[16] В 1701 г. александро-свирские крестьяне выделяли запросный хлеб (ржаную муку) за 1700 и 1701 гг. по осмине с двора.[17]

Данные о рыночных ценах на зерно и муку позволяют получить денежное выражение перечисленных государственных сборов. Они составили около 5 р. с одного крестьянского двора.[18] Расходы по содержанию лошадей равнялись около 3,5 р. Если предположить, что затраты одного крестьянского двора в течение года на содержание подводчиков составляли 6 р., а снаряжение рекрут — 4 р., то тогда, по самым приблизительным подсчетам, государственный платеж в 1701 г. с одного крестьянского двора составил сумму в 20 р.

Тяжесть государственных платежей и работ, легших на плечи александро-свирских крестьян в первые годы XVIII в., была столь велика, что в 1703 г. в вотчине вспыхнули волнения. В ходе волнений 1703—1704 гг. крепостные отказались отбывать владельческие повинности. В ответ на жалобы вотчинных властей царский указ 1704 г. предписывал всем крестьянам «быть за Александровым монастырем» и отправлять повинности на монастырь в полном объеме. Лишь крестьяне д. Мекшевичи переходили полностью в распоряжение Олонецкой верфи и временно освобождались от владельческих повинностей.[19]

---

[14] Архив ЛОИИ, ф. 3, оп. 1, к. 8, д. 130, ст. 1.

[15] Там же, к. 10, д. 40, л. 1 об.; д. 39, л. 1; к. 12, д. 2, л. 4 об.; к. 11, д. 2, л. 109.

[16] Там же, к. 8, д. 122, л. 1; к. 12, д. 2, л. 2, 2 об.

[17] Там же, к. 8, д. 107, л. 1; д. 128, л. 1.

[18] В первой четверти XVIII в. в Олонецком уезде цены 1 четверика ржи — 25—30 к., ржаной муки — 40—45 к., овса — 18—20 к. — Там же, к. 15, д. 16, л. 41, 42 об.

[19] Там же, к. 10, д. 26, л. 1, 1 об.

В последующие годы крестьяне монастыря продолжали выполнять на заводах и верфи огромный объем работ: вырубали и возили «про заводской обиход» дрова и камень, выжигали и возили уголь и известь, курили смолу, плотничали, производили землеройные, строительные, ремонтные работы. В обязанности крестьян вотчины входила поставка на р. Свирь в период навигации работников для «подъема» судов, перевозивших с завода и на завод сырье и готовую продукцию. С монастырской вотчины брали по 50, а иногда и по 150 человек.[20] В связи с тем, что «высылки» на государственные работы из Александро-Свирской вотчины часто бывали поголовными, монастырские власти в 1713 г. обратились к Петру I с челобитной, в которой просили их крепостных «от Олонецкого верфа и от заводских работ... свободить». Правительственный указ от 16 октября 1713 г. предписывал впредь в летнее время освобождать монастырских крестьян от работ на заводах и верфи,[21] но при посылке работников осенью и зимой учитывались и пропущенные летние месяцы.[22] Нередко «для самой нужной работы» администрация заводского района и верфей не считала возможным освобождать от работ крестьян и в летние месяцы. Так, летом 1718 г., в разгар полевых работ, с вотчины взяли к Олонецкой верфи «з другого двора» по человеку. Крестьяне с лошадьми на верфи выполняли постойную повинность, поднимали суда, проходившие по р. Свирь к заводам.[23]

По-прежнему большую часть в государственных платежах монастырских крестьян составляли затраты на подмогу крестьянам, уходившим на государственные работы, деньги на наем сторонних работников для посылки их в работы вместо вотчинных крестьян. Петровские заводы и Олонецкая верфь потребовали деньги на наем кузнецов, лоцманов и других квалифицированных работников. Только в сентябре 1717 г. отправка 7 плотников на 8 месяцев в Петербург к Адмиралтейству обошлась крестьянам в 56 р. Каждому человеку на месяц собирали по 1 р., что составило по 40 к. с двора.[24] Кормовыми деньгами были обеспечены 247 человек, посланных на Олонецкую верфь. Величина выделенной им «подмоги» неизвестна. Но если предположить, что каждому на месяц было определено хотя бы по 30 к., то окажется, что общая величина кормовых денег, выплаченных в сентябре 1717 г., составила около 1 р. с крестьянского двора. В 1716 г. с одного крестьянского двора, расположенного в Средней Мегрегской трети Пряжезерской волости, было собрано более 8 р. «подможеных» денег.[25] Вероятно, не

[20] Там же, д. 40, л. 1; к. 12, д. 2, л. 4 об.; к. 9, д. 42, л. 1.
[21] Там же, к. 10, д. 39, л. 2; д. 40, л. 2.
[22] Там же, к. 9, д. 11, л. 1, 1 об.
[23] Там же, к. 9, д. 11, л. 1, 1 об.; д. 42, л. 1.
[24] Там же, к. 9, д. 11, л. 2.
[25] Там же, к. 9, д. 3, л. 1—23.

меньшую сумму составляли «подможные» деньги в Александро-Свирской вотчине.

Изнурительный труд и платежи на заводах и верфях дополнялись комплексом государственных налогов. В 1711 г. они составили более 5 р. с одного двора. С каждого двора было собрано: окладного провианта ржаной муки по 1,5 четверика и на провиантские приказные расходы по 2 деньги с четверти, стрелецкого хлеба — ржи и овса — по 3 четверика, на житничное строение по 4 деньги с юфти, окладных корабельных на 1710 и 1712 гг. по 25 к., подводных денег 24 к., рекрутских денег по 12 к., деньги двумстам подводчикам, которые возили «припасы» до Выборга, по 30,7 к., деньги на подводы, посылавшиеся к Луге, с провиантом к бригантинному строению и за рыбные ловли по 68 к. 1 деньга, в Софийскую казну по 2 алтына 2 деньги и крупы по 3,5 четверика.[26] Нужно учитывать, что в первое десятилетие XVIII в. в вотчине очень сократилось количество жилых дворов. Вместо 209 дворов, числившихся по переписи 1678 г., в 1707 г. осталось 140, а к 1710 г. — 93 жилых двора.[27] Крестьяне, жившие в вотчине, выполняли государственные повинности не только за себя, но и за пустые дворы. Подсчеты показывают, что в 1711 г. величина государственных платежей превышала 15 р.

Сохранились расходные книги старост Кондужской волости, в которых зарегистрированы все затраты, связанные с работами на верфи и заводах в 1721—1723 гг.[28] В этот период многие заводы края уже прекратили свое существование, а действовавшие сокращали производство. Хирела и Олонецкая верфь. С 3 мая 1721 г. по апрель 1722 г. каждый крестьянский двор затратил по 1,5 р. на «подможные» деньги и другие нужды. С апреля 1722 г. по апрель 1723 г.— 2,5 р., с апреля 1723 по апрель 1724 г. — 2 р. 30 к. с крестьянского двора.[29] Фактически и в 20-е годы платежи крестьян были выше тех сумм, которые указаны в расходных книгах старост. Представители администрации заводов и верфи часто приезжали в вотчину и требовали без указов «всякие денежные доходы и хлебные припасы, и работников, и плотников, и подводчиков».[30]

Кроме платежей и работ на заводах и верфи крепостные вотчины выплатили с 3 мая по апрель 1722 г. с одного двора государственных как натуральных, так и денежных сборов: солдатам Олонецкого батальона на мундир и жалованье по 4 алтына 4,5 деньги, провианта (ржаной муки) по 0,5 четверика и

---

[26] Там же, к. 12, д. 2, л. 2, 2 об.

[27] Там же, к. 14, д. 1, л. 57—59; к. 12, д. 2, л. 19 об.; д. 9, л. 110.

[28] Там же, к. 11, д. 12, л. 271—308.

[29] Исходя из этих сумм, можно считать, что в период работы заводов и верфей на полную мощность расходы крестьян на заводы и верфи составляли не менее 8 р. с двора.

[30] Архив ЛОИИ, ф. 3, оп. 1, к. 11, д. 12, л. 109—110.

по 0,5 малого четверика, круп — 3,5 четверика; приказным людям Петровских заводов на жалованье и на канцелярские расходы — по 3 алтына 2 деньги, хлеба (ржи и овса) по 0,5 четверика; «на удовольствование» двух пехотных полков, расквартированных в Олонецком уезде, провианта (ржаной муки) по четверику, круп со 100 дворов по 2 четверика, фуража лошадям (овса) по 1,5 четверика и по малому четверику, сена по 2 пуда 4 фунта; «прибавочного овса» тем же пехотным полкам по 1,1 четверика; «государевым лошадям на корм, которые в работы при Петровских заводах», овса по 1 четверику, сена по 5 пудов; печатных пошлин по 7 алтын 1 деньге; стряпчему на жалованье по 6 денег.[31] Государственные платежи в неурожайный 1721 г. составили более 6 р. с одного крестьянского двора. Крестьяне снабжали рекрут деньгами на мундир и провиант, несли расходы, связанные с подводной повинностью, собирали деньги «на государево шествие», на постройку домов в Петербурге, платили оброчные деньги за рыбные ловли, деньги «в почесть» многочисленным правительственным чиновникам, приезжавшим в вотчину, многие другие платежи, о которых не сохранилось сведений в монастырском архиве.[32]

Государственные налоги в следующем году — с 5 апреля 1722 г. по апрель 1723 г. — исчислялись в сумму более 6 р. 50 к. с одного крестьянского двора. Помимо вышеназванных платежей с крестьян стали взимать ландратскую подать деньгами и продуктами, деньги на подряд и поставку провианта в 1722 и 1723 гг., деньги «на морской провиант», на постройку «першпективной» дороги от Петербурга до Волхова, в целом на сумму около 10 р.[33]

Произведенные расчеты дают основание заключить, что в 20-е годы XVIII в., несмотря на сокращение сборов на заводы и верфи, величина государственных платежей оставалась значительной. Денежная оценка государственных платежей с одного крестьянского двора составляла в 1701 г. 20 р., в 1711 — более 15 р., в 1721 — более 6 р. и в 1722 г. — 10 р.

Приведенные нами сведения дают представление о размерах государственных повинностей александро-свирских крестьян в первой четверти XVIII в. На протяжении первых двух десятилетий государственные платежи и работы были необычайно большими. Лишь с начала 20-х годов в связи с сокращением объема работ на заводах и верфях денежные сборы на нужды этих объектов уменьшились, сократились поборы на военные нужды, что привело к некоторому снижению размеров государственных повинностей.

---

[31] Там же, л. 271—272 об., 279, 280 об.

[32] Там же, к. 12, д. 2, л. 4 об.; к. 11, д. 2, л. 141—142; д. 12, л. 141; д. 5, л. 3; к. 10, д. 24, л. 1; д. 33, л. 1, 2.

[33] Там же, к. 11, д. 2, л. 147; к. 12, д. 3, л. 102; к. 14, д. 6, л. 61, 118; к. 12, д. 6, л. 6.

Сравнение размеров государственных платежей крестьян Александро-Свирской вотчины в первой четверти XVIII в. с государственными повинностями крестьян других районов страны позволяет заключить, что их величина при некотором колебании в основном была одинаковой для владельческих крестьян России. Непомерная величина государственных платежей и работ в сочетании с владельческими повинностями поставила крестьянские хозяйства России в первой четверти XVIII в. на грань разорения.[34]

---

[34] Очерки истории СССР, с. 154—168.

В. А. Петрова

ИНОСТРАННАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

К концу XVIII в. Россия превратилась в одну из могущественных стран Европы. Экономическое развитие страны требовало дальнейших усовершенствований в области науки, техники, культуры. Развитие производительных сил всегда вызывает потребность в знаниях. «Когда после темной ночи средневековья вдруг возрождаются с неожиданной силой науки... то этим чудом мы ... обязаны производству», — писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы».[1]

Во второй половине XVIII в. Петербургская Академия наук стала подлинным научным центром. Расширялись ее связи с зарубежными научными учреждениями, организациями, учеными. Многие иностранные ученые, особенно немцы, переезжали работать в Россию.[2]

В 1765 г. в России было создано Вольное экономическое общество, явившееся одним из проявлений «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. Подобного рода общества возникали в XVIII в. во многих странах.[3] В деятельности Вольного экономического общества с самого начала активное участие принимали ученые — И. Г. Леман, П. С. Паллас, Леонард и Иоганн Эйлеры, И. Г. Георги, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский и др.

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 501.

[2] Дружинина Е. И. Значение русско-немецких связей для хозяйственного развития южной Украины в конце XVIII в. — В кн.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. (экономика, политика и культура). М., 1966; Мошковская Ю. Я. Георг Форстер — немецкий просветитель и революционер XVIII в. М., 1961; Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. Научное описание. Под общей ред. акад. Д. С. Рождественского 1766—1782. Сост. И. П. Любименко. М.—Л., 1937; Русско-германские научные связи между АН СССР и Академией наук ГДР. 1700—1974. Сб. докум. под ред. акад. П. Н. Поспелова (СССР), акад. Г. Шееля (ГДР). М., 1975.

[3] История имп. Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г., составленная по поручению Общества секретарем его А. П. Ходневым. СПб., 1865, с. 2.

Поэтому деятельность Общества была тесно связана с Петербургской Академией наук.

Хозяйственные задачи, поставленные перед Обществом, смыкались с практическими вопросами, занимавшими Академию в этот период, и они совместно заботились «о приращении в государстве народного благополучия», а поэтому должны были «стараться приводить экономию в лучшее состояние», как было сказано в уставе Общества.[4] Связь теории и практики, характерная для русской науки того времени, нашла свое реальное воплощение в работе Общества. Возможность проверки научных теорий в области «натуральной истории», а также возможность реализации практических предложений по развитию производительных сил отдельных местностей и страны в целом стимулировали активность и инициативу ученых, путешественников, исследователей «трех царств природы».

По своей социальной природе «просвещенный абсолютизм» является политикой дворянского государства, стремившегося использовать капиталистическое развитие для укрепления классового господства дворянства и в этих целях «вступившего на путь временного политического сотрудничества с буржуазией».[5]

В уставе «Патриотического общества для поощрения в России земледельства и экономии», как первоначально называлось Вольное экономическое общество,[6] была поставлена задача «стараться приводить экономию в лучшее состояние, показывая надежнейшие способы, каким образом естественные приращения с вящею пользою употребляемы в прежние недостатки поправляемы быть могут».[7] Далее перед членами Общества ставилась совершенно конкретная задача: «...все полезные и новые в земледелии и экономии чужестранными народами по ныне изобретенные и опытом уже изведанные материи прилежно собирать и сообщать любезным своим согражданам».[8] Таким образом, кроме статистического и экономического изучения своей родины Общество должно было изучать опыт иностранных ученых и практиков сельского хозяйства.

Большую роль в собирании сведений о ведении сельского хозяйства за рубежом играли ученые — члены Общества. Поэтому не случайно связь Общества с иностранными корреспондентами очень часто, а тем более в первый период его деятельности, тесно соприкасалась с ученой перепиской членов Петербургской Академии наук.

---

[4] Уставы Вольного экономического общества и высочайшие рескрипты ему данные. 1765—1898. СПб., 1899, с. 18.

[5] Зутис З. Я. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, с. 285.

[6] История Вольного экономического общества, с. 2; ЦГИА, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 1; Труды Вольного экономического общества, ч. 1. СПб., 1765, с. 1.

[7] Уставы Вольного экономического общества..., с. 18.

[8] Там же, с. 12.

Общество получало от своих членов и членов-корреспонден тов книги, статьи, опубликованные за границей, переводы, про сто сообщения. После просмотра корреспонденции секретарем «по немецким делам» Я. Я. Штелиным она докладывалась со бранию, на котором принималось решение передать материалы в комитет на более тщательное рассмотрение или на рецензию и апробацию кому-либо из ученых. Сочинения, признанные «по лезными», поступали к переводчикам для подготовки к публи кации в «Трудах» Общества полностью или в виде «экстракта». Если присланные сочинения одобрялись рецензентами, то автор принимался в члены Общества и с ним устанавливалась пере писка.

Кроме частной переписки Общество стремилось наладить научные связи с иностранными экономическими обществами. В 1766 г. секретарь Лейпцигского экономического общества об ратился с предложением начать переписку.[9] В 1770 г. из Саксо нии от Шираха, члена и секретаря учрежденного в верхнем Ла узице экономического общества, были получены две книги о со держании и размножении пчел. После рассмотрения работ чле нами комитета — Клингштетом, И. Г. Моделем, К. Ф. Вольфом и Э. Г. Лаксманом — было решено сделать из них выписки, пе ревести их на русский язык и опубликовать в «Трудах». Кроме того, Общество решило послать к Шираху двух учеников.[10] Афанасий Каверзнев и Иван Бородовский были первыми и по следними в XVIII в. пенсионерами Вольного экономического общества. Пройдя двухлетнее обучение у Шираха и в Лейпциг ском университете и получив высокую оценку своей работы, они вернулись на родину и были проэкзаменованы в собрании Об щества, куда представили свои письменные «спецмены». По ним было сделано заключение, что «они (Каверзнев и Бородов ский. — *В. П.*) всеобщее и частное пчеловодство знают основа тельно и совершенно», знают также и языки: латинский, немец кий и французский.[11] Но Общество не сумело найти для них работу по специальности и отправило к генерал-аншефу, наме стнику Смоленской губернии А. И. Глебову, который обещал определить их в Смоленской губернии на секретарские места с окладом в 250 р. в год.[12]

Большое значение для активизации связей с зарубежными специалистами имели объявляемые Обществом конкурсные за дачи. Так, в 1766 г. за ответ на задачу о крестьянской собстве ности золотую медаль в 35 червонных и денежную премию по лучил Беарде де Лабей. В 1769 г. за задачу о поправлении и удобрении земель без «сжения кубышей» награды удостоился пастор из Нижней Померании Грасман. В 1774 г. за задачу,

[9] ЦГИА, ф. 91, оп. 1, д. 3, л. 30—30 об.; д. 6, л. 31—31 об.
[10] Там же, д. 7, л. 49—51 об., 54.
[11] Там же, д. 9, л. 2—2 об., 12 об. — 20, 21 об.
[12] Там же, л. 60—63 об.

«какой хлеб прибыльнее для России», золотую медаль присудили И. Бонагурию из Италии. В 1775 г. за сочинение о способе наиболее дешевой постройки крестьянского дома был удостоен медали учитель математики из Бранденбурга Кефершгейн. В 1789 г. за описание изготовления ружейных кремней был награжден аббат Арнольд из Вены и за «наивыгоднейший способ сжения сажи» — И. Айке из Геттингена.

Однако все эти связи не носили систематического характера. Поэтому в 1790 г. Вольное экономическое общество по предложению президента Ф. Ангальта разослало в зарубежные ученые общества некоторые сведения о трудах и упражнениях Общества, чтобы они «получили желание с собранием нашим иметь сношения к пользе хозяйства служащие». Среди организаций, к которым обратилось Вольное экономическое общество, были: Общество естествоиспытателей в Данциге, Общество поощрения художеств и полезных промыслов в Гамбурге, Патриотическое общество в Гессен—Гамбурге, Экономическое общество курфюршества Пфальц в Мангейме, Земледельческое общество Брауншвейг-Люнебургское в Целле, Экономическое общество в Лейпциге, Оберлаузицкое пчеловодческое общество, Патриотическое общество в Бреславле, Бургаузинское общество земледельческих наук, Королевское общество земледелия в герцогстве Стейермарке, Общество земледелия в Клагенфурте, Общество земледелия в Граце, Бернское экономическое общество в Швейцарии, Королевское экономическое патриотическое общество в Богемии, Экономическое общество в Дрездене и Курпфальцское экономическое общество в Гейдельберге.[13]

Наиболее тесными и обширными явились связи Вольного экономического общества с немецкими учеными. С 1776 г. устанавливается переписка с И. Г. Гледичем, немецким ботаником и лесоводом, директором берлинского ботанического сада и профессором Берлинской академии. По рекомендации П. С. Палласа, И. А. Гильденштедта и А. М. Карамышева он был принят в члены Общества [14] и награжден золотою медалью за присланную Обществу книгу своего сочинения. Гледич не только писал в Общество, но и присылал семена.[15] Одновременно с ним в члены Общества были приняты обер-бергграты из Берлина Гергард и Фербер и доктор Криниц.[16] В последующие годы связи с Берлином продолжают развиваться. Ученые посылают в Общество свои сочинения и разные книги. Так, доктор и «сочлен многих ученых обществ» Блох прислал 4 книги своего сочинения о рыбах, за что был принят в члены Общества.[17] Л. Формей, королевский обер-штаб медик из Пруссии, был принят в члены Об-

[13] Там же, д. 35, л. 106—107.
[14] Там же, д. 14, л. 10 об., 12 об.; д. 25, л. 28 об.
[15] Ученая корреспонденция..., док. № 1687, № 2097.
[16] ЦГИА, ф. 91, оп. 1, д. 14, л. 10 об., 11—12 об.
[17] Там же, оп. А, д. 503, л. 18 об.

щества и награжден медалью за ответ на задачу об очищении воздуха.[18] Профессор И. Бекман из Геттингена прислал свою книгу «Основание к немецкому домоводству» и стал членом Общества.[19] Русские ученые также участвуют в различных зарубежных научных изданиях, например в Виттенбергской университетской газете, в трудах Гамбургского ученого общества и в других научных издательствах.

В 80-е годы устанавливаются постоянные связи с Лейпцигским экономическим обществом. В журналах заседаний Вольного экономического общества имеются довольно систематические записи о присылке этим обществом книг, семян, различных орудий и приспособлений.[20] В члены Общества принимаются граф фон-Эйнзидель, саксонский конференц-министр и директор Лейпцигского общества, доктор медицины, профессор Л. Фишер, обер-гауптман в Саксонии Папст фон Огайм, младший обер-амтман Голцгаузен и др.[21] Свидетельством установившихся связей между обществами является и избрание в члены Лейпцигского экономического общества Ф. А. Ангальта и А. А. Нартова, в почетные члены — В. А. Левшина, П. С. Свистунова, А. Т. Болотова, штаб-лекаря из Устюга Ф. Фризе.[22]

В ответ на посланное обращение Вольного экономического общества были получены книги и сочинения от Курпфальцского экономического общества в Гейдельберге,[23] от Брауншвейг-Люнебургского общества земледелия в Целле, директор которого Билов и секретарь Бенке были приняты в члены Общества.[24]

В 1774 г. по рекомендации Лаксмана и Эклебена был принят в члены Общества доктор Арктор Паули из Гамбурга.[25] В 1791 г. было получено письмо и книги от И. Л. Мейера, доктора прав, члена и секретаря Общества поощрения художеств и полезных рукоделий.[26] Членом Общества стал профессор математики и начальник Коммерческой академии в Гамбурге И. Г. Буш, приславший Обществу изобретенную Зеверсом из Альтоны землекопалку с отзывом об ее достоинствах.[27] В 1796 г. Вольное экономическое общество подписалось на гамбургскую газету.

Письмо, полученное Обществом из Потсдама, позволяет судить о переписке с экономическим обществом марки Бранден-

---

[18] Там же, оп. 1, д. 46, л. 611.
[19] Там же, д. 14, л. 13; д. 18, л. 23 об., 33 об.
[20] Там же, д. 17, л. 20, 23; д. 29, л. 14 об.; д. 38, л. 79, 127; д. 41, л. 183, 268, 271 об., 274 об.; д. 53, л. 93.
[21] Там же, д. 38, л. 79 об.; д. 14, л. 10, 12 об.; д. 44, л. 199; д. 35, л. 235.
[22] Там же, д. 38, л. 161 об.; д. 52, л. 112; д. 47, л. 100; д. 41, л. 212.
[23] Там же, д. 38, л. 73; д. 44, л. 338.
[24] Там же, д. 44, л. 154; д. 47, л. 36.
[25] Там же, д. 12, л. 19 об. — 20.
[26] Там же, д. 38, л. 160 об.; д. 44, л. 224 об., 235.
[27] Там же, д. 41, л. 234; д. 27, л. 22.

бург. Директор этого общества Вендель и секретарь Дитрих отправили выпускаемые их обществом «Анналы» и сообщали о «книжке», которую «ежемесячно издавать будут».[28]

В 80—90-е годы в члены Вольного экономического общества принимается ряд ученых из Вюртембергского герцогства: Балтазар Спренгер, профессор коллегии в Маульбрауне, Кернер, профессор Академии в Штутгарте, Хр. Штор, профессор естественной истории Тюбингенского университета, И. Шейер, гогенлогский инженер-капитан и директор строений, а также герцог вюртембергский Людвиг-Евгений.[29]

Вторая большая группа членов Вольного экономического общества состояла из англичан. Связи с английскими учеными в России были давние, хотя в составе действительных членов Петербургской Академии наук англичан не было. Однако с Вольным экономическим обществом с самого начала его деятельности английские техники, приборостроители, механики установили контакт.[30]

В 90-е годы связи с англичанами принимают довольно регулярный характер. Большую роль в налаживании связей между русским экономическим обществом и Лондонским земледельческим обществом сыграл Я. И. Смирнов — священник, находившийся при российском посольстве в Лондоне, за что и был принят в члены Общества.[31]

Из Лондона присылал книги Обществу А. А. Самборский. Так, от него поступили описание практического английского земледелия и сочинение А. Юнга «Летопись о земледелии».[32] Президент Лондонского общества земледелия через Смирнова отправлял семена и задал членам Общества ряд вопросов, касающихся сельского хозяйства России. По поручению Общества Л. Эйлер подготовил на них ответы, а А. Нартов послал семена кунжута, голого ячменя и сибирской гречихи и сообщил о способе изготовления масла из семян кунжута и горчицы. Я. И. Смирнов регулярно присылал издаваемые Лондонским обществом земледелия книги с чертежами и описаниями «полезных изобретений и машин».[33] Связи осуществлялись и через английского купца Джоржа Марша[34] и носили довольно регулярный характер.

В члены Вольного экономического общества были приняты И. Банкс, президент Королевского общества в Лондоне, почет-

---

[28] Там же, д. 56, л. 110 об.; д. 58, л. 6.

[29] Там же, д. 18, л. 23 об., 33 об.; д. 28, л. 28 об., 31; д. 44, л. 394 об.; д. 46, л. 560; д. 47, л. 132 об.; д. 50, л. 280; д. 56, л. 134; д. 58, л. 188 об.

[30] Радовский М. И. Из истории англо-русских научных связей. М.—Л., 1961, с. 79, 120.

[31] ЦГИА, ф. 91, оп. 1, д. 52, л. 213—213 об.; д. 57, л. 340.

[32] Там же, д. 27, л. 7; д. 35, л. 115.

[33] Там же, д. 53, л. 10, 27 об., 28.

[34] Там же, л. 6; д. 503, л. 51.

ный член Петербургской Академии наук с 1780 г.,[35] лорд Сомервиль, президент Лондонского общества земледелия и вице-президент этого общества лорд Гавк, Вильям Жонс, президент ученого общества в Калькутте (в Транкебаре), доктор Якоб Андерсон, член многих ученых обществ и издатель экономического журнала в Эдинбурге, Вилиам Кокс, профессор и член Лондонского королевского общества, доктор Коттон, декан в Честере, лорд Родней, вице-адмирал.[36] Кроме ученых и представителей аристократических кругов в члены Вольного экономического общества были приняты представители английской технической интеллигенции: Дж. Нейман, Р. Ланноя, Гатчет, «механики из Лондона», Вилиам Форсит, «садовник короля великобританского в Кенсингтоне», И. Х. Фабрициус, «учитель экономики и камеральной науки в Киле».[37] Членами Общества были и многие английские «механики», приглашенные на работу Петербургской Академией наук. Они не раз выполняли поручения Общества, принимали участие в испытаниях присылаемых моделей как от русских умельцев и практикующих помещиков, так и из-за рубежа.

Связи между Парижской Академией наук и Вольным экономическим обществом осуществлялись в основном по линии ученых. В члены Парижской Академии были избраны и члены Общества: А. И. Лексель, И. А. Эйлер, П. С. Паллас. Основная корреспонденция шла через Ж. Ж. Лаланда, который, как и Формей в Берлине, получал за свои услуги от Петербургской Академии наук «пенсию». Он присылал книги, сообщения. Полученные от него вопросы «относительно к земледелию и прочим частям экономики» были опубликованы в XXVIII части «Трудов».[38] В члены Общества были приняты «известный эконом в Марсилларге близ Люнеля в Лангедоке» Луи Мурге, аббаты Розиера из Лиона[39] и Реналь из Марселя. От французского секретаря посольства Жени (Жене) Общество неоднократно получало книги, а вопросы, заданные им относительно земледелия, были опубликованы в XXXVIII части «Трудов».[40]

В 90-е годы налаживаются связи с Туринским королевским обществом земледелия. Вольное экономическое общество получило четыре тома «Записок» Туринского общества и бронзовую медаль. В знак благодарности из Петербурга было отправлено

---

[35] Там же, д. 32, л. 95; Ученая корреспонденция.., док. № 1861.

[36] ЦГИА, ф. 91, д. 32, л. 163 об.; д. 41, л. 233 об., 244; д. 47, л. 158, 258; д. 50, л. 186; д. 58, л. 22 об.; д. 59, л. 61, 111.

[37] Там же, д. 32, л. 163 об. — 164; д. 35, л. 219; д. 41, л. 5 об.; д. 28, л. 38 об.; д. 503, л. 22 об., 26 об., 28 об.

[38] Русско-французские научные связи. Публикация А. Т. Григорьяна и А. П. Юшкевич при участии Т. Н. Клаф и Ю. Х. Копелевич. Л., 1968, с. 87—88; ЦГИА, ф. 91, оп. 1, д. 35, л. 80 об., 32, 78—80.

[39] Там же, д. 41, л. 30; д. 38, л. 27 об., 36.

[40] Там же, д. 32, л. 79 об. — 80.

40 частей «Трудов», малая золотая медаль и письмо.[41] Затем в Турин были отосланы сочинения Ловица «Об очищении воды» и Эриха «О способе крашения сафьяновых кож» и «О произрастании сибирской гречихи».[42] В члены Общества были приняты президент Туринского экономического общества Марубио Калузий и непременный секретарь доктор медицины Жюлио,[43] профессор земледелия каноник Андреас Цукини (Цухини), директор сада герцога Флорентийского, «для опытов в земледелии учрежденного», и И. А. Диспоколи (Шкополи), королевский горный советник и профессор химии и ботаники в Павии.[44]

К концу XVIII в. Вольное экономическое общество устанавливает связи и с другими странами. Так, связи между Петербургской Академией наук и Стокгольмом, как показывает ученая корреспонденция, были достаточно активными. Что касается Вольного экономического общества, то для налаживания связей много стараний приложил статский советник, резидент при шведском королевском дворе А. С. Стахеев, принятый в члены Общества в 1774 г.[45] В 1777 г. членами Общества стали ученые университета в Або: профессор химии П. А. Гадд, профессор экономии П. фон Кальм, профессор ботаники из Лунда Рециус и др.[46] В 90-е годы состав членов Общества пополнился, были приняты непременный секретарь Стокгольмской Академии наук, профессор астрономии Даниил Гиельм, горный советник, директор железных заводов Свен Ринман, коммерции советник Г. фон Киерлинг, корабельный капитан Норберг.[47]

Со шведским Патриотическим обществом Вольное экономическое общество установило довольно тесные связи. Русские ученые — Ф. А. Ангальт, А. А. Нартов, И. З. Кельхен — стали почетными членами Шведского общества.[48] В Петербург поступали книги на шведском языке, в том числе «Королевское утверждение оспопрививальных правил», изданное Патриотическим обществом.[49]

В 1790 г. было получено письмо от секретаря Экономического общества в Берне К. фон Галлера, в котором он писал, что «Труды» русского общества они получили, но «внутренние дела тамошней республики... препятствовали до сих пор учинить достодолжный ответ».[50] В члены Общества были приняты И.

---

41 Там же, д. 35, л. 163—163 об., 176.
42 Там же, д. 38, л. 180—180 об.
43 Там же, л. 27 об., 36, 173 об., 178 об.
44 Там же, д. 18, л. 23 об., 33 об.; д. 503, л. 18 об.
45 Там же, д. 12, л. 2.
46 Там же, д. 17, л. 4—4 об.; д. 18, л. 10, 13 об., 14; д. 19, л. 92 об.
47 Там же, д. 56, л. 58 об., 209; д. 41, л. 150, 309; д. 38, л. 273; д. 56, л. 60 об.
48 Там же, д. 41, л. 101.
49 Там же, л. 147.
50 Там же, д. 44, л. 189. — Следует отметить, что письмо было послано в 1790 г., а ответ зачитывался на собрании 9 июля 1973 г.

Шнейдер и И. Гофштетер, «оба славные экономы в д. Рейтенер близ Золотурна» в Швейцарии, и др.[51]

Среди членов Общества были и представители Голландии: Форстерман фон Гойен, «голандской службы капитан», который совершил двухлетнее путешествие по Сибири и сообщил «много хозяйственных сведений»,[52] и О. Шварц, «библиотекарь и тайный архиварнус голландского правления в Батавии».[53] На страницах «Трудов» Вольного экономического общества печатались сочинения аббата из Вены Арнольда, доктора Ст. Элли из королевства Польского и многих других.

Таким образом, к концу XVIII в. Вольное экономическое общество имело уже довольно значительные постоянные связи с зарубежными корреспондентами. Сообщения поступали от ученых и путешественников, консулов и членов посольских миссий. Но главными были широкие связи, которые установило Общество, с аналогичными организациями за границей.

Создание и развитие экономических обществ, подобных русскому Вольному экономическому обществу, в ряде государств Европы — одна из характерных черт «просвещенного абсолютизма».

---

[51] ЦГИА, ф. 91, оп. 1, д. 41, л. 90.
[52] Там же, д. 44, л. 377 об.
[53] Там же, л. 322.

Е. М. Косачевская

НАРОДНЫЙ МСТИТЕЛЬ СЕМЕН ГАРКУША

Данная статья посвящена Семену Гаркуше — видному вожаку народных мстителей, действовавших в 60—80-е годы XVIII в. на территории Левобережной, Правобережной и Слободской Украины, в течение 15 лет наводя страх и ужас на помещиков-крепостников, их управляющих и правительственную администрацию.

Историк и этнограф Украины Н. А. Маркевич свидетельствует, что имя Гаркуши в Южной Руси так же знаменито, как Стеньки Разина в Северной, а территория «подвигов Гаркуши» простиралась «от Умани до Полтавы и от Казани до Лимана днепровского. Имя его было прославлено».[1]

Образ народного мстителя Гаркуши, его самоотверженная борьба, широкая популярность среди угнетенного и порабощенного крестьянства и казацкой бедноты оставили глубокий след в памяти народной и привлекли к нему внимание фольклористов, писателей и историков. М. Максимович считал Гаркушу последним гайдамацким атаманом; он отмечал, что, «с тех пор как Порфирий Байский пустил в литературный ход похождения гайдамацкого атамана и характерника Гаркуши», гайдамаки стали частой темой, особенно в польской литературе.[2]

Первую попытку воссоздать образ Гаркуши предпринял В. Т. Нарежный (1780—1825 гг.) в романе «Малороссийский разбойник Гаркуша». Однако автор умер, не успев завершить это произведение. Попытка наследников Нарежного опубликовать незаконченный роман о Гаркуше в 70-е годы XIX в. встретила решительный цензурный запрет, и впервые роман увидел свет только в 1956 г.[3]

---

[1] Маркевич Н. А. Гаркуша — украинский разбойник. — «Русское слово», 1859, IX, с. 138.

[2] Максимович М. А. Собр. соч., т. I. Киев, 1876, с. 572.

[3] Нарежный В. Т. Собр. соч., т. II. М., 1956, с. 459—604.

Затем к образу Гаркуши обратился Г. Ф. Квитка-Основьяненко. На основе большого фольклорного материала он создал драматическое произведение «Предания о Гаркуше», опубликованное в «Современнике» в 1841—1842 гг. Автор показал тесную связь Гаркуши с народом, его большую популярность, ярко нарисованы им и образы жестоких помещиков, и представителей правительственной администрации, против которых выступал Гаркуша. Вместе с тем образ народного героя у Основьяненко не отвечает исторической действительности, так как Гаркуша показан не борцом против угнетателей, а поборником всеобщей справедливости. Характеризуя Гаркушу, Основьяненко писал, что «он искореняет зло, преследует пороки людей, узнав о лихоимстве судей, корыстолюбии их, несправедливом управлении, является, выставляет перед ними пороки, злоупотребления, неправды их, стремится еще навести их на истинный путь убеждениями, увещаниями, угрозами. . .».[4]

Л. П. Стороженко посвятил Гаркуше роман-хронику «Браты близнята» и пьесу «Гаркуша», в которых народный герой предстает как романтический атаман разбойников, в конце концов раскаивающийся в своих грехах. Побратимов Гаркуши он называет разбойниками и бандитами с «звериными глазами».[5] В 1861 г. на основе пьесы «Гаркуша» композитор Лысенко написал одноименную оперу, в которой широко использовались народные мелодии.

В 50-е годы XIX в. интерес к крестьянским вожакам и их деятельности возрос. В 1859 г. в «Одесском вестнике» появилась статья о Гаркуше Г. П. Данилевского.[6] Небезынтересно, что в качестве эпиграфа к ней автор взял четверостишье из ответа Т. Г. Шевченко Скальковскому и куплет из народной песни:

«Гайдамаки — не воины,
Разбойники, воры;
Пятно в нашей истории!»
— Брешишь, людоморе! . .

(Т. Г. Шевченко)

Зовут мене разбойником,
Я ж не убиваю,
А що беру з богатого —
То бедному даю. . .

(Песня)

Г. П. Данилевский перепечатал в статье отрывки из «Предания о Гаркуше» Г. Ф. Квитки-Основьяненко и несколько легенд и преданий, опубликованных в «Украинском альманахе».[7]

[4] Квитка-Основьяненко Г. Ф. Предания о Гаркуше. — «Современник», т. XXV, 1841, с. 1—89; т. XXVI, 1842, с. 1—86.

[5] Гуржий И. А. Семен Гаркуша. Киев, 1962, с. 33—35.

[6] Данилевский Г. П. Разбойник Гаркуша (Из преданий о Харьковской и Черниговской губерниях). — «Одесский вестник», 1859, № 21—22.

[7] Украинский альманах. Харьков, 1831, с. 81—87.

«Редко чья жизнь... окружена в народе таким романтическим оттенком, как Гаркуши»,— писал он. Данилевский пришел к выводу, что народ, не зная Шиллера, создал в своих преданиях из Гаркуши «сущее подобие Карлу Мору».[8]

Небольшой очерк «Семен Гаркуша» опубликовал К. Кошовин,[9] использовав судебное дело 1783 г. о «разбойниках» Семене Гаркуше, Романе Босенко и Петре Тарасенко-Дроботе, их «передержателях и участниках», которое хранилось в библиотеке Киевской временной комиссии для разбора древних актов.

Исторически достоверный образ Гаркуши впервые в литературе дал Н. А. Маркевич. В 1859 г., в период революционной ситуации и наивысшего подъема крестьянских движений,[10] он поместил в журнале «Русское слово» документальный очерк о народном мстителе Семене Гаркуше.[11]

Как правильно отметил Е. С. Шаблиовский, «в революционно-демократической пропаганде большое значение имели исторические традиции освободительной борьбы народа, такие героические ее события, как восстания Разина и Пугачева, гайдаматчина, а также традиции декабристов».[12]

Подвиги Гаркуши Маркевич описывает на основании хранившегося у него уголовного судебного дела в 3-х томах, всего 83 дела, содержащих свыше 600 листов. Автор сообщает читателю, что в своем рассказе о Гаркуше он придерживается «строгой истины, основанной на допросах и показаниях самого Гаркуши и его товарищей».[13]

Рукопись незаконченного романа В. Т. Нарежного привлекла внимание писателя В. Закруткина, который впервые в советской литературе обратился к работе Маркевича о Гаркуше.[14]

---

[8] Мор Томас (1478—1535) — английский гуманист. В «Утопии» (1516) он изобразил общество, в котором господствует всеобщее равенство, труд составляет обязанность всех граждан, распределение осуществляется по потребностям (см.: Тарле Е. В. Общественные воззрения Т. Мора. — Соч., т. I. М., 1957, с. 121—265).

[9] Кошовин К. Семен Гаркуша. — «Киевская старина», 1883, т. V, с. 528—554.

[10] Вторая половина 50-х годов XIX в. ознаменовалась ростом крестьянских движений. В 1857 г. имело место 192 массовых крестьянских выступления, в 1858 — 528, а в 1859 — 938 (см.: Дружинин Н. М. Крестьянское движение 1857—1861 гг. по документам центральных исторических архивов СССР. — «Вопросы архивоведения», 1961, № 1, с. 19—24).

[11] Маркевич Н. А. Гаркуша... — «Русское слово», 1859, IX, с. 138—244.

[12] Шаблиовский Е. С. Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. Киев, 1975, с. 159.

[13] ГБЛ, ф. 152 (Лукашевича-Маркевича), XVII, т. I — Следствие, т. II — Экстракты, т. III — Суд и приговор; см. также: ИРЛИ, ф. 488, № 12 — неизаконченный текст очерка «Похождение Гаркуши» — 52 листа. Экстракты из следственного дела опубликованы Маркевичем частично в приложении к статье «Гаркуша — украинский разбойник» («Русское слово», 1859, IX, с. 140—141, 228—244).

[14] «Все материалы о Гаркуше, — писал В. Закруткин, — известны по обширной статье Н. Маркевича, в распоряжении которого имелось подлин-

Рукопись В. Нарежного и статью Н. Маркевича использовал и И. А. Гуржий при написании популярного очерка о Семене Гаркуше.[15]

Память о Гаркуше народ окружил большой любовью. «Народ,— пишет Маркевич,— во всех веках и везде — народ...» Народ помнит дела своих героев, которым приписываются подвиги легендарных деятелей. В народных преданиях Гаркуша предстает как человек гигантской физической силы: он мог согнуть руками серебряный рубль, остановить шестерню на мельнице. Народ приписывал ему чудодейственные свойства: его не брала пуля, он освобождался из тюрем с помощью разрыв-травы, при необходимости превращался в птицу и пр. Гаркуша отбирал имущество у одного богача и награждал им десять бедных.[16]

Тема о народном мстителе Гаркуше несомненно заслуживает внимания, и большой документальный материал, собранный Н. А. Маркевичем,[17] ждет своих исследователей.

Семен Гаркуша родился в 1739 г. в селе Березань на правом берегу Днепра в Полесье. Отец его Иван Миколаенко был крепостным помещика Старинского. Мальчик жил в нужде и бедности, пас панские табуны. В 1748 г. он пристал к проезжавшим через село запорожским казакам. Быстрый и любознательный мальчик понравился им, и Яков Легкоступ вскоре усыновил его. После смерти названного отца Семен стал наследником его имущества и в 17 лет был записан казаком в Шкуринский курень по фамилии Гаркуша (он слегка заикался, «гаркавил»). Семен Гаркуша прожил в Запорожской Сечи 16 лет. Подробностей о его жизни в Запорожье не сохранилось. Известно только, что он участвовал в морском походе под Очаков и сражался против турок в составе отряда запорожцев из 500 человек. В горячих боях под Хаджибеем был ранен. Некоторое время Семен Гаркуша занимался торговлей в городах и селах Левобережной Украины, бывал многократно в Белоруссии, входившей в состав Польши. Однажды, при попытке провезти товары через кордон, польская уланская стража захватила все его имущество и лошадей. Семен Гаркуша спасся бегством в лесу.

В своих походах и странствиях наблюдал Гаркуша гнет и насилие, жестокость и издевательства крепостников над «черньою бедной», которая всюду «терпит великие обиды и разорения». К этому присовокупились и личные обиды. Лишившись имущества, Семен Гаркуша не мог вести самостоятельное хо-

---

ное судебное дело разбойника». См.: Закруткин В. Забытая рукопись (В. Т. Нарежный «Гаркуша») — хранится в ГПБ. — «Резец», 1936, № 6, с. 14—15.

[15] Гуржий И. А. Семен Гаркуша.

[16] Там же, с. 34; Маркевич Н. А. Гаркуша... — «Русское слово», 1859, IX, с. 138—139.

[17] ГБЛ, ф. 152, XVII.

зяйство и оказался на положении запорожской серомы, вынужденной идти в услужение к казакам-богатеям.[18]

Основные вехи жизненного пути Гаркуши П. А. Маркевич характеризует так: «Приятель Гонты, сотрудник его в Уманской резне... запорожец, видя руину Сечи, он активизировал свои действия и был силен тем, что уничтожение вольного перехода крестьян доставило ему многочисленную шайку беглецов неожиданно, врасплох закрепленных. Все это случилось в 1768, 1775, 1782 годах, и Гаркуша не остался бездейственным».[19]

На следствии Гаркуша показал, что в Умани он действовал с атаманом Гонтой и со своими товарищами: Иваном Похилым, Петром Быком и «многими запорожскими казаками, которых показать не могу». Когда в 1768 г. «возгорелась страшная борьба казаков с униатами... когда Гонта, Железняк и Ус набили уманские колодцы трупами своих гонителей, когда вспылали фольварки и палацы буйных панов и облились кровью улицы и площади сел и городов ими закобаленных...», Гаркуша был с ними, заключает Маркевич. Как видим, Гаркуша был одним из участников крупного антишляхетского восстания Железняка и Гонты, воспетого Т. Г. Шевченко в «Гайдамаках», а затем народным мстителем, возглавившим борьбу «многочисленных крестьян, врасплох закрепленных» и бежавших от крепостной неволи.

Вместе с тем Маркевич, говоря о борьбе Гаркуши и его отряда, исключает социально-классовые причины, ее породившие; он видит основу их действий «в избытке сил» и заключает: «Во всяком случае их жизнь достойна внимания людей, изучающих сердца человеческие».

Действовал отряд Гаркуши на Левобережной Украине. Объектами нападения Семена Гаркуши и его побратимов становятся местные богатеи, жестоко обращавшиеся со своими подданными. Большую поддержку Гаркуше оказывали крестьяне: они оповещали о богатствах панов, охране их дворов, указывали пути отступления, помогая уйти от карателей. Нередко народные мстители совершали нападения на панов по просьбе самих крестьян. Попытки властей изловить Гаркушу и его боевых друзей долгое время были безуспешны. Гаркуша часто маскировался, менял одежду, имя, лошадей. Действовал с отрядом то под видом запорожцев, то купцов, то чумаков. В следственных делах сохранилось описание внешнего облика Гаркуши. Как показал Максим Высоченко, Семен Гаркуша был среднего роста, лыс в 40 лет, круглолиц, светлые усы, борода.[20]

---

[18] Степень расслоения в Запорожской Сечи в 50—70-е годы XVIII в. хорошо показана В. О. Голобуцким в книге «Запорізька Січ в останні часи свого існування» (Киев, 1961. с. 245—252, 373—374).

[19] Маркевич Н. А. Гаркуша... — «Русское слово», 1859, IX, с. 139.

[20] Там же, с. 140.

Частые и смелые нападения Гаркуши и его отрядов на дома панов подняли на ноги карателей. На дорогах Черниговской и Полтавской губерний была усилена стража, на ярмарках читали публикации о Гаркуше и его товарищах, но благодаря сочувствию угнетенного населения, предупреждавшего его об опасности, ему удавалось скрываться. Неоднократно каратели нападали на след Гаркуши, но он ускользал и вместе с отрядом появлялся в другом месте. Летом 1773 г. во время похода на Правобережную Украину, возле Межегорского монастыря, гаркушевцы были окружены, а затем схвачены большим отрядом солдат. Гаркуша был бит кнутом и осужден на каторжные работы в Оренбург, откуда в связи с действиями Емельяна Пугачева переведен в Таганрог. Через полтора года, зимой 1776 г., он бежал из тюрьмы вместе с охранником Тимофеем и направился в Батурин и Терны. Здесь он познакомился с Романом Босенко, своим «постоянным» товарищем из бедняков, и с Онисем Недонищенко.[21]

Вскоре отряд Гаркуши значительно увеличился. К нему присоединились Яков Косой, Осип Письменный из Конотопа, Бараниченко из Киева, несколько человек из Харькова. На территории Черниговщины и Полтавщины в отряд Гаркуши вступило много крепостных — Карп Селезень, Остренко, Суховиенко и др. Популярность Гаркуши росла, он действовал успешно, решительно и энергично. Участились нападения на помещиков, не щадили и духовенство. Отряд Гаркуши совершил нападение на протопопа Федоровича (Новые Млины) и священника Прокоповича (село Чернецкое), а также в 1778 г. на крупного собственника казацкого старшину Борисенко. Гаркуша стремился, пишет Маркевич, «заставить скрягу богача поделиться с бедняками».[22] Богатство и деньги распределяли на три части: себе, бедным и артели.

Смелость и отвага Гаркуши и его побратимов росла. Они совершают нападение на новгород-северского бургомистра Зименко. Отсюда отряд двинулся к Каневу, а затем в Ромны, чтобы запастись провиантом и фуражом. Здесь Гаркуша был опознан сидевшим в Роменском остроге казаком Осадчим, взят под стражу вместе с ватагой и более года находился в Глуховском остроге. В 1779 г. за ограбление новгород-северского бургомистра Глуховский суд отправил Гаркушу и его товарищей в Москву, где их били кнутами, наложили клейма на лбу и скулах, вырвали ноздри и отправили в Казань на каторжные работы.[23]

В мае 1781 г. Гаркуша организует побег из казанской тюрьмы большой группы каторжников. Они вышли к Волге и здесь получили большую помощь (пищу, одежду) от черемисов-рыбаков, которые и переправили их за Волгу. Гаркуша, Босенко

[21] Там же, с. 142—143, 145. 158.
[22] Там же, с. 147, 149.
[23] Там же.

и Зименко бегут на Украину и останавливаются в местечке Смелом, где у них было много друзей. Здесь Гаркуша создает новый отряд, в который вошли Босенко, Зименко, Дараган, запорожец Моргослеп, Подоляка, Романенко, Цыганко и др. Быстро передвигаясь, отряд совершает набеги на панские поместья Левобережной и Правобережной Украины. Особенно большой резонанс получил наезд на поместье крупного крепостника Холодовича в 1782 г. Гаркуша действовал в Конотопе, Миргороде и Ромнах, где в 1784 г. 17 февраля по доносу богатея попал в облаву и был схвачен. Дело Гаркуши и его товарищей рассматривалось в Черниговском, Новгород-Северском, Киевском, Харьковском и Екатеринославском наместничествах. В 1785 г. Гаркуша был осужден на вечную каторгу, бит кнутами (280 ударов). «Конец дела каждому известен, — пишет Маркевич, — кнут, подновление указных знаков, каторга, — короче — все следуемое в силу законов уголовных ... Гаркуша пошел в Нерчинск».[24]

Несомненно, статья Н. Маркевича о народном мстителе Семене Гаркуше, опубликованная в «Русском слове», где печатались М. Михайлов, Марко-Вовчок, Г. Благосветлов, обратила на себя внимание деятелей революционно-демократической партии Чернышевского и Добролюбова.

Маркевич внес свою скромную лепту в дело борьбы с самодержавно-крепостническим строем. Тем более, что борьба народных мстителей способствовала пробуждению у угнетенного крестьянства духа неповиновения и развертывания антифеодальной борьбы.

---

[24] Там же.

Н. Г. Сладкевич

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРВЫХ ПОРЕФОРМЕННЫХ ЛЕТ

С ростом общественного оживления в России на рубеже 50—60-х годов XIX в. все большее место в публицистике стал занимать крестьянский вопрос — центральный вопрос, вокруг которого развернулась упорная борьба между представителями противостоящих друг другу классовых лагерей.

В спорах по крестьянскому вопросу в помещичье-буржуазной публицистике столкнулись два основных течения: одно выражало настроения крепостнических слоев господствующего класса, стремившихся освободить крестьян без земли; другое стояло за частичное наделение крестьян землей при условии значительного выкупа. И то и другое отстаивали помещичий тип капиталистического развития сельского хозяйства, изыскивая средства сохранения в новых условиях, после отмены крепостного права, подчиненного положения крестьян от помещиков. Поборники обоих течений были глубоко враждебны народным массам.

Известно, что одной из определяющих черт помещичье-буржуазной публицистики первых пореформенных лет являлось славословие по поводу дарованной свыше «воли». Журналы и газеты помещичьих кругов изобиловали статьями, авторы которых усердно соревновались в безудержном восхвалении монарха и его ближайшего окружения за акт 19 февраля 1861 г.

Как о «великом дне русской истории» говорилось в помещичьей печати о 19 феврале — дне, навсегда якобы связанном со значительным событием, в котором нашли свое яркое отражение мудрость и воля монарха, развязавшего вековые узы крепостных отношений между миллионами людей.

По убеждению М. П. Погодина, Россия приобрела мирным путем то, что Запад достиг ценой мятежей, революций, потоками крови, неисчислимыми жертвами, которые остались полно-

стью не подсчитанными ни Минье, ни Тьером, ни Ламартином.[1] «Северная пчела» также утверждала, что в России уничтожение крепостного права происходит, минуя беды, которые сопутствуют историческому пути развития Запада, и ход крестьянского дела в России служит красноречивым доказательством того, что «цепь современного Спартака распадается без всяких потрясений, без всякого насилия».[2]

Однако восхваление акта 19 февраля и панегирики в адрес «монарха-освободителя» вскоре уступили место тревожным сообщениям о «недоразумениях», учащающихся беспорядках, распространении ложных толков среди крестьян, отказе их от выполнения барщинной повинности, упорном уклонении от подписания уставных грамот и др.

С лета 1861 г. начали появляться корреспонденции, в которых с нескрываемым беспокойством отмечалось, что во многих губерниях вспыхнули волнения, вынудившие правительство принять энергичные меры для водворения порядка. Не утаивалось и то, что увещания местных властей часто оставались безрезультатными, законность восстанавливалась лишь с помощью военных команд, с последующим строгим дознанием главных зачинщиков беспорядков. Волна крестьянских выступлений, прокатившаяся по стране после обнародования «Положений» 19 февраля, охарактеризована была в июньском номере «Отечественных записок» за 1861 г. как «первый кризис крестьянского дела».[3]

Вина за нарушение спокойствия возлагалась прежде всего на «подстрекателей», лжетолкователей из среды народа, злонамеренно трактующих «Положения» 19 февраля как даровавшие якобы крестьянам «чистую волю», «полную свободу».[4] «Кажется не ошибусь, — пишет один помещик в «Санктпетербургских ведомостях»,— если скажу, что везде... главный корень всех зол — это запевалы. Вырвите их с корнем, и порядок нигде не нарушится».[5]

Из поля зрения авторов ряда статей вместе с тем не ускользнуло и то, что упорство крестьян в своих заблуждениях, их доверчивость к «подстрекателям» и «запевалам» в значительной степени обусловлены были тем, что цепко жившие в умах народных масс представления о «чистой воле» резко расходились с мыслями, пронизывающими акт 19 февраля.

В литературе, посвященной откликам народных масс на отмену крепостного права, не раз отмечалось, что притягательная

---

[1] Погодин М. П. Наше время в отношении к русской истории. — «Санктпетербургские ведомости», 1861, 7 апр., № 79.

[2] «Северная пчела», 1861, 17 марта, № 61.

[3] «Отечественные записки», 1861, т. 137, июль—август, «Современная хроника России», с. 2.

[4] См., напр.: «Северная пчела», 1861, 15, 26, 27 мая, 2, 3 июня и др.

[5] «Санктпетербургские ведомости», 1861, 2 авг.

сила и крестьянского вожака села Бездны Спасского уезда Казанской губернии Антона Петрова, и руководителя восстания в Пензенской губернии Леонтия Егорцева, и аналогичных им комментаторов «царской воли» сказалась именно в том, что они сумели «доискаться» в «Положениях» той «народной правды», которую якобы скрывали от крестьян помещики.

Вековое недоверие к помещикам, сочетающееся со слепой верой в царя, с наивными монархическими иллюзиями, и создавало благоприятную почву для «народных комментаторов» «Положений» 19 февраля. Как подчеркивалось рядом публицистов, «чистая воля» не мыслилась крестьянами вне полного освобождения народа от помещичьей власти и безвозмездной передачи земли тем, кто ее обрабатывает, из поколения в поколение на ней трудится.[6] Делясь с читателями в «Письмах с дороги» впечатлениями о настроениях в пореформенной деревне, Н. Мельгунов не скрывает того, что крестьяне чуть ли не повсеместно упорно отклоняются от каких бы то ни было соглашений с помещиками, отказываются от подписания уставных грамот, находясь в томительном ожидании «благодетельных изменений» во всей их жизни, уповая на новую «царскую милость».[7] Автор «Писем» ратует за решение вопроса, связанного с подписанием уставных грамот, неторопливым путем, исправлением заблуждений, кривотолков, с меньшим применением принудительных средств. «Если народ консерватор, — заявляет Н. Мельгунов, — то нам подавно не следует быть радикалами».[8]

В отличие от Н. Мельгунова, большая часть публицистов помещичьего лагеря высказывалась за ускорение принятия уставных грамот, рассматривая это мероприятие как действенное средство уменьшения напряженности в отношениях между помещиками и крестьянами. В «Записках мирового посредника», опубликованных в «Санктпетербургских ведомостях» в марте 1862 г., отказ крестьян от подписания уставных грамот рассматривался как «стачка».[9]

Во многих периодических изданиях подчеркивалось, что скорейшее освобождение крестьян от ложных представлений о получении ими дополнительных льгот по истечении двухлетнего срока после опубликования «Положений» 19 февраля становится одной из важнейших задач.[10] Встревоженный «превратными

---

[6] «Северная пчела», 1861, 7 июня, № 126; «Санктпетербургские ведомости», 1861, 13 сентября, 29 ноября, № 201, 265 и др.

[7] «Санктпетербургские ведомости», 1861, 17 сентября, № 212.

[8] «Санктпетербургские ведомости», 1861, 18 июля, № 158.

[9] «Санктпетербургские ведомости», 1862, 8 марта.

[10] Известно, что «Положениями» 19 февраля предусматривался двухлетний срок введения уставных грамот. До истечения этого срока, говорилось в «Манифесте», крестьянам и дворовым людям пребывать в прежнем повиновении помещикам и беспрекословно исполнять прежние их обязанности (см.: Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954, с. 34).

толками» и «ложными надеждами», и сам монарх счел необходимым в 1861 и 1862 гг., выступая перед представителями крестьян, лично указать им, что «никакой другой воли не будет, кроме той, которая дана». Царь призывал их не верить злонамеренным слухам о каких-то новых льготах, быть полностью послушными властям и помещикам.[11]

В печати высказывалось мнение, что с затягиванием подписания грамот скоро будет покончено, крестьяне перестанут беспокоиться о «новых правах на свободу» и в их сознании укрепится мысль, что «дело идет только об экономических, а не юридических условиях нового быта».[12] Поскольку экономические условия во многом обусловлены были выкупной операцией, на ней в печати в значительной степени и сосредоточивался центр тяжести обсуждения крестьянского дела. В статье, посвященной вопросу о выкупе, реакционный публицист, рьяный защитник дворянских привилегий В. Скарятин назидательно писал о том, что крестьянское дело не продвинется вперед, пока крестьяне не поймут, что выкуп земли обойдется им дешевле, чем смуты, беспорядки, мятежи, что никакая собственность «не приобретается даром».[13]

Как о многознаменательном явлении, предвещающем благоприятный исход крестьянской реформы, писала «Северная пчела» о законе 27 июня 1862 г., распространявшем выкупную операцию и на барщинные издельные имения. В газете выражалась уверенность, что эта новая правительственная мера приведет к самым благоприятным результатам, устранит затруднения для владельцев, стремящихся к развязке обязательных отношений, и откроет крестьянам возможность приобретения в будущем земельной собственности посредством выкупа.[14]

Вскользь касаясь вопроса о будущих крестьянских собственниках, помещичья печать, разумеется, больше всего была озабочена грядущими судьбами дворянства и современными нуждами первенствующего сословия. «Реформа, заставшая врасплох наших помещиков, — писал один из корреспондентов «Санктпетербургских ведомостей», — поставила их в весьма затруднительное положение. Каждый сознает теперь, что необходимо изменить систему хозяйства, но в чем должно состоять это изменение, как к нему приступить — это вопрос нерешенный.[15]

Газетные и журнальные статьи изобиловали жалобами помещиков на плохую работу крестьян, непомерную дороговизну вольнонаемных рабочих, уменьшение полевых запашек, край-

---

[11] «Современная летопись», 1861, ноябрь, № 47, с. 16; декабрь, № 50, с. 19; «Московские ведомости», 1862, 27 ноября.

[12] «Отечественные записки», 1861, т. 137, сентябрь—октябрь, «Современная хроника России», с. 8.

[13] «Санктпетербургские ведомости», 1862, 24 апр.

[14] «Северная пчела», 1862, 13 июля.

[15] «Санктпетербургские ведомости», 1861, 29 ноября, № 265.

нюю нужду в деньгах, кредите. Немало говорилось о растерянности помещиков, нависшей над ними угрозе разорения, о безрадостных хозяйственных итогах за первый год пореформенной эпохи.[16]

Лейтмотивом многих статей являлось убеждение в том, что вне содействия со стороны правительства нельзя будет изжить «хозяйственную неурядицу», которая сопутствует реформе. Среди помещичьих просьб, адресованных правительству, часто встречаются в печати ходатайства о прекращении в течение «кризисных лет» взимания процентов за заложенные имения.[17]

Все чаще проскальзывала и мысль о том, что к старому уже не может быть возврата, плачем по крепостному праву нельзя повернуть страну вспять, и дальнейшее благосостояние дворянства будет в огромной степени зависеть от быстрейшего завершения «семейной тяжбы» землевладельцев с крестьянами.[18] «Великое преобразование крестьянского быта», — подчеркивалось в «Современной летописи» «Русского вестника», непременно предполагает и «огромную долю» участия дворянства в различных сферах общественной жизни страны, в частности и в проектируемых земских учреждениях.[19]

Нетрудно видеть, что рассуждения дворянских публицистов по «крестьянскому делу» легко подменялись заботой о «помещичьем деле», изысканием путей приспособления помещичьего хозяйства к новым отношениям, сложившимся в пореформенный период, требованиями, направленными на расширение политических прав дворянства.

В противовес деятелям помещичьего лагеря, революционные демократы, являвшиеся непримиримыми врагами самодержавно-крепостнического строя, ратовали за такой путь решения крестьянского вопроса, который полностью отвечал бы чаяниям народных масс.

С требованиями, отражающими стремления крестьянских масс, первыми выступили в демократической публицистике еще в предреформенные годы А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Первоочередной задачей они считали освобождение крестьян с землей за необременительный выкуп при сохранении общинного землевладения.

Несомненно, что на аграрной программе «Колокола» сказались либеральные колебания Герцена и Огарева, от которых они освобождались постепенно, по мере обострения классовых противоречий в стране.[20] Эволюция их взглядов шла в сторону

---

[16] «Современная летопись», 1861, № 36; «Московские ведомости», 1861, 14 ноября, № 250 и др.

[17] «Северная пчела», 1862, 23 окт., № 253.

[18] «Современная летопись», 1862, № 26, с. 6.

[19] «Современная летопись», 1862, № 17, с. 28.

[20] См.: Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. Л., 1962, с. 54—56.

выработки последовательной революционно-демократической программы, ориентирующейся на победу народного восстания. По мере того как Герцен и Огарев все тверже становились на последовательные революционно-демократические позиции, они расширяли и углубляли свою программу, все настойчивее выдвигали требования безвозмездной передачи крестьянам всей земли, — передачи, осуществляемой революционным путем.

Не о сосуществовании у А. И. Герцена и Н. П. Огарева двух программ, в частности двух аграрных проектов, может идти речь, как это представляется ряду исследователей,[21] а о замене ими прежних, сравнительно умеренных требований более радикальными, во многом уже совпадающими с программой Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. С течением времени позиции «Колокола» сближались с линией «Современника». Курс, взятый «Современником», был нацелен на раскрытие тесной связи крепостничества с самодержавием, на пропаганду идей народной революции. Реализация планов Чернышевского и Добролюбова по крестьянскому вопросу предусматривала полную ликвидацию феодализма, конфискацию помещичьей земли, национализацию земли при сохранении общинной формы землепользования. Осуществление этой задачи было неразрывно связано с осуществлением революционного переворота.

Под прямым воздействием статей «Современника» и «Колокола» вопросы об общественной и государственной собственности на землю стали занимать все большее внимание революционно-демократических кругов. О передаче земли в народную собственность как о мере, отвечающей интересам крестьянства, писал Н. Серно-Соловьевич.[22] «Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране... чтобы личных землевладельцев не существовало»,[23] — заявлял в прокламации «К молодому поколению» Н. В. Шелгунов, высказывая положение, созвучное мыслям Н. Г. Чернышевского. Требование установления общественной собственности на землю содержится и в прокламации «Молодая Россия».[24]

Революционно-демократическая публицистика вскрывала антинародный характер реформы 1861 г. Н. Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Герцен и Н. П. Огарев, сотрудники «Русского слова» и «Искры» оценивали ее как отвечающую помещичьим интересам.

Известно, что печатью молчания отметил «Современник» обнародование Манифеста и «Положений» 19 февраля. Во внут-

[21] См.: Тараканов Н. Г. Вступительная статья. — В кн.: Огарев Н. П. Избр. соц.-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952, с. 28 и др.

[22] Серно-Соловьевич Н. Окончательное решение крестьянского вопроса. Берлин, 1861, с. 83.

[23] Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.—Пг., 1923, прил., с. 297.

[24] См.: Политические процессы 60-х годов, вып. 1. Под ред. Б. П. Козьмина. М.—Пг., 1923, с. 265—266.

реннем обозрении Г. З. Елисеев дал понять демократическому читателю, хорошо разбиравшемуся в подцензурных строках, что иначе журнал и не имел возможности выразить своего отрицательного отношения к опубликованному акту.[25] «Мерзостью» назвал реформу Н. Г. Чернышевский в романе «Пролог». «Разбором нового крепостного права» озаглавил Н. П. Огарев цикл своих статей в «Колоколе», посвященных «Положениям» 19 февраля.[26] М. Е. Салтыков охарактеризовал реформу «как движение мелочей и подробностей, нисколько не изменившее сущности главного дела».[27]

Усилия публицистов «Современника» и «Колокола», гневно откликнувшихся на «царскую волю», развенчивавших упования на «доброго царя», пекущегося якобы о благе народа, подкреплялись революционными прокламациями периода первого демократического натиска на самодержавие. «Нет, нечего ожидать радости от царской милости»,— писал в прокламации, появившейся в конце 1861 г., Иван Пеньковский, указывая на общность интересов царя и помещиков, рисуя дворян как пособников царя, душителей и мучителей народа.[28] Об обманчивости надежд на царя, о необходимости сплочения народа для осуществления задач, стоящих перед страной, с большой силой говорится и в прокламации, начинающейся словами: «Долго давили вас, братцы, мучили работой, секли розгами да кнутами».[29] Рассмотрение прокламаций показывает, что с течением времени в них все меньше надежд возлагается на возможность уступок со стороны правительства и все значительнее усиливается их антипомещичья и антицаристская направленность.

Обличением реформы 1861 г. революционно-демократическая публицистика оказала большую услугу освободительному движению России.[30]

---

[25] «Современник», 1861, т. 86, март — апрель, «Внутреииее обозрение», с. 101—102.

[26] «Колокол», 1861, л. 101, 103, 104, 105, 106.

[27] Щедрин Н. (Салтыков М. Е.). Наша общественная жизнь. — Полн. собр. соч., т. 6. М., 1941, с. 529.

[28] См.: Вульфсон Г. и Бушканец Е. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 гг. Казань, 1955, с. 93—96.

[29] См.: Вдовин В. А. Сборник документов по истории СССР. М., 1975, с. 145—147.

[30] См.: Базилева З. П. «Колокол» Герцена 1857—1867 гг. М., 1949; Зевин В. Я. Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского. М., 1953; Лников Я. И. Революциоиная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и «Земля и Воля» 1860-х годов. М., 1964; Покровский С. А. Программа крестьянской революции в работах Н. Г. Чернышевского. — Учен. зап. Всесоюзн. юридического заочного ин-та, 1960, вып. XI; Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев в русском революциоином движении. М., 1969; Сикорский Н. М. Журнал «Современник» и крестьянская реформа 1861 г. М., 1957.

Вал. В. Мавродин

СТАРИННОЕ КАЗНОЗАРЯДНОЕ ОРУЖИЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЭРМИТАЖА

Одной из наиболее примечательных черт коллекции оружия Эрмитажа является ее многообразие. Здесь собрано не только дорогое и подарочное оружие, но и различные экземпляры, отражающие многообразные этапы развития оружейного дела в России, Западной Европе и Америке. Особенную ценность для изучения истории развития огнестрельного оружия в этом разделе коллекции представляют различные казнозарядные пистолеты и револьверы, ружья и винтовки, как охотничьих, так и армейских систем, а также спортивное, дуэльное и карманное оружие. Стремясь создать надежное и простое в обращении оружие, мастера наряду с рациональными нередко создавали очень сложные, а порой и причудливые образцы вооружения.

Принцип заряжания оружия с казенной, а не с дульной части был известен задолго до выделения собственно стрелкового оружия. Этот способ имеет немало преимуществ, однако то, что ранние образцы стрелкового оружия заряжались с дула, нельзя рассматривать как шаг назад по сравнению с их пушкообразными прототипами, часть которых являлась казнозарядными. Заряжание огнестрельного оружия с казенной части на заре его появления в значительной мере объяснялось физическими свойствами и качеством пороха, которые не позволяли ему свободно просыпаться от дульного среза до казенной части. Подобного рода оружие заряжалось сзади, с казны, с помощью зарядной каморы с порохом. При этом обтюрация была чрезвычайно скверной и прорыв газов очень велик. Стрелявшие затрачивали значительное время для подготовки оружия к выстрелу. Таким образом, подобное казнозарядное оружие было еще менее скорострельным, чем более поздние образцы дульнозарядного оружия. Это объясняется рядом причин, которые до изобретения унитарного металлического патрона намного снижали практические качества казнозарядного оружия. Особенно отри-

цательно сказывался прорыв пороховых газов, что влияло на силу и меткость выстрела и приводило к загрязнению механизма затвора и затрудняло заряжание и разряжание оружия. Это был основной и самый существенный недостаток казнозарядного оружия, из-за которого сама идея долгое время была не очень популярной.

Наиболее ранним образцом казнозарядного стрелкового оружия принято считать ружье с колесным замком, принадлежавшее английскому королю Генриху VIII и датированное 1537 г. (хранится в Тауэре в Лондоне).[1] В 1544 г. итальянский оружейник из Равенны Джовани Батиста предложил Генриху VIII наладить производство подобного оружия для вооружения им гвардии. В случае, если бы казнозарядное оружие хорошо себя зарекомендовало, предполагалось распространить его и более широко. Однако осуществить эту идею оказалось невозможно.[2] В конце XVI в. и в следующем столетии оружейники европейских стран неоднократно предпринимали попытки сконструировать удачный вариант казнозарядного оружия. Почти все они имели или ввинчиваемую в ствол казенную часть, или заряжались специальными каморами, которые уже содержали в себе заряд.

Более серьезные шаги в конструировании казнозарядного оружия предпринимались в течение всего XVIII в. Еще на рубеже XVII и XVIII вв. значительную популярность, в особенности среди охотников, завоевывает оружие со сменными металлическими зарядными каморами. Для заряжания стволы откидывались вниз (подобно современным охотничьим ружьям), и в казенную часть вставлялась камора, на которой обычно крепилось огниво с подогнивной пружиной и полка для затравочного пороха. Иногда мастер этого избегал, и на зарядной каморе крепился только упор. Великолепным примером этого варианта заряжания являются два охотничьих ружья, одноствольное и двухствольное, работы выдающегося тульского мастера конца XVIII в. Ивана Лялина.[3] Для одного из этих ружей — одноствольного — мастер избрал срединный кремневый замок, что в ружьях вообще, тем более казнозарядных, встречается крайне редко. Наряду с оригинальными техническими решениями конструкции эти ружья являются подлинными шедеврами прикладного искусства, примерами величайшего мастерства легендарных тульских оружейников. Ложе, цевье и приклад оружия Лялина сделаны из слоновой кости, на которую нанесен тончайший растительный рисунок. Такого же характера и оформление металлических частей ружей, датируемых 80-ми годами XVIII в.

В конце этого столетия появляются гремучие составы, сы-

[1] Petersen Harold L. Encyclopedia of firearms. N. Y., 1964, p. 61.
[2] Ibid.
[3] Государственный Эрмитаж. Арсенал, № 145.

гравшие огромную роль в развитии огнестрельного оружия. Именно с их появлением связана деятельность одного из выдающихся оружейников XIX в. Иоганна Самуэля Паули. В коллекции Эрмитажа его оружие представлено парой уникальных дуэльных казнозарядных пистолетов.[4] В своих работах талантливый швейцарский оружейник обогнал современников более чем на полвека. Свое первое изобретение он патентует в Париже в 1809 г. Во времена полного господства дульнозарядных ружей и пистолетов появляется оружие не только казнозарядное, но и с унитарным металлическим патроном центрального воспламенения. На общем фоне развития оружия в частности и техники вообще это изобретение подобно реактивному истребителю, несущемуся над полями сражений первой мировой войны. Изобретение И. Паули было необычным для современников, и к нему отнеслись очень настороженно. Действительно, сделать на бегу 22 выстрела в 2 минуты, как это удалось самому изобретателю, казалось фантазией. В 1813 г. Паули предложил свое оружие Наполеону, но французский император не решился ввести его на вооружение.[5] Несмотря на главное преимущество ружей и пистолетов Паули — их скорострельность, производство его оружия обходилось дорого. Кроме того, с точки зрения современников, система Паули была сложна и хрупка в обращении и требовала организации специального производства унитарных патронов. Оружие И. Паули не привилось, и о нем постепенно стали забывать. В 1819 г. он умер.

У Паули появилась целая плеяда неудачливых последователей, которые изобретали самые различные патроны и казнозарядные системы — капсюльные казнозарядные, игольчатые, со шпилечным патроном (Лефоше). Только через полстолетия, в 1869 г., английский полковник, а впоследствии заведующий королевской лабораторией Эдуард Боксэр фактически возвращается к тому принципу, который был открыт швейцарским оружейником. «Все то ново, что хорошо забыто», — писал выдающийся оружейник-теоретик В. Л. Чебышев. Сейчас в основе всех конструкций огнестрельного оружия лежит принцип Паули.

Имели место и сложные, нерациональные конструкции. К их числу следует отнести охотничье ружье петербургского мастера И. Яхтмана, сделанное в 20-х годах XIX в. Для заряжания ствол ружья откидывался в сторону, а затем соединялся с зарядной каморой поворотной муфтой.[6] Пороховой заряд воспламенялся не капсюлем, а «воспламенительным порохом» (гремучим составом). Для увеличения скорострельности замок своего ружья Яхтман снабдил специальным магазином для гремучего состава.

---

[4] Там же, № 3. 0. 879, 5287.
[5] Petersen Harold L. Encyclopedia..., p. 225.
[6] Государственный Эрмитаж, № 3. 0. 5645.

Сложной в обращении была казнозарядная капсюльная винтовка, изготовленная в 1833 г. по системе Н. И. Лебница смотрителем Сестрорецкого оружейного завода К. И. Поппе.[7] Ствол винтовки Поппе поднимался вверх, что крайне неудобно.

Сложность в производстве и в обращении обусловливала то, что казнозарядные системы распространялись главным образом в охотничьем, дуэльном, спортивном оружии. К такого рода оружию относятся хранящиеся в Эрмитаже целевой пистолет чешского оружейника Матиаса Новотного, изготовленный в 30-х годах XIX в.,[8] и аналогичный пистолет знаменитого чешского мастера Антонина Винсента Лебеды.[9] Пистолет Новотного снабжен поворотной каморой, с одной стороны которой вставлялся заряд, а с другой — на специальную наковальню надевался капсюль. Замок пистолета сложен по конструкции, и внешний курок не сам непосредственно разбивает капсюль, а служит лишь для взвода внутреннего бойка. Пистолет Лебеды также имеет внутренний боек, но, в отличие от пистолета Новотного, для заряжания у него поворачивается весь ствол, а затем вставляется зарядная камора. Ствол пистолета Лебеды изготовлен из дамасской стали необычного узора и покрыт коричневой оксидировкой, секрет которой утрачен.

Дороговизна, сложность и несовершенность первых казнозарядных систем исключали возможность принятия их на вооружение в армии. Правда, попытки ввести казнозарядные системы в качестве армейского оружия имели место. Так, в 1812 г. США частично вооружили своих солдат казнозарядными винтовками с кремневым замком конструкции капитана Джона Хенкок Холла.[10] Винтовка Дж. Холла, изготовленная в 1826 г. на оружейном заводе Харпер Ферри в Западной Виргинии, хранится в Эрмитаже.[11] Его конструкцию заимствовал оружейник и фабрикант Фаллис. В 1839 г. крепостное казнозарядное капсюльное нарезное ружье Фаллиса (Рампар) было принято на вооружение в русской армии. Это были первые попытки снабдить войска казнозарядными ружьями.

Более совершенными явились так называемая двухпульная система, и особенно игольчатая винтовка И. Н. Дрейзе. Сущность двухпульной системы состояла в том, что одна пуля проталкивалась вперед, в глубь зарядной каморы, затем вставлялся бумажный патрон порохом вперед, пуля которого во время выстрела служила своего рода обтюратором, а затем процесс повторялся. К такого рода системе относится хранящийся в Эрмитаже охотничий казнозарядный карабин с капсюльным зам-

[7] Там же, № 3. 0. 557.
[8] Там же, № 3. 0. 5655.
[9] Там же, № 3. 0. 5653.
[10] Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие, т. 1. Л., 1937, с. 115.
[11] Государственный Эрмитаж, № 3. 0. 595.

ком.[12] Карабин украшен резьбой по дереву и гравировкой. Датируется он примерно 1860 г.

Виднейший знаток военного дела, и в частности стрелкового оружия, Ф. Энгельс в 1860 г. писал, что казнозарядной «системе суждено, видимо, постепенно вытеснить все остальные», так как «громадные преимущества заряжания с казенной части очевидны».[13]

Появление металлического патрона (шпилечного патрона Лефоше, патрона кругового воспламенения, или так называемого «бокового огня», и патрона центрального боя) устранило все недостатки казнозарядного стрелкового оружия.

В собрании Эрмитажа к такого рода казнозарядному оружию относится дуэльный набор с пистолетами системы Деклервиль под патрон Лефоше, изготовленный в 1855 г.[14] Затворы пистолетов открываются вверх и затем влево. Стволы из дамасской стали покрыты коричневой оксидировкой, ложа и рукояти выполнены из черного дерева, резные, а замки и приборы обработаны таущировкой золотом в виде растительного орнамента.

Примерно в это же время американские оружейники Вальтер Хант, Луис Дженингс, Горац Смит, Даниэль Вессон и Бенджамин Генри работают над различными типами казнозарядного оружия под металлический патрон. Приближалась гражданская война в США между Севером и Югом. Предприимчивый торговец мужским бельем Оливер Винчестер приобретает производство «Волканик», принадлежавшее Смиту и Вессону, и приглашенный им Б. Генри приспосабливает систему «Волканик» к металлическому патрону (1860 г.), усовершенствованную Нильсоном Янгом. Так появились знаменитые винтовки и карабины — «винчестеры», к конструкции которых Оливер Винчестер не имел никакого отношения. Многозарядная винтовка Винчестера под металлический патрон хранится в Эрмитаже.[15]

Наступила эра стрелкового оружия армейского образца под металлический патрон.

---

[12] Там же, № 3. 0. 561.
[13] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 221, 232.
[14] Государственный Эрмитаж, № 3. 0. 171, 309.
[15] Там же, № 3. 0. 551.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В. В. МАВРОДИНА*
(1971—1976 гг.)

1971

Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Учебн. пособие для исторических факультетов университетов. М., «Высшая школа». 192 с.

Древняя Русь в трудах советских историков между XXIII и XXIV съездами КПСС. — Вестн. Ленингр. ун-та, № 14. История, язык и литература, вып. 3, с. 61—72 (в соавт. с И. Я. Фрояновым).

О племенных княжениях восточных славян. — В кн.: Исследования по социально-экономической истории России. — Труды Ленингр. отделения Ин-та истории СССР АН СССР, вып. 12. Л., «Наука», с. 44—45.

Сельскохозяйственное производство и потребление в позднефеодальной Польше. — Вести. Ленингр. ун-та, № 2. История, язык и литература, вып. 1, с. 144—146 (в соавт. с В. А. Якубским).

Рец.: Материальная и духовная культура Руси. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. — «История СССР», № 3, с. 182—187 (в соавт. с Н. М. Волынкиным и И. Я. Фрояновым).

Ред.: На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленингр. ун-та. Л., Изд-во Ленингр. ун-та. 264 с.

1972

Петр I и петровская эпоха в оценке нашего современника. Л., «Знание». 32 с.

История СССР, ч. 1. София (на болгарском языке), гл. I, § 1, 2, 3, 6; гл. II, § 2, 3, 4, 5, 6; гл. VIII—XVI.

Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. М., Воениздат. 319 с. (в соавт. с В. А. Ежовым и Н. М. Волынкиным).

---

* Список трудов проф. В. В. Мавродина за 1934—1970 гг. см. в кн.: Проблемы феодальной России. Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1971.

О работах Е. В. Тарле, посвященных истории России в XVIII столетии. — В ки.: Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., «Наука», с. 39—48.

Роль отечественной историн в воспитаиии советского патриотизма. — В кн.: Образование СССР — торжество ленинской иациональной полнтики. Тезисы к научио-теоретической конференции, посвящеиной 50-летию образования СССР. Л., Изд-во Ленингр. уи-та, с. 11—15.

По поводу «пасквиля», обнаруженного в Зимием дворце в январе 1774 года. — В кн.: Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX—XX вв. Памяти проф. С. Б. Окуня. Л., Изд-во Леиингр. ун-та, с. 184—187.

Проблемы разложения первобытнообщиниого строя на Руси в свете работ Ф. Эигельса. — В кн.: Фридрих Эигельс — великий мыслитель и революционер. Материалы научно-теоретической конфереиции преподавателей общественных иаук вузов и научиых сотрудииков учрежденнй АН СССР. Л., Изд-во Леинигр. ун-та, с. 133—142 (в соавт. с И. Я. Фрояиовым).

Эигельс и некоторые вопросы эволюции общиного землевладения иа Руси IX—XII вв. — «Советская этнография», № 1, с. 14—23 (в соавт. с И. Я. Фрояновым).

Ногою твердой став у моря... — «Блокнот агитатора», № 14, с. 29—39.

С. Б. Окунь (Историк. 1908—1972. Некролог). — «История СССР», № 5, с. 251—252 (в соавт. с Н. Г. Сладкевичем).

Семен Бенцианович Окунь. — В кн.: Проблемы общественной мысли и экономическая полнтика России XIX—XX вв. Памяти проф. С. Б. Окуня. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, с. 3—12 (в соавт. с Н. Г. Сладкевичем).

«Действительно великий человек». — «Строительный рабочий», № 1 (1883), с. 11.

Так строился наш город. Начальные страницы истории Петербурга — Леиниграда. — «Строительный рабочий», № 30 (1912), с. 13; № 32 (1914), с. 13.

Рец.: Пронштейн А. П. Методика исторического исследования. — «Вопросы истории», № 2, с. 149—151 (в соавт. с А. Л. Шапиро).

Рец.: Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международиые отношения. — «Вопросы истории», № 10, с. 140—142 (в соавт. с Л. С. Семеновым и В. И. Шереметом).

Ред.: История и культура славяиских стран (Сборник студенческих научных работ). Л., Изд-во Ленингр. ун-та. 78 с.

1973

История СССР, ч. 1. Учеб. пособие (изд. 4-е, доп.). ВПШ при ЦК КПСС. Заочная высшая партийиая школа при ЦК КПСС. М., «Мысль», гл. 3—10, с. 29—123.

Крестьянская война под предводительством Пугачева. М., «Знание». 64 с.

Крестьянская война в России в 1773—1775 годах (К 200-летию войны). — «Вопросы истории», № 9, с. 64—77.

Армня Пугачева в Крестьянской войне 1773—1775 гг. (К 200-летню войны). — Военно-исторический журнал, № 9, с. 95—100.

Русские участники мятежа Бениовского и их плавание на Мадагаскар и в Европу. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 2. Л.. Изд-во Ленингр. ун-та, с. 103—110.

«Он горячо любил университет и его людей...». — В кн.: Ученый коммунист. К 75-летию со дня рождения А. А. Вознесенского. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, с. 101—106.

Основатель Петербурга. — «Белые ночи». Альманах. Вып. 2. Л., с. 93—111.

Археографическое введение к кн.: Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период феодализма), ч. V. XVIII век. М., «Высшая школа», с. 3—13.

Вступ. ст. к кн.: Коничев К. Петр Первый на Севере. Повествование о Петре Первом, о делах его и сподвижниках на Севере, по документам и преданиям написанном. Л., Лениздат, с. 3—6.

Сост.: Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева (Раздел IV). — В кн.: Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период феодализма), ч. V. XVIII в. М., «Высшая школа».

Рец.: Рабочие города Ленина. [Рец. на кн.: История рабочих Ленинграда, т. I. 1703—февраль 1917; т. II. 1917—1965 (Л. «Наука»)].—«Ленинградская правда», 9 февраля.

Рец.: Маврикій Горн. Класова боротьба й соцнальні конфліктн в містах Червоної Русі в 1600—1647 роках на фоні економічних відносин. — Український історичний журнал, № 12, с. 137—138 (в соавт. с Е. М. Косачевской).

Ред. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период феодализма), ч. V. XVIII век. М., «Высшая школа» (*сост.:* А. Л. Шапиро, Р. И. Козинцева, С. Л. Пештич, Н. М. Волынкин, В. В. Мавродин).

1974

Под знаменем Крестьянской войны (Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева). М., «Мысль». 151 с.

Пугачев и пугачевцы. Л., «Наука». 188 с. (в соавт. с Ю. А. Лимоновым и В. М. Панеяхом).

История СССР. Ч. I. С древнейшнх времен до 1861 г. Учебн. для студентов истор. факультетов пед. ин-тов. Изд. 3-е, испр. М., «Просвещение», гл. I, § 1, 2, 3, 6; гл. II, § 2, 3, 4, 5, 6; гл. VIII; гл. XIII—XVI.

По вопросу характера и исторического значения крестьянских войн в России. — В кн.: Крестьянскне войны в России в XVII—XVIII веках: проблемы, поиски, решения. М., «Наука», с. 35—51.

К характеристике Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России. — Вестн. Ленингр. ун-та, № 14. История, язык и литература, вып. 3, с. 27—34.

Проблемы развития национального самосознания в конце XIII — начале XV в. — В кн.: Польша и Русь. М., «Наука», с. 165—171.

Исторический роман из эпохи дворцовых переворотов. — В кн.: Пикуль В. Слово и дело. Роман-хроинка времен Анны Иоановны (в двух частях), т. 1. Л., Лениздат, с. 5—33.

Киевская Русь — начальный период истории русского народа. — В кн.: Озерецкой Е. Звенит слава в Киеве. Л., с. 150—157.

«Старцы градские» на Руси X в. — В кн.: Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М. К. Каргера. Л., «Наука», с. 29—33 (в соавт. с И. Я. Фрояновым).

40 лет историческому факультету Ленинградского университета. — Вестн. Ленингр. ун-та, № 8. История, язык и литература, вып. 2, с. 5—14 (в соавт. с В. А. Ежовым).

Рец.: Краснобаев В. И. Очерки истории культуры XVIII в. — «Преподавание истории в школе», № 1, с. 111—114.

Рец.: на книгу Новосельцева А. А., Пашуто В. Т., Черепнина Л. В. «Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)». — «История СССР», № 1, с. 194—201 (в соавт. с В. М. Бейлисом, И. Я. Фрояновым, И. П. Шаскольским).

Рец.: Свидетельство народной борьбы. [Рец. на кн.: Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея]. — «Правда», 7 августа, № 219.

Ред.: История СССР. Ч. I. С древнейших времен до 1861 г. Учебн. для студентов историч. факультетов пед. ин-тов. Изд. 3-е, испр. М., «Просвещение» (в соавт. с П. И. Кабановым).

1975

Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1773—1790 гг.). Курс лекций для историч. факультетов ун-тов. Л., Изд-во Ленингр. ун-та. 214 с.

Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л., Изд-во Ленингр. ун-та (в соавт. с В. А. Ежовым).

К вопросу об «Уставе» князя Ярослава «о мостах». — «Советская археология», № 2, с. 89—99 (в соавт. с С. Н. Орловым).

Предислов. к кн.: Косачевская Е. М. и Фалеева В. А. Грудью на огонь. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, с. 3—4.

С. Н. Валк (1887—1975). — Вестн. Ленингр. ун-та, № 8. История, язык и литература, вып. 2, с. 183—184 (в соавт. с В. А. Ежовым и Н. Г. Сладкевичем).

Межвузовские сборники университетов РСФСР. — «Вопросы истории», № 4, с. 139—142 (в соавт. с Г. Л. Курбатовым и В. А. Петровой).

Рец. на кн.: Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). — «История СССР», № 3, с. 198—202 (в соавт. с И. Я. Фрояновым и А. Л. Шапиро).

Рец.: Летопись труда и борьбы. [Рец. на кн.: История рабочих Ленинграда, т. 1—2. 1703—1965]. — «Известия», 16 сентября, № 217, с. 5 (в соавт. с С. С. Дмитриевым).

Рец.: Ковальчук В. М. Ленинград и «Большая земля». История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда. — «Ленинградская правда», 18 июня, № 41, с. 3.

Рец.: «История рабочих Ленинграда». — «Ленинградский университет», 2 декабря, № 97.

Предислов. к кн.: Витухновский А. Л. История: о чем она рассказывает, чему учит, как помогает преобразовывать мир. Петрозаводск, «Карелия», с. 3—5.

Der Bauerkrieg in Rußland von 1773 bis 1775 (zum 200. Jahrestag). — In: Der Bauer im Klassenkampf. Berlin, S. 527—548.

1976

О роли охоты и рыбной ловли в хозяйстве восточных славян. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 3. Л., Изд-во Ленингр. ун- та, с. 79—86.

В дни блокады. — Вестн. Ленингр. ун-та, № 2. История, язык и литература, вып. 1, с. 149—150 (в соавт. с В. А. Овсянкиным).

Крестьянская война в России 1773—1775 гг. К 200-летию. Перевод на японский яз. Хаяси Мотои. — Учен. зап. истор. ф-та ун-та Сэнсю. Токио, Япония, № 8, март, с. 68—89.

Советская историография отечественного стрелкового оружия XIX — начала XX в. — Вестн. Ленингр. ун-та, № 14. История, язык и литература, вып. 3, с. 45—51 (в соавт. с Р. Ш. Сот).

Рец.: Книги о научном подвиге русских моряков. — «Морской сборник», № 8, с. 108—110.

Die Historische Bedeutung Bauerkriege in Russland. Akademie Klado. Budapest, S. 113—119.

Послесловие к кн.: Пикуль В. Из старой шкатулки. Л., Лениздат, с. 311—318.

Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, т. III. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, с. 3—17 (в соавт. с В. А. Ежовым).

Рец.: Ценное научное издание. История городов и сел Украинской ССР. Киев, «Украинская советская энциклопедия», т. 26. — Вестн. Ленингр. ун-та, № 20. История, язык и литература, вып. 4, с. 157—158 (в соавт. с А. З. Ваксером, В. А. Ежовым, И. П. Лейберовым, В. И. Патоловым).

Рец. Давидсон А. В., Макрушин В. А. Облик далекой страны. — «Преподавание истории в школе», № 4, с. 111—113.

Составила *В. А. Петрова*

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библнотеках и архивах Россий-ской империи Археографическою экспедициею нмпе-раторской Академии наук, т. 1—4. СПб., 1836.
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археогра-фнческою комиссиею, т. 1—5. СПб., 1841—1843.
Архив ЛОИА	— Архив Ленинградского отделения Инстнтута архео-логии Академии наук СССР.
Архив ЛОИИ	— Архив Ленинградского отделения Института исто-рин СССР Академии наук СССР.
БАН СССР	— Библнотека Академин наук СССР.
ГБЛ	— Государственная публичная библиотека им. В. И. Ленина.
ГВНП	— Грамоты Велнкого Новгорода и Пскова. Подг. к пе-чати В. Г. Гейман, Н. А. Казаковой и др. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
ГИМ	— Государственный историческнй музей.
ГКЭ	— Грамоты Коллегии экономнн.
ГПБ	— Государственная публичная бнблиотека нм. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГПБ РО	— Отдел рукописей и редкой книги Государственной публичной бнблнотеки нм. М. Е. Салтыкова-Щед-рнна.
ДАИ	— Дополнения к Актам исторнческим, собранные и нз-данные Археографнческою комисснею, т. 1—12. СПб., 1846—1872.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удель-ных князей XIV—XVI вв. Подг. к печати Л. В. Че-репнин. Отв. ред. С. В. Бахрушин. М.—Л., 1950.
ДРВ	— Древняя Российская Вивлиофнка. Изд., предприня-тое Н. И. Новнковым, в 20 частях. СПб., 1773—1795.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб., Издавался с 1834 по 1917 г. ежемесячно.

ИАК	— Известия Государственной росснйской Археологической комиссии. Вып. 1—65. СПб., 1901—1918.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры, т. 1—14. М.—Л., 1921—1932. После выхода т. 14 нумерация «Известий» по выпускам. Вып. 60—154, 1932—1936.
ИРЛИ	— Институт русской литературы Академин наук СССР (Пушкинский дом).
КСИИМК АН СССР	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М., 1939—
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. Л., 1939—
МАР	— Материалы по археологии России, изданные Археологической комиссией. СПб., № 1—37, 1888—1918.
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1940—
НПК	— Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т. 1—6. СПб., 1859—1910.
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
ПВЛ	— Повесть временных лет, ч. 1—2. М.—Л., 1950.
ПР	— Правда Русская, т. 1—3. М.—Л., 1940.
ПРП	— Памятники русского права, вып. 1—8. М., 1952—1961.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. 1—28. СПб., М., 1846—1963.
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, т. 1—39. СПб., Л., 1872—1927.
САИ	— Свод археологических источников М., 1963—
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров, ч. III. М., 1822.
Труды ГИМ	— Труды Государственного исторического музея, вып. 1—33. М., 1926—1961.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.

СОДЕРЖАНИЕ

Ежов В. А., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. История феодальной России в трудах В. В. Мавродина 5

Булкин В. А., Дубов И. В. Тнмерево и Гнездово 16

Лебедев Г. С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах 21

Гадло А. В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных . . 25

Лихачев Д. С. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха 34

Фроянов И. Я. Вече в Киеве 1068—1069 гг. 38

Лимонов Ю. А. Древняя Русь в «Истории своего времени» Жака-Огюста де Ту 47

Свердлов М. Б. Дворяне в Древней Руси 54

Носов Н. Е. К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI в. 60

Зимин А. А. Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в. 77

Дегтярев А. Я. О мобилизации поместных земель в XVI в. 85

Шапиро А. Л. Холопы-страдники в XVI в. 92

Панеях В. М. Указы о холопьих отпускных 50 х годов XVI в. . . 103

Казакова Н. А. Когда началась полемика нестяжателей с иосифлянами 111

Скрынников Р. Г. Борис Годунов и падение Романовых в 1600 г. . 116

Копанев А. И. Законодательство о черном крестьянском землевладении XVI—XVII вв. 125

Черепнин Л. В. Земские соборы 1632 и 1634 гг. 133

Маньков А. Г. Правовое положение крестьян по Уложению 1649 г. 141

Шаскольский И. П. Историко-географические предпосылки основания Петербурга 149

Шабанова А. М. Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-запада России в первой четверти XVIII в. . 154

Петрова В. А. Иностранная корреспонденция Вольного экономического общества во второй половине XVIII в. 162

Косачевская Е. М. Народный мститель Семен Гаркуша . . . 171

Сладкевич Н. Г. Крестьянский вопрос в публицистике первых пореформенных лет 178

Мавродин Вал. В. Старинное казнозарядное оружие из коллекции Эрмитажа 185

Список научных трудов В. В. Мавродина 190

Список сокращений 195

ИБ № 716

Из истории феодальной России

Статьи и очерки

(к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина)

Редакторы *В. В. Макарова, Э. С. Востокова*

Техн. редактор *Е. Г. Учаева* Корректоры *М. В. Унковская, Э. А. Горелик*

Сдано в набор 10 XI 1977 г. Подписано к печати 10 II 1978 г.
М-07229. Формат бум. 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 3. Уч.-изд. л. 13,5. Печ. л. 12,5.
Тираж 4105 экз. Заказ 457. Цена 97 коп.
Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.